

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ АВТОНОМНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Пономарёв Сергей Анатольевич

**РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1930-1941 гг.**

13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата педагогических наук

Научный руководитель:
член - корреспондент РАО,
доктор педагогических наук,
доктор психологических наук,
профессор
Савенков Александр Ильич

Москва – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ВВЕДЕНИЕ ВСЕОБУЧА В СССР И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	23
1.1. Государственная политика в области образования в связи с введением обязательного школьного всеобуча.....	23
1.2. Развитие сети учреждений педагогического образования.....	53
1.3. Создание материальной основы деятельности педагогических учебных заведений.....	104
Выводы по первой главе.....	112
ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ НАБОРА СТУДЕНТОВ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ И ТЕХНИКУМОВ.....	116
2.1. Организация приёма и социальный статус студентов педагогических учебных заведений.....	116
2.2. Становление преподавательских коллективов в учреждениях педагогического образования	159
2.3. Развитие научно-исследовательской деятельности в педагогических институтах... ..	192
Выводы по второй главе.....	207
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	210
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	217

ВВЕДЕНИЕ

Реформирование российской системы образования, вызванное объективными потребностями развития современной цивилизации, актуализирует задачу активного поиска оптимальных путей совершенствования содержания и организации образовательной деятельности в современный период. В этой связи задача всестороннего анализа исторического опыта отечественного образования приобретает важное значение как с научно - теоретической, так и с практической точки зрения. Вместе с тем, эта работа не может строиться путём чисто механического заимствования прошлого опыта, а должна происходить на основе исторической оценки, творческого переосмысления всей совокупности результатов, последствий социальных преобразований.

Совершенно очевидно, что эта работа не может строиться лишь путём чисто механического заимствования прошлого опыта, она должна происходить на основе всесторонней исторической оценки, творческого переосмысления всей совокупности результатов социальных преобразований. «Чувство современности, – по мнению Б.М. Бим-Бада, – должно совпадать с тонким и точным анализом времени прошлого. Любая педагогическая система может быть понята только тогда, когда осознается эпоха, которую она породила и одновременно её породившая» [182;6].

Прошлое не исчезает, а продолжает жить в накопленном опыте людей, живёт в настоящем и историческая наука доказывает, что результаты модернизаций приобретают всё большую устойчивость по мере того, на сколько они обогащаются выверенными временем элементами прошлой системы. Всякая новая общественная формация неуклонно стремится к созданию и, как правило, создаёт адекватную себе систему образования, которая в конечном итоге выстраивается не только и не столько на отрицании старой системы, сколько на принятии её неоспоримых, проверенных временем элементов. Это происходит в результате длительного, часто противоречивого диалектического процесса переплетения и «вживления» компонентов прошлой системы в нарождающуюся новую. В соответствии с этим

современные историко-педагогические исследования методологически ориентируются на традиционно-консервативный подход, в своей основе исходящий из диалектической преемственности элементов исторического прошлого для решения актуальных проблем развития современного образования [17].

Проблематика роли и значения радикальных процессов, происходивших в 30-е годы XX столетия в нашей стране, входит в число наиболее острых и полемичных не только с точки зрения содержания и масштабности происходивших в эти годы событий, но и необходимости научной оценки произошедшего в годы, последовавшие за «великим переломом». Период 1930-х годов в российской истории – это своеобразная судьбоносная развилка, выбор дальнейшего пути, в котором в конечном итоге определился тот облик нашего общества и государства, который они приобрели к началу 1940-х и сохранялись в последующие десятилетия советской власти. В сфере культурного строительства 30-е годы XX века явили совершенно беспрецедентные преобразования: борьба с безграмотностью населения, введение всеобщего обучения детей, форсированная подготовка новых кадров, реальная доступность для населения объектов духовного наследия оказали огромное воздействие на общество и обеспечили начало качественных изменений в экономике и социальной сфере.

Решение проблемы подготовки педагогических кадров для школ в этот период явилось важнейшим условием не только развития общего и профессионального образования, но и значимым фактором решения задач социально-экономической модернизации страны.

Исторический опыт становления и развития системы педагогического образования в нашей стране представляет большую педагогическую ценность как в познавательном плане, так и в плане обогащения современной практики реформирования образования. Исследование деятельности органов власти и образовательных учреждений в период тридцатых годов, в течение которых была в основном сформирована советская система профессионального педагогического

образования, создают условия для продуктивного поиска путей дальнейшего развития отечественного образования в современный период.

Это обстоятельство определило личный интерес автора в исследовании процессов, вызванных изданием в 1930 г. закона о всеобщем обязательном обучении детей и его последующей реализации в РСФСР и выполненного по материалам Западной Сибири в аспекте развития системы педагогического образования.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1930 по июнь 1941 гг. Нижняя граница определяется 1930 годом – принятием постановления ЦИК СССР и СНК СССР «О всеобщем обязательном начальном обучении» от 14 августа 1930 г. – началом повсеместной реализации в СССР закона о всеобщем обучении детей. Анализ литературы и источниковой базы убедительно доказывает, что введение всеобщего обучения явило качественно новый этап в российском образовании, связанного с активизацией процесса реформирования в сфере общего и педагогического образования. Верхняя граница исследования обусловлена началом Великой Отечественной войны, нарушившей социально-экономическое развитие страны и произошедшей перестройкой её работы в условиях начавшейся войны.

Территориальные рамки исследования охватывают Западно-Сибирский регион, расположенный на Западно-Сибирской равнине на площади около двух миллионов квадратных километров и заключающей в себе территории современных Алтайского края, Кемеровской, Омской, Новосибирской, Томской, Тюменской областей (без национальных территорий Алтая, Кемеровской и Тюменской областей). В период 1930 - 1941 гг. производились внутрирегиональные административно - территориальные изменения. В 1930 году Сибирский край был разделён на Западно - Сибирский край и Восточно - Сибирский край. В 1934 г. из состава Западно - Сибирского края была выделена самостоятельная Омская область. Также была организована Тюменская область, выделившаяся из Уральской области. В 1937 г. на территории упразднённого

Западно - Сибирского края были организованы Новосибирская область и Алайский край.

Основные дефиниции исследования. В представленной работе ведущим понятием выступает «*Педагогическое образование*», понимаемое как исторически трансформируемая государством система подготовки специалистов общего (дошкольного, начального, неполного среднего и полного среднего) образования. Специфика педагогического образования определяется повышенными социальными требованиями к профессиональным качествам учителя. Педагогическое образование призвано решать задачи содействия социально ценному развитию личности будущего педагога, его фундаментальной общекультурной подготовке, нравственной, гражданской зрелости и профессиональному совершенствованию. Понятие «*Всеобщее обучение*», «*всеобуч*» включает в себе смысловое значение обучения всех без исключения детей определённого возраста в общеобразовательных учреждениях, дающих установленный государством уровень знаний. Всеобщее обучение обеспечивается системой государственных мероприятий, направленных на создание условий для его осуществления. Под термином «*Развитие*» нами понимается необратимый, направленный, закономерный процесс и результат количественных и качественных изменений материальных и идеальных объектов.

Состояние разработанности проблемы. Системный анализ публикаций, отразивших историю педагогического образования в Западной Сибири в период 1930 - 1941 гг., свидетельствует, что в историко - педагогической науке имеется большая литература, посвященная различным аспектам педагогического образования в исследуемый период. Первые публикации по вопросам подготовки новых педагогических кадров относятся уже к началу 1930-х гг. Их в полной мере можно отнести к источниковой литературе, поскольку значительная их часть была написана по «свежим следам» авторами из числа работников наркомпроса РСФСР, руководителей и специалистов местных органов управления образованием, республиканских служб планирования и статистики, руководителей

школ, другими участниками событий. К таким публикациям относятся работы сибирских авторов Б. Беймана, М. Борткевича, Н. Вихирева и других.

Большое значение в исследовании вопросов сибирского образования принадлежит журналу «Просвещение Сибири» (1927-1935 гг.). Его страницы содержат ценные сведения о повседневной жизни сибирских школ.

Особую историографическую ценность среди публикаций рубежа 1920-х – 1930-х гг. представляет уникальная Сибирская советская энциклопедия (ССЭ), изданная в Новосибирске в 1928-1931 гг. Помещённые в ней статьи о высшем образовании в Сибири, всеобуче, дошкольном воспитании, об отдельных вузах содержат ценные сведения о состоянии народного образования, подготовке педагогических кадров в Сибири.

Началом систематической разработки проблем культурного строительства и народного образования в СССР стал период 1956 - 1960-х гг. В числе авторов этого периода – известные советские историки культуры и образования А.И. Арнольдов, И.П. Бармин, К.И. Васильев, М.М. Дейнеко, Г.Г. Карпов, М.П. Ким, А.В. Кольцов, Н.А. Константинов, Ф.Ф. Королёв, Е.Н. Медынский, З.И. Равкин, Е.В. Чуткерашвили, разработавшие методологические вопросы теории и истории культуры и образования.

Большим историографическим событием стало издание в 1968 г. пятитомной «Истории Сибири», где были размещены материалы, созданные на основе новейших исследований по истории Сибири, в том числе педагогического образования. Среди работ периода 1960-1970-х гг., специально посвящённых истории высшего педагогического образования, особо следует выделить книги М.И. Пыльнева, В.А. Хрусталёвой, Ф.Г. Паначина. Авторами по существу впервые в отечественной историографии предпринята попытка систематизации фрагментарных материалов по истории становления высшего педагогического образования в СССР. Истории деятельности учительских институтов в стране посвящено исследование В.Ф. Семашко, повышению квалификации учителей - в монографии П.В. Худоминского. Системная разработка проблем истории общего

образования в Западной Сибири осуществлена Ф.Ф. Шамаховым, П.Л. Трофимовым и Ф.А. Лукинским.

Различным аспектам истории подготовки учительских кадров в 1930-е годы, партийному руководству этим процессом посвящены исследования историков партии П.В. Гришанова, Е.К. Новик, Л.Н. Платоновой, Ф.М. Сагировой и др. Ценный материал по истории педагогического образования и всеобуча в Сибири приводится в статьях Н.Х. Аитова, Г.И. Подружина, А.С. Юмашева. Также в историко-партийном плане тема подготовки педагогических кадров рассмотрена в статьях и диссертационных исследованиях Т.А. Черемисиной, Е.Д. Рябовой, И.В. Борисовой. Значительный иллюстративный и познавательный материал содержится в работах по истории отдельных западносибирских педвузов: Барнаульского, Омского, Томского, а также Томского университета, позволяющих произвести сопоставительный анализ их деятельности.

В начале 1980-х гг. было опубликовано несколько коллективных монографий, они воплотили в себе не только творческое переосмысление уже достаточно известных исторических фактов, документов, но и мобилизовали новые источники. К их числу относятся монографии: «Советская культура в реконструктивный период. 1928-1941», «Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917-1941)», «Очерки истории высшего и среднего специального образования в Сибири (1917-1980)», «Очерки истории педагогической науки в СССР (1917-1980)», «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1917-1941)», монографии В.А. Куманёва, А. М. Родина, Л. А. Степашко и др.

Большой исследовательский интерес к вопросам истории отечественного образования в XX веке вызвали процессы, связанные с начавшимся реформированием российской системы образования на рубеже 1990-х – 2000-х гг. Ретроспективный анализ реформирования российского образования с привлечением широкого круга источникового материала создал условия для качественно нового подхода в исторических исследованиях, получившего название традиционно-консервативного, основанного на учёте и сопряженности

исторически традиционных форм в отечественном образовании и современных задач, вызванных модернизацией российского образования. Наиболее известные в этом плане исследования представлены в работах М.В. Богуславского, А.Е. Иванова, И.А. Колесниковой, А.В. Кудряшёва, С.В. Куликовой, А.Н. Шевелёва и других.

К числу современных исследований, непосредственно связанных с проблемой истории отечественного образования и подготовкой педагогических кадров относятся сборник исторических очерков «Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы)» и «Культура и власть в СССР. 1920 – 1950-е годы: Материалы 1X международной научной конференции. Санкт-Петербург, 24-26 октября 2016 г.». Значительный интерес представляют монографии и диссертационное исследование Н.И. Чуркиной, посвященное проблемам становления педагогического образования в Западной Сибири на рубеже XIX - XX веков, где автор, опираясь на широкий массив фактического материала, сосредоточил внимание на национальном и региональном аспектах развития педагогического образования. Важные проблемы российской истории XX века в их новом прочтении представлены в монографии О.В. Хлевнюка «Сталин. Жизнь одного вождя: биография». Среди зарубежных исследований представляют особый научный интерес новейшие книги американского историка Шейлы Фицпатрик: «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город» и «Русская революция». Характеристике эпохи 30-х гг. XX века через призму истории советского учительства посвящена монография Е. Томаса Юинга «Учителя эпохи сталинизма».

Представленный историографический обзор позволяет сделать вывод, что по проблеме становления педагогического образования в Западной Сибири создана большая научная литература. Вместе с тем, в некоторых ее аспектах тема не получила достаточной разработки либо исследована односторонне. К их числу следует отнести проблемы, связанные с формированием и закреплением научно-

педагогических кадров в педагогических вузах и техникумах (училищах) Западной Сибири, условиями и порядком комплектования студенческих контингентов, созданием материальных основ деятельности педагогических учреждений в 1930-е годы.

Таким образом, потребность современного образования в расширении историко-педагогического знания, в том числе исторического опыта модернизации образования и подготовки педагогических кадров в 1930 - 1941 гг., востребует проведение научных исследований в области образования как на общенациональном, так и на региональном уровнях.

Проведенный анализ степени изученности темы исследования, её актуальность для современного развития образования обусловили выбор темы диссертационного исследования: «Развитие педагогического образования в Западной Сибири в 1930-1941 гг.».

Проблема исследования обусловлена имеющимся противоречием между актуальной потребностью в целостном изучении процесса становления педагогического образования в Западной Сибири в 1930 - 1941 гг., необходимостью его объективного анализа и отсутствием специальных историко - педагогических исследований по данной теме. В процессе работы предполагается на основе использования комплекса источников и современных подходов восполнить этот пробел, выявить основные направления и противоречия процесса формирования кадрового состава педагогических вузов и техникумов (училищ), организации набора студентов и учащихся, создания материальных условий деятельности педагогических учреждений.

Объектом исследования является развитие педагогического образования в Западной Сибири в 30-е гг. XX века.

Предмет исследования – организация подготовки педагогических кадров в педагогических вузах, техникумах и педагогических курсах в Западной Сибири в 1930-е годы.

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе целенаправленного изучения источников и литературы создать целостное представление о процессе становления педагогического образования в Западной Сибири в 1930-1941 гг.

Проблема, объект, предмет и цель исследования обусловили постановку следующих задач:

1. Охарактеризовать государственную политику в области подготовки педагогических кадров в связи с принятием Закона о всеобщем обязательном обучении детей.

2. Выявить состояние, структуру и динамику изменения сети учреждений педагогического образования в Западной Сибири периода 1930-1941 годов.

3. Проанализировать процесс комплектования состава студентов и условий их обучения.

4. Исследовать состояние обеспеченности и уровня квалификации профессорско-преподавательских кадров педагогических учреждений Западной Сибири в 1930-1941 годах.

5. Охарактеризовать экономическое положение учреждений педагогического образования в 30-х гг. XX века, его влияния на степень эффективности работы по подготовке учительских кадров.

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных принципов, среди которых ведущее место принадлежит:

- принципам диалектики, историзма, объективности, целостности подхода в процессе изучения и оценки выявленных фактов, системности рассматриваемых явлений и процессов;

- принципам научно - педагогического исследования:

- конкретно - исторического изучения общественных явлений во всём многообразии их связей, зависимостей и определений, диалектического единства общего и особенного в педагогических явлениях;

- взаимосвязи и взаимообусловленности социально-экономических и духовных процессов в развитии общества;

- методологических подходов:

- аксиологического (Н.Д. Никандров, З.И. Равкин, В.А. Сластёнин и др.);
- традиционно - консервативного (М.В. Богуславский, А.Е. Иванов, А.Н. Шевелёв, И.А. Колесников и др.);
- историко - культурный (А.Н.Донин, А.С. Панарин, И.В. Побережников и др.).

Важную роль в методологическом осмыслении проблемы имели современные фундаментальные исследования по истории образования и её методологии (М.В. Богуславский, Р.Б. Вендровская, С.Ф. Егоров, Г.Б. Корнетов, В.В. Назаров, А.И. Пискунов, З.И. Равкин, Л.А. Степашко, Н.К. Чапаев).

Для решения поставленных задач использован комплекс методов исследования: историографический, ретроспективный, сравнительно-сопоставительный, цивилизационный, аксиологический, герменевтический. Сочетание указанных методов осуществлялось в соответствии с контекстом исследования, многообразием факторов, оказывающих влияние на развитие общества, что позволило сформировать более объективный взгляд на проблемы становления педагогического образования в Западной Сибири в 1930 - 1941 гг..

Теоретическая база исследования сложилась из историко-педагогических работ Б.М. Бим-Бада, М.В. Богуславского, В.И. Беляева, З.И. Васильевой, Г.Н. Волкова, Ш.И. Ганелина, Е.Я. Голанта, А.Н. Джурицкого, С.Ф. Егорова, Т.Б. Игнатъевой, Г.Б. Корнетова, А.П. Пинкевича, А.И. Пискунова, М.Г. Плоховой, З.И. Равкина и др., а также трудов философов, психологов, педагогов (Н.А. Бердяев, П.П. Блонский, В.П. Вахтеров, В.В. Зеньковский, А.П. Нечаев, С.Л. Рубинштейн, Н.Е. Румянцев, В.С. Соловьёв, о. П. Флоренский и др.). Теоретический фундамент работы составили также труды, раскрывающие философию и методологию образования (В.Г. Афанасьев, М.В. Богуславский, Н.Е. Боревская, Л.П. Буева, Н.М. Воскресенская, Б.Л. Вульфсон, Н.К. Гончаров, М.Н. Кузьмин, В.С. Леднев, Б.Т. Лихачев, З.И. Малькова, Н.Д. Никандров, Н.Н. Петухов, Л.А. Степашко, Г.Н. Филонов, Т.И. Шамова и др.). Системно-ценностное осмысление истории и

перспектив образовательной политики представлено в работах И.В. Бестужева-Лады, А.Н. Джуриного, В.М. Кларина, В.М. Меньшикова, Е.Г. Осовского, А.И. Пискунова, В.А. Ситарова, В.А. Слостенина, Ф.А. Фрадкина и др.

Источниковую базу настоящего исследования составили многочисленные письменные источники. Они, в свою очередь, подразделяются на опубликованные и неопубликованные.

К опубликованным источникам относятся:

- постановления партийных и государственных органов по вопросам образования;
- материалы официальной периодической печати, доклады, статьи и речи руководителей страны;
- статистические сборники, сборники документов по вопросам образования;
- решения местных органов власти и управления, статьи и речи региональных руководителей;
- материалы периодической печати 1930 - 1941 гг.;
- статьи, мемуары очевидцев периода становления педагогического образования в Западной Сибири.

Официальные документы представлены, главным образом, в сборнике «Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании». Изданный в 1947 году указанный сборник даёт возможность анализа государственной политики в сфере подготовки педагогических кадров в РСФСР в 30-е гг. XX века. Также документы, касающиеся государственной политики в сфере образования, опубликованы в многотомном издании «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов», в сборнике документов «Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа». Государственная образовательная политика на местном уровне отражена в документах, опубликованных в сборниках постановлений и распоряжений Западносибирского крайкома ВКП(б), крайисполкома, их управлений и отделов, местных партийных организаций и исполнительных комитетов депутатов, сборнике «Культурное

строительство в Сибири 1917 - 1941». Статистические материалы, представленные в архивных источниках, дополняются опубликованными данными, представленными, в частности, в сборнике «Контрольные цифры пятилетнего плана народного хозяйства РСФСР». Материалы о проходивших дискуссиях вокруг темы введения всеобуча, вопросах состояния и перспектив развития педагогического образования, о нормативно-распорядительной базе сосредоточены в центральном периодическом издании «Бюллетень Наркомпроса». Материалы периодической печати представлены центральными периодическими изданиями: «За педагогические кадры», «Педагогическое образование», «За коммунистическое просвещение», сибирским педагогическим журналом «Просвещение Сибири», а также газетами «Советская Сибирь» (Новосибирск), «Красное знамя» (Томск), «За коммунистическое воспитание» (Западно-Сибирский краевой отдел народного просвещения), многотиражными газетами Томского и Омского пединститутов «Кадры для кадров» и «В борьбе за педкадры», отразивших многообразие событий, связанных с деятельностью педагогических учреждений Западной Сибири.

Неопубликованные источники представлены документами центральных и региональных архивах России. Значительную часть массива архивных источников составили материалы Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ), где содержатся документы министерств и ведомств РСФСР и СССР. Наибольшую ценность при подготовке диссертации представляли документы фонда А-2306 (Наркомат – Министерство просвещения РСФСР), где за интересующий нас период 30-х гг. XX века хранятся документы в описях: 69 (Секретариат коллегии Наркомпроса) и 70 (Сектор дошкольных учреждений, Управление подготовки учителей и Планово-финансовое управление наркомпроса). Они отражают сведения о политике центральных органов власти в сфере педагогического образования, взаимодействия центральных органов с местными партийными и государственными структурами, с Западно-Сибирским краевым комитетом ВКП(б). Существенным источником являются статистические данные о

численности, движении и составе учащихся и профессорско-преподавательского состава педагогических учреждений, а также численности учителей в школах края. Значительный объем документов отражает материально-финансовое состояние организаций, а также сведения о материальном положении учительства, студентов и преподавателей края. Ценность документов указанного фонда состоит в том, что они дают целостное представление об исследуемой проблеме, в них сосредоточен не только фактический, но и аналитический материал для изучения вопросов формирования сети учреждений профессионального образования в Западной Сибири.

Для характеристики деятельности педагогических учреждений в период 1936-1941 гг. были привлечены документы фонда Р-8080 (Всероссийский комитет по делам высшей школы (ВКВШ) при Совете народных комиссаров СССР), а для периода 1930-1933 гг. – документы фонда А-298 (Государственный ученый совет наркомата просвещения РСФСР). В исследовании также использовались документы Российского Государственного Архива Экономики (РГАЭ), фонды 1562 (Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР) и 4372 (Государственный плановый комитет СССР (Госплан СССР) Совета Министров СССР), в которых хранятся статистические документы о численности студентов и преподавателей западносибирских учреждений педагогического образования. В диссертации были использованы документы личного фонда Н. К. Крупской, хранящиеся в фонде 12 Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), которые отражают активный поиск концептуальных подходов в определении целей, задач и организационной структуры учреждений по подготовке учителей, развития дошкольного образования, содержания воспитательной работы в школе, проливают свет на содержание, смысл и итоги педагогической дискуссии середины 20-х – начала 30-х гг. XX века.

Из всего комплекса источников региональных архивов в большей степени были использованы документы Государственного архива Новосибирской области

(ГАНУ), где особую ценность для нас представляют документы бывшего партийного архива Новосибирской области. Это, прежде всего, документы фонда П-3 (Западно-Сибирский краевой комитет ВКП(б)) за 1930-1937 гг. В составе фонда хранятся отчеты, сводки, обзоры о выполнении народно-хозяйственного плана, постановления, протоколы и стенограммы краевых партийных конференций, пленумов, бюро и секретариата крайкома, партколлегии при ЦК ВКП(б) по Западно-Сибирскому краю. В связи прекращением деятельности Западносибирского краевого комитета ВКП(б) в 1937 году его функции частично перешли к Новосибирскому областному комитету КПСС. Соответственно, архивные документы педучреждений Западной Сибири за годы 3-й пятилетки отложились в фондах Новосибирской области за 1937-1941 гг. Для характеристики начального этапа строительства системы педобразования в крае были использованы архивные документы, имеющиеся в фонде П-2 (Сибирский краевой комитет ВКП(б)) за 1924-1930 гг. Из других материалов ГАНУ следует выделить документы фонда Р-61 (Отдел народного образования Запсибкрайисполкома (ЗапсибкрайОНО) за 1925-1937 гг. В диссертационном исследовании также были использованы документы фонда Р-47 (Исполнительный комитет Западносибирского краевого совета депутатов трудящихся) и фонда Р-1366 (Главное управление народного образования Администрации Новосибирской области). С части документов, ранее состоящих в категории секретных, сняты запреты по доступу для исследователей и некоторые из них были использованы в настоящей работе. Всего в подготовке диссертации были исследованы материалы 8 архивов, 26 фондов, обработано более 500 дел.

Таким образом, использованные в диссертации источники обеспечили систематизированное представление о культурно-образовательной обстановке, сложившейся в РСФСР и, в частности, в Западной Сибири, в период введения всеобщего и способствовали выявлению содержания деятельности органов власти по реализации задач подготовки педагогических кадров.

Наиболее существенные результаты, полученные лично соискателем, их научная новизна. Исследование содержит в себе решение важной научной проблемы – характеристику основных организационно-педагогических мероприятий по решению проблемы подготовки педагогических кадров и развитию системы педагогического образования в Западной Сибири 1930-1941 гг. в связи с введением в стране в 1930 г. закона о всеобщем обучении.

В исследовании:

- на основе современных методологических подходов в отечественной историко-педагогической науке, впервые вводимых в научный оборот источников представлено комплексное исследование процесса становления учреждений педагогического образования в Западной Сибири в 1930-е годы.
- наряду с общероссийскими закономерностями, раскрыты основные особенности процесса становления педагогического образования в регионе в период 30-х гг. XX века, характеризующиеся низким уровнем образования населения, его большой миграционной активностью, низкой плотностью заселения территории, суровыми суровым климатическими условиями;
- впервые введены в научный оборот документы, они отразили комплекс противоречий исследуемого периода, в том числе необоснованных репрессий в отношении кадров педагогических вузов и техникумов Западной Сибири;
- осуществлена разработка вопросов состояния и организации научной деятельности в педагогических вузах;
- на архивных материалах исследована подготовки кадров для общественного дошкольного воспитания Западной Сибири в 1930-е годы, уточнены статистические сведения о численном составе студентов, фондах педвузовских библиотек и др.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что изучение процесса развития педагогического образования в Западной Сибири 1930-1941 гг. существенно расширяет теоретический фонд современного историко - педагогического знания о содержании и роли социокультурных преобразований в

стране вызванных организацией массовой подготовки кадров и введением обязательного школьного всеобуча, доказывает историческую преемственность и своеобразие этапов развития педагогического образования в России. Обобщенный фактический материал, отражающий процессы реформирования системы образования в РСФСР в 1930-е гг.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в комплексной разработке вопросов совершенствования организации педагогического образования в современный период. Диссертационное исследование создаёт дополнительные возможности при создании общих работ по истории отечественного педагогического образования в XX веке, а также для пополнения историко - педагогических курсов в образовательном процессе высших и средних педагогических учебных заведений новыми сведениями и стимулирования интереса студентов в изучении исторического прошлого своего вуза, училища, школы.

Этапы исследования.

Исследование выполнялось в несколько этапов:

1. (1991-1997) – поисково-аналитический. На этом этапе был изучен общий исторический контекст развития страны в период 1930-х годов. Выявлена и изучена литература, архивные материалы по истории становления педагогического образования в РСФСР и в Западной Сибири, осуществлены попытки апробации изученных материалов на научных конференциях.

2. (1998-2008) – теоретический. На этом этапе осуществлено осмысление и постановка проблемы исследования, произведена формулировка темы, содержания диссертации, прослежена длительная эволюция организационно-управленческой структуры учреждений педагогического образования в стране и в регионах в 1930 - 1941 гг.

3. (2009-2018) – обобщающий. В ходе данного этапа были уточнены основные положения работы, произведено обобщение результатов исследования. Продолжена апробация результатов исследования в выступлениях на

конференциях и в публикациях, разработана и реализована программа спецкурса по теме диссертационного исследования в Куйбышевском филиале ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», сформулировано заключение по диссертации. Произведено литературное оформление работы.

Достоверность и обоснованность полученных результатов и выводов исследования обеспечена:

- обоснованностью его исходных теоретико-методологических положений; -
- применением методов познания, адекватных цели и задачам историко-педагогического исследования;
- доказательностью и непротиворечивостью выводов, их сравнимостью и сопоставимостью с современными взглядами и представлениями педагогической науки и массовой образовательной практики;
- многообразием фактического материала.

Личный вклад автора состоит в том, что:

- был реконструирован процесс формирования сети учреждений педагогического образования в Западной Сибири в 1930-е годы;
- уточнена характеристика состояния обеспеченности западносибирских школ учительскими кадрами в исследуемый период;
- выявлены механизмы и внутренние противоречия процесса формирования преподавательского состава и студенческого контингента педагогических учебных заведений.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема и результаты диссертационного исследования соответствуют требованиям паспорта специальности 13.00.01 - общая педагогика, история педагогики и образования: история развития педагогической науки и образовательной практики.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные идеи и результаты исследования были доложены и получили одобрение на:

- Всесоюзной научной конференции: «Сибиряки в борьбе за власть Советов, защиту социалистического Отечества» (Кемерово, СО АН СССР, Кемеровский гос. Университет, 1990).

- Всероссийских научных конференциях: «Роль науки в освоении восточных районов страны» (Новосибирск, СО РАН, 1992); «Педагогическое образование в современных условиях» (Куйбышев, КФ НГПУ, 2012); «Педагогическое образование в современных условиях» (Куйбышев, КФ НГПУ, 2013); Педагогическое образование в современных условиях» (Куйбышев, КФ НГПУ, 2014).

- Региональных научных конференциях: «50 лет победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне» (Новосибирск, СО РАН, 1995); «Московско-Сибирский тракт: история и современность, взгляд в будущее» (Куйбышев, 2016).

- Внутривузовских научных конференциях: «Куйбышев (Каинск): исторический опыт социально-экономического и культурного развития» (КФ НГПУ, 1997); «Годы, события, люди» (Куйбышев, 2002); «Каинск (Куйбышев) в истории Западной Сибири» (Куйбышев, 2007).

Автором разработан и прочитан в Новосибирском государственном педагогическом университете спецкурс «Становление педагогического образования в Западной Сибири», материалы по истории педагогического образования используются при чтении курса «История педагогики и образования» в Куйбышевском филиале Новосибирского государственного педагогического университета.

Положения, выносимые на защиту:

На защиту выносятся исследование исторического опыта формирования системы педагогического образования в России в период 1930 - июнь 1941 гг. на основе материалов Западной Сибири.

1. Введение начального всеобщего образования в СССР в 1930 году в решающей степени повлияло на развитие образования. Вопросы школьного образования и подготовки

учительских кадров явились ключевыми в деле кадрового обновления в сфере экономики. Политика активного формирования армии педагогических работников была подчинена общим задачам революционного преобразования страны. Вместе с тем, успешное развитие этого процесса сдерживалось рядом причин, в том числе недостатком школьных учителей и большими трудностями, вызванными с недофинансированием действующих учреждений образования.

2. Важнейшим событием в социально-культурной жизни Западной Сибири стало открытие в 1930-1935 гг. в городах Томске, Тюмени, Омске, Барнауле и Новосибирске высших учебных заведений педагогического образования. Для подготовки учителей 5-7 классов были открыты учительские институты. Значительно увеличивалась сеть педагогических техникумов (училищ). Все они были призваны в кратчайшие сроки обеспечить подготовку необходимого числа школьных учителей. Несмотря на крайне сложные организационно-финансовые условия, педагогические учебные заведения Западной Сибири смогли преодолеть трудности своего становления и обеспечить подготовку квалифицированных кадров для школ региона.

3. Комплектование студенческого состава педагогических вузов и учащихся педтехникумов происходило в сложных условиях, вызванных недостаточностью базы набора из числа выпускников школ, рабфаков и подготовительных отделений. Имевшая место в 30-е гг. XX века практика партийно-государственного регулирования состава студентов по социальной принадлежности и партийности наносила большой вред делу подготовки в вузах и техникумах способной молодёжи, отрицательно влияла на морально-психологическую обстановку в студенческой среде. В педагогических вузах и техникумах Западной Сибири сохранялся большой «отсев» студентов и учащихся, вызванный недостаточной их общеобразовательной подготовкой, отсутствием учебной литературы, а также тяжелым материальным положением большинства обучающихся.

4. В деятельности педагогических вузов Западной Сибири особую сложность вызывала проблема формирования профессорско-преподавательского состава

вузов и повышения его профессиональной квалификации. Отсутствие в педвузах Сибири (до 1935г.) аспирантур, недостаток финансовых средств для приобретения лабораторного оборудования, научной литературы и периодических изданий, осуществления научных командировок сдерживало пополнение преподавательского состава. Существенно обострили проблему недостатка кадров имевшие место репрессии в отношении вузовской интеллигенции, в том числе преподавателей западносибирских педагогических вузов и техникумов (училищ).

5. К началу 1940-х гг. В стране была выстроена система педагогического образования. В значительной мере советская педагогика вернулась к лучшим традициям дореволюционной российской школы. Опыт модернизации педагогического образования в 1930-е годы представляет большую историко-педагогическую ценность как в познавательном плане, так и в плане обогащения теории и практики реформирования педагогического образования в современных условиях.

Основные научные результаты, содержащиеся в диссертации, отражены в публикациях общим объёмом 23 печатных листа. По теме диссертации издана монография, опубликовано 14 журнальных статей, в том числе 5 – в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве высшего образования и науки РФ.

Структура диссертации обоснована содержанием, соответствует логике научного исследования в педагогической области и состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы. Общий объём текста диссертации – 216 страниц. Список литературы и источников содержит 333 наименования. Архивные материалы, использованные в настоящем исследовании, сосредоточены в семи российских государственных и одном текущем архивах.

ГЛАВА 1. ВВЕДЕНИЕ ВСЕОБУЧА В СССР И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

1.1. Государственная политика в области образования в связи с введением обязательного школьного всеобуча

Вступление СССР к концу двадцатых годов в так называемый реконструкционный период предусматривало в числе важнейших задач «догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны». Достижение этого результата обуславливалось «несомненным преимуществом советской системы хозяйства по сравнению с капиталистической», а потому «дело построения социализма в стране пролетарской диктатуры может быть проведено в исторически минимальные сроки» [115;17]. Эта политическая установка, принятая пятнадцатой партконференцией ВКП (б) в ноябре 1926 г. и многократно процитированная в последующих партийных документах, стала своеобразным исходным рубежом курса советского руководства на ускоренную модернизацию и усиление темпов хозяйственного и культурного строительства.

Резко обострившаяся в стране на рубеже 20-х – 30-х годов проблема недостатка кадров инженерно-технических работников явилась, с одной стороны, следствием создавшегося дисбаланса между резко возросшими потребностями в специалистах промышленности, сельского хозяйства и реальными возможностями учебных заведений по подготовке квалифицированных кадров, с другой стороны. Незрелость сети вузов и техникумов, особенно в районах нового промышленного освоения, узость базы набора студентов, недостаток преподавателей и ограниченность финансового обеспечения становились главными препятствиями на пути ускоренной подготовки специалистов.

В известной мере проблема недостатка высококвалифицированных кадров усугублялась начавшейся с середины 20-х годов политической травлей «старой»

интеллигенции. Так называемое «спецеество», выразившееся в проявлении недоверия к специалистам из дооктябрьской эпохи, притеснениях со стороны государства негативно влияло на настроения интеллигенции, сдерживало возможности ее активного сотрудничества с новой властью и в конечном итоге наносило огромный вред возможностям поступательного развития страны.

В поисках разрешения кадрового дефицита руководство партии и государства видело выход в «радикальном количественном и качественном обновлении всего профессионального корпуса работающих сверху до низу». Для реализации этого императива предполагалось в форсированном порядке увеличить темпы подготовки инженерно-технической интеллигенции с тем, чтобы «обеспечить уже в ближайшие сроки всевозрастающие потребности реконструктивной эпохи». Чёткую формулу в связи с обострившейся проблемой кадров специалистов к концу 20-х годов обозначил Ноябрьский (1929 г.) пленум ЦК ВКП(б): «Гигантский размах социалистического строительства, осуществление пятилетнего плана, являющегося практическим выражением лозунга партии «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны, и, наконец, обострение классовой борьбы в стране ставят перед партией во всей широте и остроте проблему кадров в реконструктивный период» [115; 18]. Таким образом, уровень понимания проблемы предопределял и способы её разрешения.

Вместе с тем задача подготовки необходимого количества специалистов не могла быть решена лишь простым увеличением числа высших и средних специальных учебных заведений. Последние, в свою очередь, оказывались не в состоянии обеспечить требуемые объёмы подготовки кадров без необходимой базы набора из числа выпускников школ, рабфаков и подготовительных курсов.

Уже к концу двадцатых годов действующая сеть вузов и техникумов оказалась не в состоянии удовлетворить свои потребности в комплектовании студенческого состава вследствие недостаточности базы набора, т.е. лиц, имеющих среднее (для вузов) или семилетнее (для техникумов) образование. По данным Всесоюзной переписи 1926 года, в РСФСР (без АССР) из числа молодёжи 16-19-летнего

возраста имели образование в объеме семилетней школы и выше лишь 12 процентов [314;37;962;34,55]. При этом часть из них уже являлась студентами вузов и техникумов. Поэтому становилось очевидным, что для удовлетворения потребности в кадрах для ведущих отраслей экономики страны жизненно важно было обеспечить необходимые темпы развития школьной сети. Соответственно, вслед за решениями Июльского 1928 г. и Ноябрьского 1929 г. пленумов ЦК ВКП(б), указавшими на необходимость ускоренной подготовки специалистов для промышленности и сельского хозяйства, были предприняты активные меры по развитию школьного строительства. В Резолюции XVI партийного съезда (июнь – июль 1930 г.) особо подчеркивалась важность «скорейшего проведения всеобщего первоначального обучения» в стране, что «должно стать боевой задачей партии в ближайший период» [115;129].

Постановка советской властью задачи введения всеобщего обучения детей и ликвидации безграмотности населения России была не нова в истории отечественного образования. Еще в начале двадцатого века министерством народного просвещения царского правительства при активном содействии депутатов Второй государственной думы был разработан и в 1907 г. представлен на утверждение Государственного совета проект закона о введении в стране всеобщего обучения. Несмотря на то, что проект по ряду причин тогда не был принят, многие российские земства самостоятельно включились в работу по введению на своих территориях всеобщего обучения населения грамоте. В свою очередь государственная казна в помощь земствам в 1908-1913 гг. выделила на эти цели немалую сумму: 199,4 тыс. рублей. По утверждению историка земств России Б. Б. Веселовского, к 1913 г. всеобщее обучение в девяти её уездах уже стало «свершившимся фактом» [205;40-41]. К сожалению, последовавшие затем потрясения Первой мировой войны, революции и гражданской войны, надолго отодвинули решение этой важнейшей социально-экономической проблемы.

Советское правительство своим декретом от 23 августа 1923 г. постановило вновь приступить к разработке плана ведения всеобщего обучения. Декретом

ВЦИК и СНК РСФСР «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построения школьной сети» от 31 августа 1925 г. началось поэтапное введение в РСФСР всеобщего обучения детей. Декретом устанавливался срок полного введения всеобщего обучения в республике – 1933-34 учебный год [158;87,105]. В отличие от дореволюционных проектов, ориентированных на эволюционное сбалансированное введение всеобщего обучения, в новых документах, особенно в последующем 25 июля 1930 г. постановлении ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном обучении», отчетливо выражен его повелительный характер, тон безотлагательности и безусловности. Этим постановлением требовалось «ввести с 1930/31 года повсеместное всеобщее обязательное начальное обучение детей в возрасте 8-9-10 лет» [115;184]. Однако, как вскоре станет очевидным, ни школы, ни органы народного образования в центре и на местах не были готовы к заданным темпам реализации всеобщего обучения.

Введение закона о всеобщем обучении приводило к значительному увеличению школьных ученических контингентов. В целом по РСФСР он возрастал почти в два раза, а в отдельных регионах, таких как Сибирь, почти в три раза [140;29-30]. Несмотря на предполагаемое выделение из госбюджета дополнительных капиталовложений на строительство школ, ситуация по обеспеченности школьными помещениями оставалась критической. К концу 1928 г. в Западной Сибири не хватало 4 тыс. школ и еще примерно столько же школ требовали капитального ремонта. Накануне введения всеобщего обучения на один класс-комплект начальной школы в Сибири приходилось 35 учащихся, что соответствовало среднему показателю по СССР. Между тем более 20% сибирских школ работали в две смены, в отдельных районах из-за недостатка школьных площадей набор в первый класс производился через год.

Таким образом, несмотря на некоторые продвижения в школьном строительстве в Западной Сибири в канун введения всеобщего обучения, с его началом школ всё более не доставало для размещения постоянно возрастающего контингента учащихся. Школьная сеть Западной Сибири была представлена преимущественно

начальными и неполными средними школами. В 1926/27 учебному году число начальных школ составляло 6670, а неполных средних и средних – 346. По данным Всесоюзной школьной переписи 1927 г. в Сибири на одну общеобразовательную школу приходилось 245,5 кв. километров обслуживаемой территории, тогда как в Европейской России – в 10 раз меньше. Ситуацию спасала низкая плотность населения Сибири, в итоге на 100 человек населения приходилось 7,4 учащихся, тогда как в целом по РСФСР этот показатель составлял 7,7 учащихся [140;28,189,206]. Усугубляло трудности многочисленность мелких населённых пунктов. Предполагаемое выделение дополнительных капиталовложений на строительство школ из госбюджета было осуществлено не в полном объёме, поэтому положение с обеспеченностью школьными помещениями оставалось крайне тяжёлым.

Канун введения всеобуча обнажил и острый недостаток в школьных учителях. К 1926 г. количество учителей в Западной Сибири почти сравнялось с дореволюционным уровнем, составив 10648 человек, а к 1929/30 учебном году возросло до 16607 педагогов. При этом уровень квалификации учительства оставался одним из самых низких по РСФСР. Лишь 4,6% учителей имели высшее образование, 7,0% – незаконченное высшее. Основное число преподавателей (59,0%) имели среднее образование, неполное среднее – 14,5%, низшее – 14,2% и не подали сведений – 0,7% учителей [140;44,47-48].

Помимо проблем, вызванных низким качественным составом (по образованию, стажу работы), имеющийся педагогический корпус по своей численности не мог обеспечить потребности возрастающих контингентов школьников. Так, в январе 1930 г. в школах Западной Сибири недоставало 1075 учителей, а к октябрю того же года в школах края было уже 2975 вакантных учительских мест или 40 процентов от их общей потребности [311;70;1635;14], [314;28;390;2].

В первые месяцы осуществления всеобуча в партийные и государственные органы с мест поступало множество просьб о помощи в строительстве школ,

укомплектовании их учителями. Проведенные накануне введения всеобща плановые расчеты по капиталовложениям, динамике роста школьной сети и ученических контингентов оказались совершенно непригодными вследствие завышения показателей школьного строительства. Как вскоре станет очевидным, упомянутое постановление ЦК ВКП(б) от 25 июля 1930 г. оказалось волонтаристским, вызванным устремленностью руководства страны к «темпам», что на деле порождало неуместную торопливость, рапортоманию и приписки в «успехах на культурном фронте».

Вопрос о введении всеобщего обучения детей в Сибирском крае впервые был поставлен в мае 1926 г. бюро крайкома ВКП(б), в котором определялись меры по осуществлению всеобща в Сибирском крае. Постановлением бюро местным властям предписывалось к началу 1933/34 учебного года обеспечить обучение в школах всех детей в возрасте 9-11 лет. Для этого уже к 1928/29 учебному году необходимо было обеспечить реальную доступность школы для этой возрастной категории населения. Однако ни в 1929, ни в 1930 гг. эта задача, несмотря на «определённые продвижения» в вопросах создания необходимых условий для обучения детей, не была решена. Выявился существенный «недоучет» детского контингента в крае. Кроме этого, сложившиеся финансовые трудности не позволили в необходимом объёме осуществить строительство школьных зданий и приобрести оборудование для них. В результате сложилась большая диспропорция между темпами строительства школьных зданий и потребностями по полному охвату детей всеобучем.

Положение ещё более усугубилось в связи с утверждением в 1929 г. новых государственных заданий и контрольных цифр. По новому заданию производилась корректировка установленных законом плановых показателей пятилетки в сторону их значительного увеличения. В декабре 1929 г. коллегия наркомата по просвещению РСФСР постановила пересмотреть планы «культурной пятилетки» с тем, чтобы на основе «мобилизации всех резервов добиться такого результата, когда бы не осталось ни одной области культурной работы по своим

количественным и качественным показателям не соответствовавшей гигантски повышающимся требованиям социалистического строительства» [179;54]. В краях и областях РСФСР руководство и координация работы по реализации всеобщего образования возлагалась на советы народного просвещения (Совнарпробы). Это были государственно-общественные органы состояли из руководящего состава крайпроса, а также и из представителей комсомольских, партийных и профсоюзных организаций.

В результате проведенного в 1929-1930 гг. пересмотра планов пятилетки вместо якобы заниженных, а на самом деле весьма напряжённых плановых заданий первой пятилетки, вводились новые, значительно увеличившиеся объёмные показатели - «контрольные цифры». Тем самым до конца пятилетки стране задавались более интенсивные темпы развития, не соответствующие её реальным возможностям. Например, согласно «контрольным цифрам», к концу пятилетки охват детей дошкольными учреждениями по стране должен был возрасти в 18,2 раза по сравнению с планом. По ученическим контингентам начальных школ предполагался рост в 1,6 раза, семилетних – почти в три раза, педагогических техникумов – в 4,3 раза, студенческий состав педагогических институтов – в 2,7 раза [179;55].

Соответственно, в такой же пропорции возрастали контрольные цифры по просвещению в краях и областях страны. Это справедливо вызвало негативную реакцию со стороны работников плановых органов, отделов образования на местах. Например, новые контрольные цифры по всеобщему образованию Сибирским крайисполкомом были утверждены лишь ценой отстранения от должности начальника краевой плановой комиссии. Он категорично возражал против принятия навязываемых сверху нереальных темпов осуществления всеобщего образования и отказывался ставить свою подпись под проектом документа с новыми контрольными цифрами [311;70;1635;12]. Аналогичная реакция относительно корректировки планов первой пятилетки последовала от руководителей краевых, областных органов народного образования, заявивших о невыполнимости контрольных цифр без

проведения дополнительного государственного кредитования культурного строительства. В резолюции республиканского совещания заведующих край (обл) ОНО, состоявшегося в апреле 1930 г. в Москве, в этой связи подчеркивалось, что без решительного увеличения ассигнований на всеобщее обучение из государственного бюджета все планы и цифры по всеобучу окажутся нереальными [31;1930;13;4]. Несогласие с навязываемой руководством страны штурмовщиной в области культурного строительства, вероятно, стало одной из причин ухода в отставку в 1929 г. с поста наркома по просвещению РСФСР А.В. Луначарского.

Обнадёживающие итоги выполнения планов первого года первой пятилетки создали иллюзию легкого достижения плановых показателей всей пятилетки и соблазна к её «подстегиванию» для достижения сверхрезультатов. Недооценка руководством страны всей сложности и противоречивости процессов обновления приведёт к колоссальному напряжению сил и для многих станет очевидным, что к установленным темпам форсированного развития, в том числе реализации всеобуча в стране, ни её экономика, ни школы, ни местные органы власти, ни органы управления народным образованием не были готовы.

В Сибири грамотность населения, по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., по-прежнему оставалась наиболее низкой среди регионов и составляла 30,45% [322;1;1082-а;1]. В этой связи ускоренное введение начального всеобуча в Сибири было особенно проблематично. База (учительские кадры, школьные здания и оборудование), на которую возлагалась эта задача, оставалась крайне недостаточной и в этом отношении сибирский регион невыгодно отличался от территорий европейской части России. Разбросанность поселений, множество мелких населенных пунктов на обширной территории (плотность – 3,3 человека на квадратный километр), пестрота национального состава, а также непрерывно продолжающийся приток переселенцев, создавали дополнительные сложности как материального, так и организационно-технического характера.

Непосильность и, вследствие этого, нереальность установленных «темпов» всеобуча в Западно-Сибирском крае была совершенно ясна для многих

ответственных работников образования, плановых органов, но приводимые аргументы, как правило, не принимались во внимание. Выступая с отчетом на коллегии наркомпроса РСФСР в декабре 1930 г., заместитель председателя Западно-Сибирского краевого совета народного просвещения В.П. Теряев докладывал: «План досрочного введения всеобщего начального обучения крайсовнарпросом был поставлен в крайисполкоме в мае 1930 г. Хотя этот план в своих показателях был более сокращенным по сравнению с последующими директивами ЦК, однако он встретил резкий отпор со стороны прежнего руководства крайплана, предполагавшего остаться на позициях (цифрах) пятилетки, не обеспечивавших даже охвата детей - восьмилеток. Крайисполкомом хотя и не были приняты предложения крайплана, однако и план досрочного введения всеобщего начального обучения утвержден также не был. Лишь после многочисленных обсуждений на собраниях общественности мы, представив вновь план всеобщего обучения в крае, на президиуме крайисполкома 8 июля, добились его принятия» [311;70;1635;12]. Таким образом, в очередной раз возобладала тактика «революционного натиска», а не взвешенная, сбалансированная работа по введению школьного всеобуча.

Последовавшее за законом о начальном всеобуче документы (постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О всеобщем обязательном начальном обучении» от 14 августа 1930 г.), открытие новых школ и классов - комплектов вызвали значительное возрастание потребности в школьных учителях. Проведенные накануне введения всеобуча плановые расчеты по капиталовложениям, динамике роста школьной сети и ученических контингентов оказались совершенно непригодными вследствие недоучета детей школьного возраста а также заданных завышенных темпов школьного строительства. Не считаясь с этим и следуя партийным директивам, бюро Запсибкрайкома ВКП(б) в своем решении от 10 сентября 1930 г. обязало обеспечить к 1 марта 1931 г. стопроцентный охват всеобучем детей 8-10 лет [322;1;120;84-85]. Для Западной Сибири задача реализации всеобщего обучения дополнительно осложнялась тем, что данный

регион был объявлен зоной промышленных строек (Кузнецкстрой, Комбайнстрой и др.), где требовалось введение всеобщего начального образования в ещё более ускоренном темпе [61;97-100].

Первые результаты работы по введению всеобуча в стране были проанализированы в постановлении ЦК ВКП (б) от 21 февраля 1931 г. «О ходе всеобщего начального обучения». Особо были отмечены слабый охват школьной системой переростков 11-15 лет, острый дефицит педагогических кадров в РСФСР и недостаточность ресурсов для проведения всеобуча. Постановлением предписывалось организовать на местах массовую поддержку дела всеобуча. В связи с этим повсеместно создавались советы по культурному строительству, на селе вводился институт культуполномоченных, массовые формы принимала деятельность по организации «культпоходов» [61;151-159].

Постановлением ЦК ВКП (б) «О начальной и средней школе» от 25 августа 1931 г. школы, возвращаясь к дооктябрьскому опыту, переводились на поурочную систему ведения занятий по установленным программам и перечням дисциплин. В постановлении предписывалось республиканским, краевым и областным органам власти разработать планы введения всеобщего обучения в объёме неполной средней школы [61;159-166]. Усиливались меры по централизации государственного управления в области программно-методического содержания начального и среднего образования.

Эту же цель преследовало и постановление ЦК ВКП (б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», которое, наряду с постановлением ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах», окончательно определяло содержание школьной реформы, делая основной упор на организацию и содержание учебного процесса, закладывая тем самым основы строительства советской школы.

Объектом особого внимания органов государственной власти стали вопросы материального обеспечения всеобуча. Финансовое обеспечение из бюджета государства в сферу народного образования Сибири за годы реализации всеобуча

значительно возросло. Если в 1926-1927 гг. на это было выделено 18,6 млн.руб., то в 1931 г. – 87,8 млн.руб. В 1932 г. объем капиталовложений в крае в эту сферу составил 92,5 млн.руб., а в 1937г. – уже 349,7 млн. руб. [296;165]. Был разработан план, предусматривавший в 1929-1934 гг. постройку 12032 новых школ, на что планировалось выделение 114,4 млн. руб. Только в 1932 г. на эти цели было предусмотрено 71,2 млн. руб. [258;130]. За 1929-1931 гг. общие расходы на народное образование в расчете на душу населения в Западной Сибири возросли с 4,91 руб. до 7,56 руб. Однако, как покажет время, выделяемые средства оказались недостаточными для такой глобальной программы как реализация всеобуча, даже в рамках начального образования.

На всем протяжении периода введения всеобуча в партийные и государственные органы поступало множество просьб с мест об оказании помощи в строительстве школ, укомплектовании их учителями. Как правило, в ответ на эти просьбы предлагалось разрешить ту или иную задачу методом организации социалистического соревнования, всевозможных кампаний, «штурмов», «культэстафет», месячников «культтревог» и т.п. [296;72]. Региональные власти, опираясь на инициативу и творчество общественности, принимали на себя непростые обязательства. Так, в июне 1931 г. 1-й краевой съезд по культурному строительству, проходивший в Новосибирске, принял вызов Урала о социалистическом соревновании, обязуясь при этом превратить Кузбасс – великую стройку – в район сплошной грамотности к 14-й годовщине Октября. Обязательства предусматривали «ударные темпы» и, будучи трудновыполнимыми, вынуждали постоянно прибегать к методам «революционного натиска» с характерными в таких условиях приписками.

В годы первой пятилетки зародилось общественное движение содействия всеобщему начальному обучению. В результате этого в 1930 г. в Кузбассе была создана культармия численностью 17,5 тыс. человек, 60% из которых составляли рабочие. Культармия делилась на культотряды, которым поручались конкретные задания по обучению детей, организации летних площадок для занятий с детьми,

участию в ремонте школ и т.п.[322;1;27;1]. В этой большой и многоплановой работе во всей полноте проявились энтузиазм и самоотверженность местного населения, особенно молодежи. Известны примеры открытия школ на средства, заработанные комсомольцами, они же выступали впоследствии и учителями этих школ. Многие горожане трудились на субботниках в фонд всеобуча, а жители сельской местности занимались постройкой школьных зданий на бесплатной основе, заседали «гектары всеобуча» [296;73], площадь которых в 1934 г. в Запсибкрае составляла более 50 тыс. гектаров [317;7;649;117]. Большое значение приобретало обеспечение школьников теплой одеждой и обувью. Так, в первом квартале 1931 г. в Западной Сибири школам было передано 205,5 тыс. пар детской кожаной и 30 тыс. пар валяной обуви, около 10 тыс. детских пальто, 12,9 тыс. детских костюмов, 78 тыс. пар белья [321;1;1868;44-48].

Важно отметить, что общественная поддержка имела весомое значение, а часто играла ключевую роль в реализации всеобуча в Западной Сибири. Фактически все население Западной Сибири включилось в «школьное строительство». Постоянный недостаток средств покрывался за счет «прочих взносов»: значительные суммы вносили профсоюзы, колхозы. С жителей региона был введен дополнительный «школьный» налог. В итоге в 1929-1934 гг. на школьные нужды было собрано 55,9 млн. руб. Дополнительно, с участием добровольцев, только в 1930 г. было переоборудовано 1800 зданий для школ и жилых домов для учителей, представлены к сдаче 1171 новая или отремонтированная школа [140;127-129]. В период 1935-1936 гг. за счет поддержки населения в Западной Сибири было построено 422 школы на 103,5 тыс. учащихся [258;131]. В годы второй пятилетки главный упор был сосредоточен на строительстве семилетних и десятилетних школ [296;186]. В конце 30-х годов началось проектирование и строительство типовых школьных зданий, рассчитанных на 400-880 мест. Только за 1939 г. в Западной Сибири было построено 15 таких школ [296;187]. В результате, если в 1932/33 учебном году в Западной Сибири имелось 10089 школ, где обучалось 1127010 учащихся, то в

1940/41 учебном году уже было 13075 школ с 1957998 учащимися. В течение 1930-х гг. значительно возросла наполняемость школ: если в 1932/33 учебном году в одной школе, в среднем, обучалось 112 человек, то в 1940/41 учебном году – уже 150. Вместе с тем, большинство новых школьных помещений не полностью соответствовало санитарно-гигиеническим требованиям, а приспособленные под школы помещения, помимо этого, часто не отвечали необходимым требованиям организации учебного процесса. Иногда в качестве учебных классов параллельно использовались и помещения, предназначенные для проживания школьных учителей.

В исследуемый период не произошло существенного увеличения числа начальных школ: если в 1930/31 учебном году в западносибирском регионе действовало 8143 таких школы, то в 1940/41 учебном году – 9920 школ [296;188]. Очевидно, помимо недостатка финансовых средств и школьных помещений, медленное развитие сети начальных школ было связано со спешным переходом во второй пятилетке к преимущественному развитию неполных средних школ. Во многом этот «перекос» стал следствием неоправданно оптимистичных выводов об осуществлении всеобуча в сфере начального образования уже к концу первой пятилетки. Это несоответствие вскоре обнаружилось: к 1938 году в западносибирской школе не хватало 180,8 тыс. ученических мест, а с учетом обеспечения всеобщего обучения детей 12-14 лет – 429,9 тыс. мест [141;132].

Несмотря на то, что капиталовложения в школьное строительство Западной Сибири за период 1938-1941 гг. увеличилось вдвое, развитие школьной сети не поспевало за потребностями всеобуча. Если к концу 20-х гг. XX века в г. Новосибирске школьные уроки проходили в одну смену, то в 1930 году до трети школ работали в 2-3 смены. Для решения этой проблемы в регионе было необходимо обеспечить дополнительно до трети новых посадочных мест, на что требовалось ресурсы в сумме 4930 тыс. руб. [140;139] При двукратном увеличении числа учащихся двухсменные занятия продолжали оставаться реальностью и нормой для западносибирской школы на протяжении всего исследуемого периода.

В результате форсирования введения всеобуча имевшиеся ранее сложности превратились в трудноразрешаемые проблемы. По данным историка образования Ф.А. Лукинского, детально проанализировавшего ход всеобуча, в 1930/31 учебном году в Западной Сибири системой обязательного начального образования было охвачено 812,6 тыс. детей в возрасте 8-10 лет, что составляло лишь 76,1% от общего числа детей данного возраста [140;124-125]. Это свидетельствовало о фактическом срыве сроков плана ведения всеобщего обучения в Западной Сибири.

Лишь к середине 30-х гг. в Западной Сибири удалось достичь положительного сдвига и охватить всех детей системой начального образования: если в 1929/30 учебном году число учащихся 1-4 классов составляло 629,6 тыс. чел., то в 1933/34 учебном году – 1006,1 тыс. чел. Однако в 1934/35 учебном году число учащихся начальной школы в Западной Сибири сократилось до 811,0 тыс. чел., только в 1937/38 учебном году вновь произошёл рост до 983,9 тыс. человек [140;71].

Излишне оптимистические, порой липовые оценки численности детей, охваченных начальным образованием в Западной Сибири, привели к ошибочному заключению о полной реализации начального всеобуча и переводу основного внимания на строительство семилетней школы. Подобная оценка была характерна и для высшего партийного руководства страны: XVII съезд ВКП(б) принял решение о введении всеобуча в рамках семилетнего образования. Ослабление вследствие этого помощи и внимания начальному всеобучу со стороны местных государственных и партийных органов привело к значительному отсеву учащихся начальных классов. Часто это происходило по материальным причинам (отсутствие у детей одежды, обуви и т.п.). По подсчетам Ф.Л. Лукинского, к 1937 году не менее 51% детей, поступивших в школы Западной Сибири в 1933 г., по этим причинам не сумели окончить 4-й класс [140;70]. Помимо материальных трудностей в западносибирских семьях сказывалась и необустроенность, ветхость школьных зданий, высокая сменяемость педагогических кадров, малоопытность школьного руководства.

Нередко проявлялся консерватизм некоторой части населения в осознании важности посещения детьми школьных занятий. Имело место сложившееся неприятие частью населения новой роли школьных учителей, ставших «рупором», «приводными ремнями» партийной политики индустриализации и коллективизации и тем самым идеологически отрывавших детей от семьи и её устоев. По данным переписи 1939 г. среди подростков 13-19 лет, т.е. тех, кто должен быть охвачен системой начального образования, неграмотные составляли 66 тыс. чел. или 3% от их общего числа [140;80].

Лишь с 1937/38 учебного года государственные и партийные органы вновь обратят внимание на начальную школу, численность учащихся 1-4 классов вновь возрастет до 1,2-1,3 млн. детей [140;86]. Таким образом, лишь к 1941 году, кануну Великой Отечественной войны, можно с большой долей достоверности утверждать о реальном переходе ко всеобщему обучению детей в системе начального образования Западной Сибири.

Еще сложнее складывалась обстановка с осуществлением всеобщего обучения в семилетней и средней школах. Постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» (1931 г.) предусматривало обеспечить всеобщее бесплатное обучение детей в рамках семилетнего курса [140;202]. Введение всеобщего семилетнего образования было постановлено директивами XVII съезда ВКП (б) в 1934 году, а в Западной Сибири этот вопрос рассматривался на 2-й краевой партконференции 10-17 января 1935 г. и 5-м пленуме крайисполкома 13 марта 1936 г., по результатам которых было принято решение об осуществлении перехода на всеобщее семилетнее образование в крае к 1936/37 учебному году [158;159-164].

В результате, за период 1932-1941 гг. число семилетних школ в крае возросло с 981 до 2355 учебных заведений, а число детей, обучавшихся в 5-7 классах уже в 1937/38 учебном году достигло 378,0 тыс. учащихся, что более чем в 7 раз превышало численность учащихся в 1927/28 учебном году (50,6 тыс. чел) [140;109]. Фактически, к началу Великой Отечественной войны в Западной Сибири удалось заложить основы всеобщего семилетнего образования. Более осторожный вывод

следует сделать относительно десятилетнего образования. Директивы о введении всеобщего среднего образования в городах и семилетнего – в сельской местности были приняты XVIII съездом ВКП(б) в марте 1939 г.

Таким образом, к началу 1940-х гг. в Западной Сибири удалось заложить лишь зачатки всеобщего среднего образования. В течение 1932-1941 гг. число школ, осуществляющих полное среднее образование, выросло с 44 до 800 [296;45]. Соответственно увеличилось количество учащихся старших классов: если в 1937/38 учебном году в 8-10 классах обучалось 66,1 тыс. детей, то в 1940/41 учебном году – 165,5 тыс. детей [140;115].

Оценивая в целом результаты осуществления всеобуча в Западной Сибири в 1930-е гг., следует отметить, что предпринятый «поход во всеобуч» по своим задачам и масштабам был грандиозным явлением в истории нашей страны. Он вовлек в свою орбиту миллионы людей, родил новую реальность, привнес в вековые устои и традиции российского общества великую ценность – грамотность. Наиболее значительные результаты были достигнуты в системе начальной школы. Весомые успехи наблюдались и в системе семилетнего образования, а также был заложен фундамент для осуществления всеобщего среднего образования в рамках десятилетней школы. В то же время не следует представлять эти процессы без их противоречивости, цены достигнутых результатов. Сложившийся в исследуемый период остаточный (вторичный) принцип финансирования социально-культурной сферы не давал возможности решить финансовые, кадровые, материально-технические проблемы школы.

Важнейшей проблемой при осуществлении всеобуча в Западной Сибири являлся недостаток педагогических работников. Несмотря на значительный приток в школу учителей «советской волны», ещё до введения всеобуча в регионе дополнительно требовались 2-2,5 тыс. педагогов [296;69]. Для разрешения этой проблемы пленум Сибирского крайкома ВКП(б) ещё в канун введения всеобуча, в марте 1928 г., поставил задачу подготовить к 1931/32 учебному году 8550 учителей, при этом 1265 из них планировалось подготовить силами учебных заведений

среднего педагогического образования и 3022 – школами 2-й ступени с педагогическими классами [140;117]. Одновременно предполагалось на базе средних педагогических учебных заведений к 1 сентября 1930 г. подготовить средствами курсовой подготовки 10469 новых педагогов против 3084, выпущенных в 1927/28 учебном году [140;55].

Вскоре, с введением всеобуча, эти планы, сжатые сроками их осуществления, были пересмотрены в сторону увеличения количественных показателей в связи с резким возрастанием потребности в школьных учителях. Постановка ноябрьским пленумом ЦК партии (1929 г.) вопроса об ускоренной подготовке кадров специалистов, развитая затем в решениях XVI съезда ВКП(б) (1930 г.), потребовала от руководящих органов Сибири осуществления незамедлительных действий по организации широкой сети учреждений профессиональной подготовки молодёжи.

Между тем, возможности для организации новых учебных заведений профессионального образования были очень ограничены. Так, согласно государственному плану-заданию, сибирские техникумы должны были в 1930 г. принять на обучение 37015 человек, школы ФЗУ – 10362, т.е. всего 47377 человек. Выпуск же из школ-семилеток края в 1930 г. составлял всего 18727 человек, т.е. техникумы и ФЗУ обеспечивались набором за счёт выпуска школ текущего года менее чем на 40%. Новым заданием на 1931 г. предусматривалось дополнительно увеличить прием в техникумы и ФЗУ на 43%. Создавалась парадоксальная ситуация: неразвитость системы общего образования порождала неодолимые проблемы в комплектовании техникумов и ФЗУ.

Постановление президиума крайисполкома Западной Сибири от 7 июля 1930 г. «О досрочном введении всеобщего начального обучения в Сибирском крае» обязывало всех выпускников педагогических техникумов и школ II ступени с педагогическим уклоном отработать не менее двух лет в школах I ступени. При этом выпускникам данных учебных заведений запрещалось трудоустройство не по специальности. Для подготовки новых педагогов планировалось организовать до начала 1930/31 учебного года двухмесячные педагогические курсы, а при

педтехникумах – одногодичные курсы по подготовке учителей для школ I ступени [188;169]. Резолюция бюро крайкома ВКП(б) от 10 сентября 1930 г. «О введении всеобуча в крае» потребовала возвращения в школу лиц с педагогическим образованием, работавших не по специальности, а также выступило с просьбой к ЦК ВКП (б) об оказании помощи кадрами, «присылке» 1000 учителей из европейской части России [188;169].

Введение всеобуча и более чем двухкратное увеличение ученического контингента в школах постоянно увеличивало потребность в педагогических кадрах. Стало явным значительное расхождение между расчётной потребностью и реальной востребованностью в учителях. В январе 1930 г. в школах Западной Сибири недоставало 1075 учителей, а к октябрю того же года в школах края было уже 2975 вакантных учительских мест [92], [236]. К началу 1930/31 учебного года в школах Западно-Сибирского края недоставало 5752 учителя школ I ступени (начальной школы) [25;31].

Ф.Ф. Шамахов - исследователь истории народного образования Сибири, приводит следующие данные, характеризующие обстановку в Западной Сибири: в 1930/31 учебном году дополнительно требовалось 5,2 тыс. педагогов, в 1931/32 – 6,2 тыс., а в 1932/33 учебном году – 9,4 тыс. учителей [296;69]. По данным Т.А. Черемисиной, к началу 1930/31 учебного года начальные классы были укомплектованы кадрами всего на 45 процентов [281;60]. Также можно предположить, что реальная потребность в педагогах была еще выше, поскольку в первые годы проведения всеобуча до тридцати процентов детского контингента оставалось не охвачено школой.

Партийными и государственными органами Западной Сибири принимались меры по восполнению недостатка в школьных учителях. Первоначально его предполагалось ликвидировать за счет привлечения для педагогической работы лиц, имевших какое-либо педагогическое образование. К началу января 1931 г. часть вакантных мест была заполнена за счёт «мобилизации 170 добровольцев» народным комиссариатом по просвещению из европейской части России. Кроме

этого, были направлены на работу в школы лица, окончившие краткосрочные педагогические курсы – 1462, а также из числа окончивших педтехникумы – 576 и окончивших школы-семилетки с педуклоном – 702 человека. Недостающее число учителей «временно восполнено» учащимися педтехникумов в порядке непрерывной педпрактики, учителями – в порядке совместительства, а также организацией двухсменных занятий [25;31].

С начала 1930-х годов ЦК ВКП(б) ввел ежегодные разрядки по направлению в Западную Сибирь педагогов из центральных районов страны. Однако эта мера оказалась малоэффективной и не привела к существенным изменениям в обеспеченности территории педагогическими кадрами. В 1937/38 учебном году, например, Новосибирская область получила лишь 99 выпускников, присланных по разрядке наркомпроса, вместо 1282 запрашиваемых [2;182].

Таким образом, уже в начале осуществления всеобуча выяснилось, что резерв лиц с педагогическим образованием в крае оказался незначительным и был быстро исчерпан. В связи с этим, практически единственным выходом из сложившейся ситуации стал прием на работу неподготовленных лиц, как правило, комсомольцев с семиклассным образованием и с условием их дальнейшего обучения в педтехникуме. Таким образом в начале 1931 г. по комсомольским путёвкам из других отраслей края прибыли в школы 805 человек [25;31]. В 1930/31 учебном году в школы было направлено 7450 человек, в том числе 1116 комсомольцев. В 1931/32 учебном году по линии ВЛКСМ было направлено 914 человек, а на районные учительские курсы и в педтехникумы – 2400 человек, что составляло до 40% всех обучающихся [188;169-170]. По постановлению бюро Запсибкрайкома ВКП (б) от 19 декабря 1932 г. в период с 25 декабря 1932 г. по 20 января 1933 г. была проведена специальная мобилизация на учительскую работу 100 коммунистов с уровнем образования 7-9 классов. Для повышения их квалификации при Омском и Томском педтехникумах были организованы месячные курсы. Аналогичным порядком были мобилизованы местные комсомольцы, которые

должны были дополнительно обучиться на курсах при Сталинском, Бийском, Барнаульском, Мариинском и других педтехникумах [317;1;365;33-33об.].

Для организации массового переобучения начинающих учителей существенную роль стали играть краткосрочные педагогические курсы, районные и межрайонные курсы-практикумы и курсы-конференции по подготовке учителей. В деле подготовки учителей всё большее место приобретали групповые и индивидуальные консультации и кустовые совещания. Получило развитие прикрепление к молодым учителям опытных педагогов, которые помогали в организации учебно-воспитательного процесса, оказывали помощь в подборе необходимой литературы, подготовке внешкольных мероприятий, организовывались показательные уроки для начинающих просвещенцев.

Немаловажным фактором, сдерживающим пополнение кадров для школ являлась сложность и малооплачиваемость учительской профессии. Осознавая это, партийные и государственные органы стремились не оставлять без внимания проблемы учительства. Еще в феврале 1927 г. в докладной записке наркомпроса РСФСР в СНК РСФСР «О состоянии педагогического образования» отмечалось, что основной причиной ухода учителей из школы являются тяжелые материальные условия. Зарплата педагогов в Сибири составляла 50-57 рублей в месяц, тогда как в 1914 году, при пересчете курса на 1927 год, она составляла 50-100 руб., а учителя-предметники тогда получали не менее 150 рублей в месяц [83]. В итоге получалось, что труд учителя, особенно с высшим образованием, в конце 20-х гг. XX века оплачивался гораздо ниже, чем труд других категорий работников, от которых ничего, кроме удовлетворительной грамотности, не требовалось. В этих условиях предпочтения молодёжи в выборе профессии и места работы были не в пользу учительского труда [311;69;1270;6,8 об.]. В связи с этим в наркомпросе РСФСР был разработан проект постановления правительства, по которому учителям, согласно категориям (начальной, семилетней и средней школ), предполагалось повышение заработной платы [311;69;1270;11]. По решению СНК РСФСР от 10 августа 1927 г. «О состоянии педагогического образования» увеличивался размер стипендии для

учащихся высших педагогических курсов, имевших высшее непедagogическое образование. Также принимались меры по стимулированию поступления учителей в педагогические учебные заведения [311;69;1270;64]. Значительные изменения в системе оплаты труда педагогов произошли в 1931 г. в связи с выходом в свет постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе». Если в начальной школе заработная плата увеличивалась с 51 руб. 20 коп. в 1928/29 учебном году до 90 руб. в 1932 г., то в фабрично-заводских семилетках и школах колхозной молодежи – с 77 руб. 68 коп. до 120 руб. С 1932 г. была введена дифференцированная система оплаты труда учителя, причём заработок педагога начальной школы составлял от 69 до 115 руб., а неполной средней – от 106 до 164 руб. [188;172].

Несмотря на увеличение заработной платы, значительная часть учителей (около 60%) подпадала под низшую категорию оплаты труда, поскольку имела невысокий образовательный уровень и малый педагогический стаж. Это обстоятельство вынуждало принимать дополнительные меры по закреплению учительства в школах. Согласно постановлению пленума Запсибкрайкома ВКП (б), с 1932 г. при учебных заведениях создавались подсобные хозяйства, часть продукции от которых должна была поступать учителям [188;172]. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 9 апреля 1936 г. «О повышении заработной платы учителям и другим школьным работникам» предусматривало с 1 апреля 1936 г. увеличение содержания педагогов в зависимости от стажа работы и уровня образования, вводилась оплата за классное руководство и проверку письменных работ учащихся. По наивысшей сетке оплачивался труд учителей, работавших в городах и рабочих поселках, имевших среднее педагогическое или высшее образование и стаж работы не менее 10 лет. Абсолютное же большинство учителей западносибирских школ имели стаж педагогической работы не выше 5-10 лет и уровень квалификации не выше неполного среднего образования, поэтому реально уровень зарплаты оставался низким. Вследствие этого только за 1932 г. 3,5 тыс. учителей школ края оставили работу в школе. Основными причинами «утечки

кадров» являлись трудности материального характера, бюрократический произвол властей на местах, а также негативное отношение крестьянства к популяризации школьными учителями идей индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

Наряду с материальным стимулированием активно внедрялась система мер моральной поддержки педагогов, повышения престижности учительской профессии. По решению Западно-Сибирского крайкома ВКП (б) в мае 1936 г. в Новосибирске прошел Первый краевой слет учителей-отличников [288;33]. Часть из них приняла участие во Всероссийских совещаниях учителей-отличников, проходивших в 1937-1938 гг. и в областных совещаниях учителей, проходивших под эгидой Новосибирского обкома ВКП (б) летом 1939 г., где участвовало 308 таких педагогов.

В мае 1939 г. Президиумом Верховного Совета СССР были награждены 60 учителей Омской области, 57 учителей Алтайского края и 62 учителя Новосибирской области [296;242].

Активизация работы по пополнению школ Западной Сибири педагогическими кадрами позволила несколько снизить количество учительских вакансий. Если в 1932/33 учебном году в Западной Сибири не хватало 9,4 тыс. педагогов [78], то в 1938/39 учебном году эта цифра снизилась до 5739 [2;181]. Пополнение происходило в основном за счет выпускников педагогических курсов, как правило, не имевших среднего образования. На 1 января 1935 г. в школах Западной Сибири работало 36,8% таких педагогов, в том числе, в начальных школах работало 51,7% учителей с низшим образованием. Среди учителей средней школы (предметников) доля учителей с низшим образованием составляла 11,3%. Невысокий образовательный уровень педагогов сохранялся и в годы второй пятилетки: в 1936/37 учебном году доля учителей без общего среднего образования составляла 52,9 % (против 51,7 % в 1934/35 году). Только за 1936-1937 гг. численность учителей без среднего образования возросла и составила почти 60% общего числа учителей. Следствием снижения образовательного уровня педагогов значительно

возросло число учителей, не соответствующих занимаемым должностям, что выявилось при их аттестации в 1936-1937 гг. В эти годы в Западной Сибири из 21426 учителей начальной и средней школы не имели педагогического образования 17247 чел., т.е. 80% от всего преподавательского корпуса. Из них 9255 учителей (53,6 %) имели неполное среднее образование, а 1359 учителей - низшее образование. Таким образом, около половины учителей к 1936/37 учебному году не имели полного среднего образования. Главная причина – низкая оплата и высокая трудоемкость учительского труда и, как следствие, высокая «текучесть» педагогических работников.

К 1932/33 учебному году из 32 тыс. учителей Западной Сибири 24,5% преподавателей в городах и свыше 40% на селе имели лишь низшее или неполное среднее образование [188;170]. В письме председателя ЦК Союза работников просвещения В.Н. Колотилова в СНК СССР от 10 сентября 1934 г. по этому поводу указывалось, что в целом по стране 42% учителей начальных школ имели низшее образование, а 76,1% учителей средних школ не имели высшего образования. Доля педагогов, заочно обучавшихся в педагогических учебных заведениях, составляла 4,4% в техникумах и 12,9% в вузах. В письме предлагалось принятие мер по повышению заработной платы учителям до уровня заработной платы представителей аналогичных профессий. Это было поддержано наркомпросом РСФСР, но после проведенных консультаций отклонено руководством Госплана СССР [314;33;910;37].

Заметный рост образовательного уровня педагогов начался со второй половины 30-х гг. Этому во многом способствовало постепенное заполнение учительских вакансий в связи с завершением в основном процесса всеобуча в сфере начального образования, а также в результате мер по повышению квалификации педагогических кадров через систему заочного обучения и краткосрочных курсов в институтах повышения квалификации. В 1935 г. в Западной Сибири насчитывалось 3990 учителей с низшим образованием и всего 624 человека – с высшим. Уже через год число учителей с низшим образованием сократилось более

чем на 2 тыс. человек и почти на такую же величину (2162 чел.) увеличилось число педагогов с высшим образованием. К 1937 г. доля учителей с высшим образованием в старших классах достигло уровня конца 1920-х гг., составив 22,1%. К 1940 г. высшее, незаконченное высшее и среднее педагогическое образование имели уже 45,9% педагогов Западной Сибири [140;175-176].

В 1940/41 учебном году в Новосибирской области, по данным Ф.Ф. Шамахова и Е.В. Шадринной, доля лиц из числа учителей с высшим образованием составила 9%, со средним образованием – 40% и с незаконченным средним – 51%. В Омской области доля лиц с высшим образованием составляла 4%, с незаконченным высшим – 7,5%, со средним – 47 % и с незаконченным средним – 41,5% [296;247].

Основная причина произошедшего снижения образовательного уровня учителей заключалась в постоянном пополнении числа вновь поступающих на работу педагогов в связи с постоянным ростом школьного контингента. В 1930-е гг. учительский корпус Западной Сибири увеличился почти втрое, с 21,9 тыс. чел. в 1930/31 учебном году до 65,4 тыс. чел. в 1940/41 учебном году. Изменилась структура учительского состава Западной Сибири: если в 1914/15 учебном году 82,34% учителей преподавало в начальной школе и лишь 17,66% – в неполной средней и средней, то в 1937/38 учебном году это соотношение составило 42,29% и 57,71%, а в 1940/41 учебном году – 35,84 % и 64,16 % соответственно [140;167].

Во второй половине 1930-х годов наметилась своеобразная поляризация средней и начальной школ. Причиной этому стала практика выдвижения наиболее подготовленных учителей начальной школы для работы в старших классах и замена их лицами, окончившими краткосрочные курсы, что перманентно ослабляло начальное звено школьного образования. Расширение сети начальных, а затем неполных средних и средних школ вызывало дополнительные потребности в школьных учителях. Наряду с этим, остроту проблемы усугубляли увольнения «неквалифицированных» педагогов, не прошедших аттестацию, а также репрессии, вызванные обвинениями во вредительстве, приверженности к оппозиции в отношении учителей. В результате по Западной Сибири у двух третей педагогов не

было соответствующего педагогического образования, из них половина не имела даже общего среднего образования. Особенно остро стояла проблема квалифицированных кадров для неполной средней и средней школы.

Таким образом, комплектование педагогического состава школ Западной Сибири в 1930-е гг. было сопряжено с трудностями объективного характера, вызванными, главным образом, экономическими проблемами, низким кадровым обеспечением, явившихся следствием заданных темпов осуществления всеобуча. Общая численность учителей в Западной Сибири увеличилась в несколько раз. Сохраняющиеся преподавательские вакансии вынуждали принимать на педагогическую работу слабо подготовленных, случайных людей. Подобные явления наносили вред, создавали иллюзию разрешения проблемы, а на деле создавали в школах обстановку постоянной неукомплектованности штатного состава. Пополнение учительства из высших учебных заведений было немногочисленным и распределялось, главным образом, в старшие классы. Частично эта проблема начала решаться только с середины 30-х гг. XX века, но вплоть до конца исследуемого периода учительский корпус, особенно в начальной школе, пополнялся за счет выпускников краткосрочных курсов, а повышение их образовательного и квалификационного уровня происходило очень медленно.

Принятие государственного закона о введении всеобщего обучения потребовало существенных изменений в организации и содержании педагогического образования, расширении сети и географии размещения средних и высших учебных заведений. Введение всеобуча вызвало активизацию действий власти по ускоренной подготовке необходимого числа школьных учителей с соответствующими убеждениями и общественно-политической позицией [287;168-171].

В начале 1925 г. И.В. Сталин провозгласил задачу интенсивного реформирования педагогического корпуса с тем, чтобы «фаланга народных учителей составляла одну из самых необходимых частей великой армии трудящихся нашей страны, строящих новую жизнь на основе социализма» [246;].

Если в первой половине 20-х гг. государственная политика в области педагогических кадров состояла, в большей степени, в материальной поддержке учительства, то с момента принятия постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 г. «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построения школьной сети» главное внимание власти было сосредоточено на подготовке качественно новых педагогических кадров. В связи с этим предусматривалось создание широкой сети педагогических техникумов, с тем, чтобы к моменту полного осуществления всеобуча (1933/34 учебный год) полностью обеспечить педагогическими кадрами все школы I ступени. Учитывая возможный недостаток кадров, наркомату по просвещению РСФСР предписывалось развернуть сеть краткосрочных педагогических курсов. Также вводилась обязательная отработка в школах I ступени выпускниками педтехникумов в течение 5 лет, а для окончивших педагогические курсы – 3 года [61;91-95]. Постановление ЦК ВКП (б) от 1927 г. «О подготовке преподавателей для педагогических учебных заведений» предполагало разрешить проблему недостатка учительских кадров путем «мобилизаций и усиления рабочего ядра педагогического корпуса», партийно-комсомольской работы в педагогических учреждениях и привлечения квалифицированных специалистов через наркомпрос. Предпринимался комплекс мер по увеличению числа аспирантов в педагогических вузах из числа рабочих и крестьян с выделением им повышенных, по сравнению с другими, стипендий. Кроме этого, предлагалось ввести дополнительные ассигнования на ремонт и оснащение оборудованием педагогических учебных заведений и их общежитий [61;36-38].

В преддверии всеобуча проводятся дополнительные меры по повышению системы стимулирования труда преподавательского состава педагогических вузов и техникумов, вводит льготное пенсионное обеспечение [61;187-188]. Одновременно с этим были осуществлены шаги по устранению из учебных заведений неугодных лиц. Постановлением СНК РСФСР от 16 марта 1930 г. «О введении в действие положения об обеспечении пенсиями за выслугу лет

работников высших учебных заведений и научных учреждений РСФСР, преподавателей рабочих факультетов и приравненных к ним школьных работников» для всех категорий служащих народного образования предусматривалась пенсия по достижению 65 лет, либо за 25 лет трудового педагогического стажа. Но при этом некоторые категории педагогических работников пенсий лишались, в частности, те, кто ранее подвергался советскими органами арестам или ссылке, а также «лица, чья деятельность была направлена против интересов трудящихся», т.е. бывшие преподаватели Закона Божьего, сотрудники ведомств и учреждений царской России, члены политических партий, «защищавших царскую власть» [61;195-200]. Очевидно, что это постановление было направлено против педагогических кадров «старой школы», прежде всего, вузовской профессуры. По сути любой вузовский преподаватель из прошлой эпохи мог быть изгнанным из учебного заведения и лишенным пенсионного обеспечения. Единственное средство избежать этого – выражено проявлять лояльность к установленным порядкам и «активно участвовать в социалистическом строительстве».

К началу 30-х гг., несмотря на большие усилия, обнаружился существенный разрыв между результатами работы педагогических учебных заведений в подготовке учительских кадров и насущными потребностями всеобуча. Нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов, выступая с докладом на Втором Всесоюзном партийном совещании по народному образованию в апреле 1930 г., подчеркнул, что «проблема педкадров является сейчас тем звеном, которое мы должны обязательно максимально укрепить, дабы не поставить под угрозу всю нашу работу во всех отраслях народного хозяйства» [29;63]. Этот же императив был выражен и в последующем постановлении ЦК ВКП (б) от 25 июля 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении», где для обеспечения школ педагогическими кадрами предполагались исключительные, форсированные методы по организации сети педагогических учреждений (педвузов, педтехникумов, специальных курсов) и многократному увеличению контингента студентов.

Первые результаты работы по подготовке педагогических кадров были проанализированы в постановлении ЦК ВКП(б) от 21 февраля 1931 г. «О ходе всеобщего начального обучения», в котором были отмечены положительные результаты работы по всеобучу, но, в то же время, констатировался значительно возросший недостаток учительских кадров. В 1931 году из востребуемых дополнительно 92 тысяч педагогов для школ педтехникумы края могли обеспечить лишь 15%. В связи с этим, к началу 1931/32 учебного года постановление потребовало развернуть систему педагогических курсов и направить в школы не менее 50 тыс. комсомольцев «с немедленной организацией работы по поднятию их квалификации» [61;105-108]. Обращалось внимание на работу с ближайшим резервом пополнения рядов педагогических кадров – школьными пионерскими вожатыми, способными совершить прорыв в реализации стратегической цели осуществления всеобуча и организации коммунистического воспитания молодежи. Одновременно ставилась задача окончательного «разгрома» старых дореволюционных педагогических кадров и перевоспитания уцелевших ее представителей в соответствии с государственной идеологией.

Вследствие острого недостатка учителей на педагогической работе оказывалось немало случайных людей, далёких от склонностей к педагогической деятельности. Особенно это выявилось по результатам агитационных акций комсомольских организаций по вербовке молодежи на педагогическую работу. Прибывающие по вербовке лица, как правило, не склонные к педагогическому труду, считали, что всеобуч – очередной «фронт», задача которого быстро и любой ценой овладеть новым революционным рубежом.

Немалый вред наносился и царящей бессистемности и «разнобоя» в учебных программах высших и средних специальных учебных заведений, когда учебный процесс постоянно прерывался всевозможными политическими или хозяйственными мероприятиями. Постановление ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» определяло, что отныне главной задачей государственной кадровой политики является

массовая подготовка специалистов в вузах и ссузах для различных отраслей, в том числе, и для народного образования. Сроки обучения в техникумах увеличивались до 3-4 лет в зависимости от «специализации» техникума (в частности, педтехникумы перешли с двухгодичного на трёхлетний срок обучения) [61;260]. Постановлением предусматривался пересмотр учебных программ, причем на теоретические дисциплины отводилось не менее 80-85% учебного времени в вузах и не менее 70% в техникумах. Был отменен конвейерный метод в обучении, при котором отдельные учебные дисциплины преподавались сразу блоком и не чередовались с другими, а производственной практике теперь отводилось не более 30-40% учебного времени.

Комплектование студенческого контингента вузов и техникумов предполагалось осуществлять на основе вступительных экзаменов, ограничивалась возможность перехода студентов из вуза в вуз. Повсеместно вводился лекционный метод подачи учебного материала, при этом рекомендовалось не перегружать лиц, обучающихся без отрыва от производства. Отменялся бригадно-лабораторный метод сдачи экзаменов и зачетов, а вся ответственность за успеваемость каждого студента возлагалась на преподавателей. Вводилась дифференцированная система оценок и единая система экзаменов и зачетов, проходивших в две сессии – весеннюю и осеннюю. Декларировалась активная борьба с академической неуспеваемостью, вплоть до исключения студентов из вузов и техникумов. По итогам обучения студенты должны были предоставить дипломную работу и после её успешной защиты получали диплом, позволявший работать по избранной специальности.

Существенным новшеством в государственной политике в сфере профессионального образования стало утверждение единоначалия в учебных заведениях. Директора и заведующие отделениями, кафедрами отныне несли персональную ответственность за результаты работы, одновременно возрастали их распорядительные полномочия. Были введены (возвращены) новые звания (ассистент, доцент и профессор), устанавливалась неукоснительная

последовательность в их присвоении, также вводилась новая система оплаты труда профессорско-преподавательского состава. Одновременно запрещалась практика мобилизаций студентов и преподавателей на общественные работы, досрочных выпусков студентов.

Введение школьного всеобуча в середине первой пятилетки привело к значительному увеличению планов приема и выпуска в учебных заведениях, в том числе педвузах. Если в 1928 г. план приема в педвузы РСФСР на пять лет предусматривался в количестве 21065, а выпуск – 17060 человек, то новым планом («контрольными цифрами») 1930 г. предусматривался прием 81512, а выпуск – 31930 человек.

К осени 1930 г. в РСФСР в соответствии с «контрольными цифрами» произошло резкое увеличение числа средних и высших педагогических учебных заведений. Если в течение первых двух лет первой пятилетки, 1928-29 гг., в республике было организовано 4 педагогических института, то в 1930 г. открылось 12 пединститутов и педагогических факультетов университетов [66;19]. В 1931 г. начали работать еще 8 педвузов, в 1932 г. – ещё 19. Получила развитие сеть вечерних пединститутов. В целом за период 1928-1932 гг. в Российской Федерации численность пединститутов возросла с 20 до 65 единиц [177;70,73]. Все это дало резкий прирост числа студентов. За 1928-1930 гг. студенческий контингент в Сибири и на Дальнем Востоке вырос с 871 до 1118 человек, а в 1930-1932 гг. – уже в 2,5 раза [140;55].

Таким образом, в государственной политике в сфере высшего и среднего специального, в том числе и педагогического, образования в 1930-е гг. выделяется несколько этапов. В начале первой пятилетки государственная власть более всего была озабочена «чисткой» студенческого и профессорско-преподавательского состава от неугодных и классово-враждебных лиц, активным стимулированием к вступлению в ряды педагогов лиц из числа рабочих и крестьян. В руководстве вузами и сузами преобладающая роль принадлежала партийно-комсомольским ячейкам, что не всегда положительно влияло на развитие учебного процесса. С

1932 г., в связи с признанием существенных недостатков в подготовке квалифицированных кадров, в государственной политике по отношению к учебным заведениям происходит крутой поворот. Была восстановлена дореволюционная система руководства учебными заведениями, методы преподавания, основанные на лекционной подаче материала, а также осуществлены шаги на пути общественного признания педагогического труда и поднятия его престижа. Наряду с этим к концу исследуемого периода было в основном сформировано представление, характеристика педагогического работника новой школы, получившая условное оформление в собирательном образе советского учителя, с присущим для него относительно невысоким уровнем академической подготовки и профессиональной квалификации, но вполне «подкованным» идейно, глубоко преданного делу партии и готовым к выполнению поставленных ею задач.

Всевозможными методами «чистки» профессорско-преподавательского состава и вливания в него значительной доли педагогической молодежи власти удалось направить педагогические коллективы по пути последовательной реализации государственной политики в сфере образования. В период 1930-х годов была в основном сформирована система средней специальной и высшей педагогической школы, просуществовавшая вплоть до конца 80-х гг. XX - го столетия. Это в решающей степени определило успешность реализации задач всеобщего обучения в стране, вовлекло в педагогические вузы и техникумы значительное число талантливой молодежи, а затем привело многих из них к вершинам педагогического мастерства.

1.2. Развитие сети учреждений педагогического образования

Систематическая работа по подготовке педагогических кадров в Советской России началась с 1921 г., когда главпрофобром РСФСР были установлены три

основные формы получения педагогического образования. Первая форма, краткосрочные (до 10 месяцев) педагогические курсы, были призваны обеспечить для потенциальных слушателей необходимый минимум идеологической, профессиональной и образовательной подготовки для последующей педагогической работы в школах первой ступени. Вторую форму представляли педагогические техникумы, которые являлись постоянными учебными заведениями, дающими среднее педагогическое образование и предназначались также для подготовки учителей начальной школы. К третьей, высшей, форме подготовки кадров для школ относились педагогические институты и педагогические факультеты университетов. Выпускники вузов должны были направляться для работы в школы второй ступени, а также в техникумы и рабфаки [177;49].

В канун введения всеобуча на всю Сибирь действовал лишь один вуз, Иркутский университет, который в своей структуре имел педагогический факультет, осуществлявший подготовку учительских кадров высшей квалификации. Однако выпуск этого факультета был немногочисленным и не мог обеспечивать динамично возрастающую потребность в специалистах высшей квалификации для обширной образовательной сети сибирского региона.

Первые попытки создания высшего педагогического учебного заведения в Западной Сибири были предприняты еще в 1920 году. Тогда, по инициативе профессора Московской академии народного образования К.Н. Корнилова, было решено создать в г. Томске Сибирскую академию народного образования (САНО). Академия, согласно замыслу, была призвана выполнять функции регионального центра по подготовке педагогических кадров высшей квалификации, а также осуществлять научные исследования в области народного образования. В том же году в Омске путём объединения действующих учреждений педагогического образования был открыт Институт народного образования (ИНО) [322;1;41;32]. Однако трудности послереволюционного времени не позволили осуществиться этим проектам: Сибирская академия вследствие недостатка финансирования и

кадровой обеспеченности в 1922 г. была закрыта, а Омский ИНО вскоре был реорганизован в педагогический техникум [134;66-67].

На III Сибирском совещании ректоров, проходившем с 30 декабря 1923 г. по 2 января 1924 г., был заслушан специальный доклад профессора В.И. Минаева о подготовке педагогического персонала для школ индустриально-трудового типа. Ставилась задача подготовки нового типа учителя, который бы совмещал в себе глубокое знание общеобразовательных предметов и основы профессионально-инженерной подготовки. Итогом совещания стало решение об открытии при Томском технологическом институте индустриально-педагогического факультета [173;26].

В процессе подготовки нового, «ускоренного» варианта «культурной пятилетки», в Сибири в 1930 г. вновь возникла идея открытия, на этот раз в Новосибирске, Сибирской педагогической академии. Первый прием студентов в количестве 750 человек планировалось осуществить уже в 1930 г. В составе педагогической академии предполагалось организовать три факультета: общественных наук и литературы, коммунистического воспитания детей, просветительной работы. По своему назначению она должна была, подобно идее САНУ, совмещать в себе функции учебного заведения и научного учреждения [149;39,44]. Однако вновь по причинам материально-финансовой необеспеченности, отсутствия подготовленных кадров попытка открытия Сибирской педагогической академии не была реализована. Отчасти замысел создания педагогической академии осуществился осенью 1930 г. организацией в Новосибирске Западно-Сибирского научно-исследовательского института коммунистического воспитания во главе с активным организатором педагогического образования в крае Иваном Сергеевичем Воробьевым [311;70;9268;8].

Возросшая востребованность преподавательских кадров для повышенных школ, техникумов и рабфаков вынуждала направлять на педагогическую работу в качестве учителей выпускников Томского университета. Эти действия по существу

означали неэффективное использование подготовленных специалистов, в которых нуждались хозяйственные отрасли экономики. Во многом этим было обусловлена начавшаяся проработка вопроса об открытии в составе университета педагогического факультета.

В июне 1929 г. правление Томского университета по докладу профессора В.Н. Наумовой-Широких приняло решение о создании в составе университета педагогического факультета [326;18;1562;5.256;4]. По данному вопросу была направлена записка в наркомпрос. Идея оказалась созвучной решениям прошедшего накануне, в апреле 1930 г., Второго Всесоюзного партийного совещания по народному образованию и вскоре получила одобрение в республиканском правительстве. Постановлением СНК РСФСР от 17 июля 1930 г. в составе Томского университета был открыт педагогический факультет. Его создание предусматривало осуществление подготовки учителей для фабрично-заводских семилеток (ФЗС), для школ крестьянской молодёжи (ШКМ), школ высшего центра (девятилетних школ), а также преподавателей для техникумов.

Торжественное открытие педагогического факультета состоялось 28 сентября 1930 г. В составе нового факультета было создано два отделения: подготовки преподавателей техникумов, рабфаков и фабрично-заводских училищ с двумя уклонами – индустриальным и агрономическим; подготовки учителей для школ рабочей молодёжи и школ крестьянской (колхозной) молодёжи [289;206].

Заведующим факультетом был назначен Георгий Трофимович Чуич, известный ученый-славист и талантливый педагог, бывший ректор Воронежского и Иркутского университетов, затем долгое время работавший в Томске. Первые годы становления первого в Западной Сибири педвуза легли на его плечи.

Качественный состав преподавателей вновь организованного факультета был достаточно высок: 41% из них составляли профессора и доценты. Многие из них в последующем посвятили долгие годы делу подготовки педагогических кадров Западной Сибири. Это преподаватели математики В.А. Малеев, химии М.Н. Усинович, В.Н. Наумова-Широких – носительница традиций дореволюционной

русской интеллигенции. В числе первых был и Ф.Ф. Шамахов, впоследствии историк народного образования в Западной Сибири, занимавший в первые годы должность старшего ассистента кафедры педагогики [289;206].

Первый набор студентов педфака состоялся в 1930 году на четыре отделения: литературного, физико-математического, химико-технического и химико-биологического. Всего на первый курс было принято 149 человек главным образом из числа служащих советских учреждений, а также из учителей, партийных, комсомольских и профсоюзных работников. Некоторые студенты были приняты без документов о среднем образовании, на основании особых путевок-направлений общественных организаций. Часть студентов была принята по разнарядке-заданию и направлению на обучение из числа рабочих и крестьян. Студенты, принятые в вуз по разнарядке, имели особый статус и именовались «тысячниками». Поскольку значительная часть принятых не имела требуемого полного среднего образования, для них были созданы «подгоночные группы» по математике, физике, химии и особенно по русскому языку. Несмотря на пробелы в общеобразовательной подготовке, студенты отличались особой любознательностью и прилежанием в учебе. Формирование учебных программ факультета строилось по примерным планам и программам, присылаемым из наркомпроса. На их основе руководство факультета вырабатывало собственную учебную документацию. Весь учебный год был разделен на 28 декад, а каждая декада состояла из двух шестидневок. Учебная программа строилась так, что до 38% учебных часов приходилось на «непрерывную производственную практику». Таким образом, через 2 декады после начала учебного года все студенты направлялись на двадцатидневную практику в качестве инструкторов ликбезов, а также ответственных организаторов, бригадиров «культпоходов» и «культэстафет». Этот вид практики, связанный с участием в мероприятиях всеобуча в крае и ликвидацией неграмотности, получил название «общественно-педагогической». После ее окончания студенты направлялись на политехническую практику, в ходе которой они приобретали навыки труда по рабочим специальностям в железнодорожных мастерских, на

фабрике «Сибирь», на заводе «Металлист» и заводах Кузбасса, а также в колхозах и совхозах края. В феврале 1931 г. все студенты и часть преподавателей приняли участие в трехнедельном «культпоходе» за грамотность населения Западной Сибири, в результате которого было проведено 39 местных «культпоходов», охвачено обучением 671 неграмотных и 871 малограмотных, подготовлено 2300 «культурмейцев». В то же время такая практика не всегда положительно влияла на учебный процесс. Ф.Ф. Шамахов писал: «Практически невозможным стало налаживание систематической учебы, результатом чего становились постоянные «академштурмы» и «академмарши» [289;208-210].

В 1931 г., в соответствии с решением февральского пленума ЦК ВКП (б) и установками Второго Всесоюзного партийного совещания по народному образованию, в стране развернулась вузовская реформа. Действующие до этого университеты дробились «пофакультетно» на отдельные самостоятельные высшие учебные заведения. При этом вновь организуемые отраслевые вузы передавались от наркомата по просвещению в ведомственные наркоматы. В связи с этим все педагогические факультеты университетов реорганизовывались в самостоятельные педагогические институты, оставаясь в системе наркомпроса. В августе 1931 г. такое преобразование произошло и в Томском университете. Выделившийся педагогический факультет был преобразован в самостоятельный педагогический вуз, получивший наименование «Томский индустриально-педагогический институт», директором был назначен Г.Т. Чуич.

Во вновь организованном педвузе в составе дневного и вечернего отделений были открыты факультеты: физико-математический, химико-биологический и литературный. Несколько позднее, в 1932 г., был создан социально-экономический факультет, преобразованный через год в исторический, а для подготовки кадров для национальных школ – школьно-педагогический факультет с отделениями: белорусским, языка и культуры алтайских народов[256;6]. Осенью 1933 г. был открыт новый факультет для подготовки преподавателей педагогики для педтехникумов. В том же году – дошкольный факультет, а само учебное заведение

получило новое наименование «Томский педагогический институт». В 1937 г. был организован факультет иностранных языков с английским и немецким отделениями [289;210-211].

На протяжении всего исследуемого периода в Томском пединституте шел непрерывный процесс освоения новых программ и форм организации учебной работы. В начале 1932 г. распоряжением наркомпроса в институте, несмотря на недовольство студентов и преподавателей, был внедрен бригадно-лабораторный метод сдачи экзаменов и зачетов. Студенты распределялись на группы во главе со студентом-бригадиром, ответственным за весь ход учебной работы, если бригадир, выступая, получал зачет, то автоматически зачет получала вся бригада. Эта форма не могла дать объективной оценки знаниям студентов, рождала иждивенчество и потому уже осенью 1932 г., по постановлению ЦИК и СНК СССР от 19 сентября 1932 г., бригадно-лабораторный метод в вузах был отменен. Была восстановлена лекционная система, введены две зачетные сессии в году, а ответственность за успеваемость студентов была возложена на профессорско-преподавательский состав. Для студентов выпускных курсов в Томском педагогическом институте постепенно формируется собственная научная база, чему активно способствовал В.А. Жданов, назначенный летом 1933 г. директором института. Укреплялась связь института со школами, на кафедрах в качестве стажеров появились группы лучших учителей повышенных школ, была организована базовая школа для проведения показательных уроков для студентов. Общественно-педагогическая практика студентов была заменена педагогической практикой в школах, введена публичная защита дипломных работ, что способствовало повышению качества знаний и профессиональному становлению студентов.

С введением в действие постановления СНК СССР от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» в институте начался процесс приобщения к систематической научно-исследовательской работе. Молодые преподаватели начали активно разрабатывать темы кандидатских диссертаций, поскольку наличие ученой степени открывало возможность занимать

более высокие должности преподавательского персонала. Но повышению научной квалификации препятствовали отсутствие библиотеки, лабораторной базы, не хватало финансовых ресурсов для научных командировок. Вплоть до конца исследуемого периода в Томском пединституте в числе преподавателей преобладали лица без ученых степеней. Несмотря на это значительная часть из них стали по-настоящему большими мастерами педагогического труда. Это и профессор химии, будущий лауреат Государственной премии Л.П. Кулев, доцент, в будущем известный физик, А. Вендерович, профессор высшей математики Ф.Я. Молин, доценты-историки С.Н. Бенклиев, Н.Я. Костеша и другие. Во многом благодаря их усилиям в 30-е гг. XX века было подготовлено первое поколение высококвалифицированных выпускников-педагогов Томского педагогического института [289;214-216].

Первые годы деятельности вуза были сопряжены с немалыми трудностями. Участник создания и первых лет деятельности вуза Ф.Ф. Шамахов, работавший много лет завучем, заместителем директора Томского педагогического института, вспоминает: «...Ему (институту) была отведена территория бывшего мужского монастыря, огороженная высокой каменной стеной чуть ли не метровой толщины. В центре этой территории находилось небольшое двухэтажное кирпичное здание школы второй ступени, построенное на месте разрушенной монастырской церкви, ставшее теперь учебным корпусом института. Там же стояло мрачное двухэтажное строение с узкими небольшими окнами и темными комнатками, бывшими монастырскими кельями. Здесь разместились студенческое общежитие и учебная часть. В небольшом одноэтажном деревянном флигеле были устроены кабинет директора, канцелярия, бухгалтерия».

К началу 1932/33 учебного года в составе дневного и вечернего отделений Томского пединститута имелось 30 учебных групп с контингентом в 850 человек. Кроме этого, действовало заочное отделение, в списочном составе которого насчитывалось 2750 студентов. Такая численность обучающихся не соответствовала имеющейся материальной базе. Учебное здание располагало лишь

девятью аудиториями, поэтому даже двухсменные занятия не снимали проблемы организации учебного процесса. К 1932 г. обеспеченность студентов общежитием составляла лишь 39% от числа остро нуждающихся. Девятнадцать преподавателей института, испытывая нужду в жилье, также проживали в общежитии.

Учитывая эти обстоятельства, дирекция института неоднократно обращалась в Томский горком партии с просьбой об оказании помощи в расширении учебной площади вуза и предоставлении дополнительных зданий под общежитие студентов [317;5488;159]. Горком, в свою очередь, эти просьбы адресовал в крайком ВКП(б), последний ставил вопрос о начале строительства учебного здания для педагогического института перед наркомпросом РСФСР. Осознавая большую значимость развития высшего педагогического образования, местные власти передали пединституту временно, до постройки своего учебного здания, помещение Томского педагогического техникума, куда вуз переехал осенью 1932 г. [289;211]. Директору пединститута было также рекомендовано обратиться с запиской в крайком партии с просьбой об оказании содействия в решении других важнейших вопросов деятельности первого педагогического вуза в крае (помощь в обеспечении кадрами, лимитами на учебники, бумагу и т.п.) [317;5;488;208 об]. К сожалению, настойчивые обращения в крайком часто получали противоположные ожиданиям результаты: следовали проверки, завершавшиеся наказаниями и оргвыводами. Так, 29 декабря 1932 г. на бюро Запсибкрайкома ВКП(б) был освобожден от занимаемой должности директора Томского пединститута Г.Т. Чуич с характерной для того времени формулировкой: «за бюрократическое отношение к студентам, бесхозяйственность и неумение наладить работу» [317;4;355;148].

Лишь спустя четыре года, ценой немалых усилий уже другого директора института, В.А. Жданова, в январе 1937 г. началось строительство учебного корпуса и общежития Томского педагогического института. Однако вскоре, в 1939 году, стройка окажется надолго «замороженной» по причине отсутствия средств. Работа будет продолжена будет лишь в конце сороковых годов.

В сентябре 1930 г. в Тюмени по инициативе Тюменского окружного совета, Уральского облОНО и педагогической общественности был организован агропедагогический институт [86;131]. В его состав вошли дневное и вечернее отделения с агрономическим, химико-биологическим и физико-техническим факультетами. Возглавил вуз В.В. Северный. Первый набор студентов вновь созданного института составил 75 человек. На следующий год был организован новый факультет – историко-экономический. Однако вскоре, в связи с развернувшейся в стране кампанией по «рационализации сети вузов и техникумов», он был объединён с местным педагогическим техникумом, образовав так называемый агропедкомбинат. Нежизненность предпринятой реорганизации вскоре стала очевидна, и в 1932 г. агропедкомбинат был ликвидирован. В том же году педагогический институт был вновь восстановлен, теперь уже с четырехлетним сроком обучения, воссозданы прежние и открыты новые кафедры: педагогики, литературы, биологии, химии, физики. Одновременно с педвузом в городе открылся самостоятельный педагогический техникум [260;5-6]. В 1938 г. при Тюменском педагогическом вузе был организован двухгодичный учительский институт для подготовки учителей иностранного языка. В январе 1941 г. на его базе будет создан факультет иностранных языков.

30 октября 1932 г. на торжественном собрании педагогического актива города Омска, проходившего в помещении Коммунистического клуба, было провозглашено создание в городе педагогического института [317;4;356;72]. Студенты первого набора, 120 человек, приступили к занятиям на четырех факультетах: литературном, физико-математическом, биологическом и химическом. Биологический и химический факультеты на следующий год были объединены в один – естествознания [317;5;446;195]. В 1938 г. организованы новые факультеты: исторический и географический. Собственного учебного здания вновь организованный институт не имел и первые годы своего существования действовал, арендуя помещения в городских школах, клубе. В 1933 г. институту

было передано для учебных занятий здание рабфака сельскохозяйственного института.

Дальнейшее развитие высшего педагогического образования в Западной Сибири, как и в целом по стране, было обусловлено директивными установками второго пятилетнего плана. Согласно принятому новому закону, с 1932 г. в стране вводился обязательный семилетний всеобщий, и, соответственно, возрастала потребность в учительских кадрах среднего школьного звена.

К концу первой пятилетки сеть педагогических учебных заведений Западной Сибири находилась на стадии формирования студенческого, научно-педагогического состава и учебно-материальной базы и потому была не в состоянии полностью удовлетворять возрастающие потребности в учительских кадрах. Первые выпуски педвузов удовлетворяли запросы школ лишь на 10-15%. Кроме этого, поставленные в условия работы по так называемой «ускоренной программе», сокращавшей срок обучения до трех лет, педвузы были вынуждены ограничивать объем профессиональной подготовки будущих учителей, сводить содержание обучения лишь к поспешным экскурсам по «выборочной тематике» педагогического и предметного циклов. Это не обеспечивало необходимого качества подготовки, порождало представление о будущей педагогической профессии как о некоей совокупности правил и инструкций, которые необходимо было заучить. В содержании подготовки учителя приоритет отдавался не столько собственно профессиональной, сколько идеологической компоненте. От педвузов, согласно партийным установкам, в первую очередь требовалась подготовка «идейных, коммунистически выдержанных и преданных делу партии бойцов культурного фронта».

Оценивая перспективы резкого возрастания во Второй пятилетке потребности в учителях для школ-семилеток, Западносибирский крайисполком принял решение об увеличении в крае числа педагогических учебных заведений и количества обучающихся в них. Согласно плану, в крае за пятилетие 1932-1937 гг. предполагалось дополнительно организовать шесть педагогических институтов.

Педвузы планировалось открыть в Новосибирске, Анжерке, Бийске, Барнауле (дневной, т.к. вечерний там уже действовал), Ленинске-Омском и в Ойротиин. В соответствии с этими планами студенческий контингент должен был возрасти в восемнадцать раз: с 1020 в 1932 г. до 18600 человек в 1937 г. [317;5;54;17]. На самом деле эти планы не отражали реальных возможностей страны, а также и её отдельных территорий. В значительной мере они являлись результатом устремлённости партийного руководства любой ценой «догнать и перегнать передовые капиталистические страны» и с твёрдой верой в чудодейственность командной экономики.

Между тем, не следует представлять, что все, кто принимал участие в разработке этих проектов, не понимали их утопичности. По свидетельству современников событий, многие поддерживали эти «грандиозные» планы в силу глубокой веры в миф о беспрепятственном движении страны от успеха к успеху, «перевыполнении» планов первой пятилетки. Другие «соглашались» из боязни быть обвиненными в неверии и в «капитулянтстве» или, еще хуже, в «правом уклоне». Историческая же реальность оказалась таковой, что, вопреки этим грандиозным планам, в годы второй пятилетки в Запсибкрае с величайшими усилиями удалось открыть лишь один вечерний педагогический институт, а число педагогических техникумов даже пришлось сократить.

Большие трудности в обеспечении учебными помещениями, необходимым финансированием явились главными причинами срыва предусмотренного пятилетним планом открытия в 1933 г. педагогического института в г. Новосибирске. Неоднократные ходатайства краевого руководства в СНК РСФСР, наркомпрос, собственные решения по организации в краевом центре педагогического вуза долгое время оставались безрезультатными. Между тем г. Новосибирск и прилегающие к нему сельские районы испытывали острый недостаток в обеспечении школ педагогическими кадрами. Их образовательный уровень оставался крайне низким. В 1935 г. в школах Новосибирска из общего числа учителей имели высшее и неполное высшее образование лишь 10%, среднее

педагогическое – 13,1%, общее среднее – 30,7%, более 46% имели семилетнее образование. В средних школах Новосибирского (сельского) района имели высшее и неполное высшее образование лишь 5,1% школьных учителей [322;1;1513;8].

Настоятельная потребность в «развёртывании школьного дела», острый недостаток квалифицированных кадров для школ заставили Новосибирский краевой и городской отделы народного образования при поддержке местной власти инициировать открытие осенью 1935 г. в г. Новосибирске за счёт средств местного бюджета вечернего педагогического института. Для организации дневной формы обучения не было материальных возможностей. В его составе было сформировано четыре факультета: исторический, географический, физико-математический, русского языка и литературы [305;56-57]. К осени 1935 г. в него было зачислено 109 человек – учителей школ города и до января 1939 г. о нём не упоминалось ни в какой официальной государственной отчётности, его деятельность финансировалась из бюджета Новосибирского горОНО, за счёт средств, предназначенных на переподготовку и повышение квалификации учителей.

Не имея собственного помещения, институт проводил занятия по вечерам в арендованных зданиях городских школ. Наркомпрос не решался утверждать вновь созданный институт, поскольку не было средств для включения его в государственное финансирование. Несмотря на это, народный комиссар по просвещению А.С. Бубнов активно поддержал инициативу новосибирцев, распорядился помочь вновь организованному институту выделением фондов на бумагу и предоставлением комплекта учебных программ. В феврале 1937 г. по инициативе наркомата по просвещению было принято постановление СНК РСФСР №115 об открытии в Новосибирске дневного педагогического института на базе действующего вечернего и о передаче пединституту учебного здания и общежития ликвидируемого Сибирского планового института [317;1;1664:7-8]. Однако, вопреки решению правительства, крайком ВКП(б) добился в ЦК партии решения о передаче здания бывшего планового института для организации краевых партийных курсов [311;69;2316;31]. Лишь в ноябре 1939 г. пединституту удалось

добиться собственного здания, а несколько ранее, в январе 1939 г., официального принятия на государственный бюджет в систему наркомпроса РСФСР. В августе 1940 г. на базе Новосибирского вечернего педагогического института было организовано дневное отделение [331;95;3.10.1940]. Наряду с этим составе института сохранялись вечернее отделение, а также созданный в 1939 г. сектор заочного обучения. Осенью 1939 г. приказом наркома по просвещению был назначен первый директор Новосибирского пединститута, им стал Вениамин Яковлевич Королев, человек весьма энергичный и опытный. До этого работу института временно возглавляли И.А. Нерод, З.И. Громов, П.Ф. Запорожский.

Постановлением Западно-Сибирского крайисполкома от 1 декабря 1933 г. в г. Барнауле за счёт средств городского бюджета был открыт вечерний педагогический институт [129;11-12]. Он был создан на базе существовавших здесь с 1932 года высших педагогических курсов. Вскоре также был организован учительский институт – двухгодичный вуз по подготовке педагогических кадров для школ – семилеток. И педагогический вечерний, и учительский дневной институты находились «под одной крышей» и единым руководством – директором педагогического института А.П. Щекотинским, проработавшим впоследствии много лет на педагогическом поприще высшей школы Западной Сибири. Педагогический и учительский институты в своем составе имели три факультета: физико-математический, русского языка и литературы и исторический. Однако вновь организованный педвуз оказался не в состоянии преодолеть трудности своего становления. Проведенная московская проверка выявила, что новый институт обеспечен преподавательскими кадрами лишь на уровне требований для педагогических техникумов (в составе института из 19 преподавателей лишь один имел звание доцента, остальные – ассистенты), а состояние учебно-материальной базы было признано недостаточной для его дальнейшей деятельности. В связи с этим по решению наркомата по просвещению РСФСР в 1934 г. Барнаульский вечерний пединститут был преобразован в заочное отделение Барнаульского учительского института. Осуществленный к тому времени набор в педвуз

студентов-вечерников был сохранен, и в 1937 г. вечерний пединститут осуществил свой первый и единственный довоенный выпуск [10;11-12].

Вопрос об открытии в Барнауле педагогического института вновь будет поставлен в повестку дня уже после организации в 1937 г. Алтайского края как самостоятельной административно-территориальной единицы страны. Алтай окажется без педагогического вуза. Возрастающая с каждым годом потребность в кадрах учителей для средних и неполных средних школ не могла быть удовлетворена лишь действующими учительскими институтами в Барнауле и Бийске. Кроме того, открытие педагогического вуза в крае могло бы стать базой не только для подготовки и повышения квалификации школьных учителей, но и для пополнения преподавательскими силами учительских институтов, где уровень квалификации был также невысок. В лучшем из них, Барнаульском учительском институте, в 1940 г. из 28 преподавателей ученую степень имел лишь один.

Руководство вновь организованного края настаивало на открытии педагогического института на базе действующего учительского института, «учитывая его сравнительно хорошую материальную обеспеченность». В конце 1940 г. с этим же предложением обратился в наркомпрос руководитель группы аттестации учителей Алтайского края. Несколько ранее, в 1939 г., краевая партконференция также приняла специальное постановление о необходимости открытия педагогического института в г. Барнауле [311;70;3879;9]. Совнарком РСФСР согласился с представленными доводами местных органов власти, принял во внимание обязательство руководства Алтайского края оказывать активное содействие становлению нового вуза в предоставлении учебных помещений, общежитий и жилья для преподавателей. С учетом этого было принято постановление республиканского правительства об открытии в г. Барнауле педагогического института с 1 сентября 1941 г. [311;70;3879;8].

С середины 30-х гг. XX века при педагогических институтах и на базе педагогических техникумов Западной Сибири была организована сеть учительских институтов. Появление высших учебных заведений подобного типа было

обусловлено настоятельной потребностью в педагогических кадрах для неполных средних школ, особенно остро проявившейся с введением семилетнего всеобуча. В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 16 декабря 1933 г. народному комиссариату по просвещению предписывалось, начиная с 1 января 1934 г., развернуть сеть двухгодичных институтов для удовлетворения полной потребности школ в учителях 5-7 классов [31;1934;2;4]. Согласно положению о двухгодичных учительских институтах, они создавались, как правило, при действующих педагогических институтах. В порядке исключения могли создаваться самостоятельные учительские институты при условии наличия необходимой материальной базы, преподавательских кадров и учебного оборудования. Руководство этими институтами возлагалось на директоров соответствующих педагогических институтов. По существу, учительский институт являлся структурной составляющей педагогического вуза, его своеобразным «младшим братом». Вся учебная работа отделений учительского института осуществлялась под руководством деканов факультетов пединститутов. Лица, окончившие учительский институт, получали право учительской деятельности в 5-7 классах школ или поступления на обучение без отрыва от производства на третий курс педагогического института [31;1935;23;13-14].

В Западной Сибири в течение 1934-1940 гг. было открыто восемь учительских институтов. Пять из них – Тюменский, Омский, Томский, Новосибирский, Барнаульский – были созданы на базе действующих педагогических институтов [305;56-58]. Сталинский, Колпашевский и Бийский учительские институты были открыты на базе действовавших до этого педагогических техникумов.

Учительские институты, как правило, повторяли сложившуюся факультетскую структуру педагогических вузов, при которых они состояли.

Количество факультетов (отделений) учительских институтов не превышало четырех. Осуществляя набор студентов с базовым образованием в объеме средней школы, они призваны были за два года обеспечить подготовку специалистов с высшим педагогическим образованием. Учительские институты по своему

назначению были призваны «реализовать прорыв» в подготовке учителей для школ-семилеток, в «максимально сжатые сроки» снять проблему острого недостатка учителей. Вместе с тем, установленная «скоротечность» в обучении приводила, как показал опыт, к немалым издержкам в качестве подготовки выпускников. Учительские институты, являясь высшими учебными заведениями, снискали репутацию вузов «второго сорта», где уровень квалификации профессорско-преподавательского состава был гораздо ниже, чем в педагогических институтах. Первоначально учительские институты занимались по упрощённой программе пединститутов, в 1935 г. для них были введены особые программы и была предусмотрена преемственность с учебными программами педвузов с тем, чтобы выпускники могли без сдачи дополнительных экзаменов поступать из учительского в педагогический институт.

Руководители педвузов, преподаватели открыто выражали своё отрицательное отношение к созданным двухгодичным вузам, били тревогу по поводу низкого качества знаний студентов учительских институтов. Выступая на совещании директоров педагогических институтов во Всесоюзном комитете по делам высшей школы (ВКВШ) в июле 1936 г. директор Ленинградского пединститута Козырев возмущался: «В положении об учительских институтах говорится, что институт (учительский) готовит учителей для неполной средней школы. Да какое же высшее учебное заведение готовит за два года!? Ведь агронома вы не готовите в два года! Учительский институт не является вузом и не может им являться. Когда мы говорим, что это вуз, мы обманываем тех, кто поступает в этот институт. Мы говорим поступающим, что они, окончив институт и проработав два года, могут поступить на третий курс пединститута, опять неправда. Ряд дисциплин учительского института не соответствуют учебному плану педагогического. Все это свидетельствует, что существование учительских институтов не оправдывает себя» [312;1;231;7].

Сроки приёма документов для поступления в учительские институты устанавливались более продолжительными, чем в педагогические. Этим

предполагалась возможность поступления в учительский институт тех, кто не выдерживал вступительных испытаний в педагогический институт. Поэтому уже в первые годы своей деятельности об учительских институтах, куда принимали практически всех желающих, в молодёжной среде сложилось негативное мнение. Появление и деятельность учительских институтов были своеобразной «жертвой качества» во имя заполнения школьных вакансий для реализации семилетнего всеобуча. Негативные последствия деятельности двухгодичных вузов оказались весьма значительными. Страна ускоренно наполнялась учителями с низкой квалификацией. На всё чаще возникающие вопросы не находилось ответа: почему, например, для работы в 5-7 классах считалось достаточной двухгодичная подготовка учителя, а для работы в 8-10 классах – необходим четырехгодичный педагогический институт? А почему для подготовки дошкольного работника вообще достаточно прохождения десятимесячных курсов?!

Обеспечить максимальный набор в учебные заведения, подготовить в первоочередном порядке идейно преданных «бойцов культурного фронта», заполнить ими учительские вакансии в школах, создать иллюзию разрешения проблемы – главный императив создания и деятельности учительских институтов. При этом практически не осуществлялось отбора абитуриентов по уровню их общеобразовательной подготовки, склонности к учительскому труду. Часто происходило так, что в учительский институт зачисляли всех, кто подавал документы. Такой подход таил в себе большую опасность – создавал представление в обществе о общедоступности педагогического образования, чем в немалой степени оказывал губительное влияние на престиж образования и педагогического труда в целом.

Негативная оценка деятельности учительских институтов неоднократно звучала и с высокой трибуны наркомпроса РСФСР, но сложнейшая ситуация с обеспечением учительскими кадрами вынуждала соглашаться с существованием непопулярных вузов. В 1954 г. решением правительства РСФСР учительские институты были закрыты или преобразованы в педагогические.

С преодолением больших трудностей формировалась система заочного педагогического образования в Западной Сибири [173;29]. В 1933 году при педвузах были открыты секторы вечернего и заочного обучения, а также консультационные пункты заочного обучения при семи педагогических техникумах [296;247]. Основные проблемы заочного обучения были вызваны отсутствием достаточного количества учебной литературы, низким уровнем знаний студентов, отсутствием транспортного сообщения с вузовским городом, бытовой неустроенностью заочников. Эти условия не позволяли обеспечить устойчивость функционирования системы заочного обучения, и потому в период 1930-х гг. отмечается большой отсев студентов, часто приводящий к полной ликвидации учебных групп и курсов.

Характерной особенностью открывшихся в тридцатые годы западносибирских педагогических вузов была относительная малочисленность студенческого контингента. Например, в начале 1934 г. в педагогических вузах Западной Сибири обучалось 3329 студентов, а в 1935 г. – 3985 студентов [141;177]. По состоянию на 1 мая 1932 г. в них обучалось 1095 человек вместо установленной плановой численности в 2500 [141;156]. В начале 1936 г. в семи наиболее крупных педагогических и учительских институтах западносибирского региона обучалось 1922 студента или примерно 275 человек на один вуз. Малочисленность педвузов – следствие постоянного невыполнения ими доведенных планов по набору на первый курс, который предполагался в количестве 240-270 человек на каждый педвуз. По сравнению с западно-сибирскими высшими учебными заведениями технического, социально-экономического профилей, педагогические были самыми малочисленными. При этом даже совокупная численность их студентов уступала вузам иных профилей. Например, в трех действовавших в Западной Сибири медицинских институтах обучалось в два раза больше студентов, чем в семи педагогических [312;2;239;5 об]. Сложившаяся сеть западносибирских педвузов требовала больших материальных, финансовых ресурсов и была по силам лишь мощному государственному бюджету. Из общего числа (двадцати одного)

западносибирских вузов, действовавших в середине 30-х годов, третья часть их занималась подготовкой школьных учителей. Однако учительской профессии в них обучались лишь 11,7% от общего числа студентов вузов Западной Сибири [2;183]. Такое положение приводило к распылению средств, создавало дефицит научно-педагогических кадров. Неоднократно предпринимавшиеся органами народного образования края попытки «рационализировать» сеть педвузов, «преодолеть параллелизм» заканчивались безрезультатно. Территориальная разобщенность края, отсутствие надёжных транспортных сообщений, требовали сохранения педвузов несмотря на их малочисленность, недостаток преподавательских кадров, слабую материальную базу, дисбаланс между затратами на поддержание деятельности педагогических учебных заведений Западной Сибири и эффективностью вложений в них.

Решающие изменения в наполняемости педвузов и учительских институтов студенческим составом произошли к концу 30-х – началу 40-х годов, когда значительно возросли ассигнования на образование из государственного бюджета, произошла относительная стабилизация состава преподавательских коллективов и укрепилась нормативная база учебного процесса и всей внутривузовской жизни. Если в 1937/38 учебном году в учительских институтах Алтайского края обучалось 334 студента, то в 1940 г. – уже 1576 [2;181]. К началу 1940/1941 учебного года также значительно возросла численность студентов в Новосибирской области. В учительских институтах обучалось 3427 человек и 1083 – в педагогических [296;247]. Начавшаяся Великая Отечественная война приостановила эти позитивные процессы: к сентябрю 1941 г. в пяти педагогических институтах Западной Сибири числилось 1267 студентов, а в 5 учительских институтах – около 1500 обучающихся [296;248].

В целом, характеризуя обстановку, в которой происходило становление высшего педагогического образования в Западной Сибири, следует подчеркнуть, что развитие происходило в сложных условиях, вызванных отсутствием необходимых ресурсов, а также отсутствием в большинстве случаев опыта

организации высшей и профессиональной школы. Как правило, вновь открывавшиеся педвузы создавались на базе действующих педагогических техникумов, либо педагогических факультетов университетов. При этом они оказывались не обеспеченными ни соответствующими учебными помещениями, ни общежитиями, ни преподавательскими кадрами, ни должным финансированием на зарплату, оборудование, учебную литературу и многое другое. В результате этого колоссальный дефицит учительских кадров с одной стороны и отсутствие должной базы набора для приёма в высшие учебные заведения с другой настойчиво подталкивал местные руководящие органы Западной Сибири к «штурму всеобуча», сопровождавшегося неизбежными при этом издержками. Педагогические вузы региона, несмотря на пополнение выпуска из учительских институтов, оказались не в состоянии в полной мере обеспечить школы необходимым количеством педагогов. Несмотря на это, в 30-е гг. XX века в Западной Сибири была сформирована система образования, заключавшая в себе сеть высших педагогических учебных заведений, которые уже к середине десятилетия сделали свои первые выпуски, а в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны сохранили свою жизнеспособность.

В исследуемый период в пополнении школ Западной Сибири учительскими кадрами преобладающую роль играли педагогические техникумы. Они создавались, как правило, на базе ранее действовавших учительских семинарий и долгосрочных учительских курсов и были призваны осуществлять подготовку учителей для начальной школы в 3-4-х летний срок обучения.

К началу 1921 г. в Сибири действовало 20 педагогических техникумов, но к 1925 г. из-за материально-финансовых трудностей их число сократилось до 15 [296;38]. К концу 1920-х гг. сеть 4-х годичных педтехникумов вновь начинает развиваться [296;171]. Принятое постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 г. о переходе к начальному всеобучу детей в числе важнейших задач ставило вопрос о подготовке учителей, в первую очередь, в системе педагогических техникумов [61;91-95].

Прошедшая в 1928 г. комплексная проверка сибирских средних педагогических учебных заведений комиссией Главпрофобра выявила, что только 70% учебных заведений были обеспечены учебными зданиями, однако все помещения являлись приспособленными и требовали ремонта. Была отмечена очень слабая оснащённость учебным оборудованием, низкая квалификация преподавательского состава. «Есть педтехникумы, – указывалось в итоговой справке, – где процент преподавателей с высшим образованием равен 51 и даже 30. Чрезмерно применяется совместительство, в среднем оно составляет около 60 процентов». Авторы справки предлагали внести изменения в расчёты по финансированию сибирских педтехникумов. «Финансирование сибирских техникумов осуществляется в тех же размерах, что и техникумов европейской части РСФСР. При этом не учитываются сибирские условия, требующие дополнительных средств на отопление, водоснабжение, телеграф и т.п.». Около 70% учащихся обеспечивались стипендией, от 36 до 85% нуждающихся проживали в общежитиях.

К 1928 г. сеть педагогических учебных заведений Западной Сибири насчитывала 12 педагогических техникумов. Кроме этого, действовали один дошкольный и один политико-просветительный, которые также относились к категории педтехникумов. В 54-х группах педтехникумов обучалось 1589 учащихся [311;69;1092;16]. Помимо подготовки в техникумах, с 1927-1928 гг. началась подготовка учителей на десятимесячных педагогических курсах при техникумах, а также при 26 школах с педагогическим уклоном. Несмотря на увеличение числа таких учебных заведений, выпуск из педтехникумов не мог удовлетворить возросшую потребность в педагогических кадрах. Ещё до введения всеобуча в Западной Сибири дополнительно требовались 2-2,5 тысячи педагогов. В связи с введением всеобуча в 1930/31 учебном году Западной Сибири дополнительно потребовалось ещё 5,2 тыс. учителей. Действующая же сеть педагогических техникумов Западной Сибири могла обеспечивать всё возрастающую потребность в педагогических кадрах лишь на 10% [296;69].

Накануне введения всеобуча, в марте 1928 г., пленум Сибирского крайкома ВКП(б) поставил задачу подготовить к 1931/32 учебному году 8550 учителей, причем 1265 преподавателей должны быть подготовлены учебными заведениями среднего педагогического образования и 3022 – школами 2-й ступени с педагогическими классами. Кроме этого, предполагалось к 1 сентября 1930 г. дополнительно подготовить по ускоренной программе за курс педтехникума 10469 новых педагогов [140;55].

План по подготовке учительских кадров в Сибири был установлен в соответствии с директивами по Первому пятилетнему плану (1928-1932 гг.), предусматривавшему достаточно сбалансированное развитие отраслей народного хозяйства, предполагалось открытие нескольких новых педагогических техникумов. Организации в Сибири новых педагогических вузов не планировалось. «Расширение сети педагогических учебных заведений, – отмечалось в плане наркомпроса РСФСР по первой пятилетке, – вряд ли потребуется; за счет уменьшения процента отсева, усиленного выпуска дипломников и других мер должна быть удовлетворена потребность в педагогах с высшим образованием» [111;487]. В связи с этим наркомпросом планировалось даже закрыть некоторые педагогические учебные заведения по причине «отсутствия спроса на продукцию».

В 1929-1930 гг. первоначальные планы в связи с подготовкой введения всеобуча были пересмотрены в пользу решительного увеличения приёма в педагогические учебные заведения. Постановка ноябрьским пленумом ЦК (1929г.) вопроса об ускоренной подготовке кадров специалистов, развитая затем в решениях XVI съезда ВКП(б) (1930 г.), потребовала от руководящих органов Сибири активных действий по развитию сети учреждений профессионального образования. После принятия закона о всеобщем начальном обучении был пересмотрен республиканский план культурного строительства, в том числе были внесены существенные коррективы в раздел по педагогическому образованию, в результате чего прежняя установка на размеренное развитие сети учреждений

педагогического образования радикально менялась. По новому, уточненному плану («контрольным цифрам»), предполагалось к концу пятилетки подготовить в республике 90 тысяч учителей со средним педагогическим образованием вместо 52 тыс. по первоначальному плану пятилетки. Вместо ранее запланированного открытия 63 школьных отделений в педтехникумах новый план доводил цифру до 159 [185;49].

В соответствии с этим, большие изменения были внесены в планирование контингента приема и выпуска по педтехникумам. Если по первому варианту плана выпуск из педтехникумов должен был составить 41164 чел., то по новому – уже 76544 чел. (увеличение на 86%).

Увеличение числа подготовки специалистов для школы намечалось осуществить не только за счет расширения сети вузов, но и за счет сокращения продолжительности обучения, отмены выпускных дипломных работ, сокращения каникул, введения непрерывной производственной практики. Приём в учебные заведения предполагалось увеличить в два раза. Поскольку, по расчётам народного комиссариата по просвещению РСФСР, потребность в педагогах для начальных школ могла быть удовлетворена выпусками из педтехникумов к концу пятилетки лишь на 32,5%, а педагогов для повышенной школы выпускниками педвузов – на 40%, то в пересмотренный план подготовки педагогических кадров была включена задача немедленной организации краткосрочных учительских курсов, а также расширение подготовки учителей за счет увеличения выпуска из школ II ступени с педагогическим уклоном.

К осени 1930 г. в РСФСР, в соответствии с требованиями «контрольных цифр», произошло значительное увеличение числа средних педагогических учебных заведений. Всего за период 1928-1932 гг. в Российской Федерации количество педагогических техникумов выросло со 195 до 263 единиц [177;70-73].

Поставленная Западно-Сибирским краевым комитетом ВКП(б) в связи с введением всеобуча задача предусматривала более чем трёхкратное увеличение числа педагогических учебных заведений в крае, прежде всего педтехникумов, и

соответствующее увеличение выпуска из них. За счет средних педагогических учебных заведений к 1 сентября 1930 г. планировалось подготовить 10469 новых педагогов против 3084, выпущенных в 1927/28 учебном году [177;74].

Вновь организуемые педтехникумы создавались, как правило, в районных центрах, на базе действующих общеобразовательных школ второй ступени с педагогическим уклоном, либо вырастали из педагогических курсов, работавших при районных отделах образования. Их создание и деятельность полностью определялись задачей разрешения проблемы подготовки недостающего числа учительских кадров для начальных школ в связи с их возросшим дефицитом с введением обязательного начального всеобуча.

Только за 1929/30 учебный год в Западной Сибири было открыто 10 новых педагогических техникумов [296;171], а за 1930/31 учебный год организовано ещё 12 таких же учреждений. Таким образом, по сравнению с 1929/30 учебным годом, когда в Западной Сибири действовало 14 педтехникумов, к 1931/32 учебному году их число возросло до 28. С двукратным увеличением числа педтехникумов более чем в два раза увеличился и контингент обучающихся. За период 1929-1932 гг. численность учащихся в них возросла с 2544 до 6833 человек [311;70;9043;39-40], [322;3;80;231].

Вновь организованные техникумы с большими усилиями преодолевали трудности своего становления. Наряду с малочисленностью состава учащихся для нормальной работы не имелось достаточных финансовых и материальных ресурсов, бытовая неустроенность учащихся приводила к большому отсеву. Это обстоятельство во многом обуславливало медленный рост объёма подготовки специалистов. Если в 1929/30 учебном году выпуск педтехникумов составил 670 новых педагогов, то в 1930/31 учебном году он возрос всего до 929 [128;169]. Как и накануне введения всеобщего обязательного начального обучения, сибирские педтехникумы испытывали острую потребность в доукомплектовании преподавательскими кадрами.

Первый год осуществления обязательного всеобуча, 1930-й, оказался рекордным в организации новых педагогических техникумов в Западной Сибири. В этот год в регионе было организовано дополнительно к имеющимся ещё девять педагогических техникумов. Они были открыты в основном в отдалённых районах края: Рубцовске, Черепанове, Камне, Мариинске и др. По состоянию на 1 октября 1932 г. в составе 28 педтехникумов края имелось 25 школьных отделений, 17 дошкольных, 14 детского коммунистического движения, осуществлявших подготовку старших пионерских вожатых, 3 дефектологических и 2 физкультурных. Кроме этого, в некоторых педтехникумах края действовали особые отделения: библиотечное, детской книги, школьно-правовое, по подготовке педагогов для детских домов, приютов и работе с беспризорными (соцвос) [311;70;9259;15].

С учетом многонационального состава западносибирского региона в этот период были организованы педагогические техникумы для подготовки учителей национальных школ: Ойротский, Томский-татарский, Хакасский, Омский-казахский, Славгородский-немецкий, Горно-Шорский. В русскоязычных педтехникумах – национальные отделения: казахское и украинское в Омском, мордовское в Барнаульском, чувашское в Кемеровском, латгальское в Сталинском, белорусское в Томском [313№17;588;190-204].

Однако эти темпы, сопровождаемые неуместной соревновательностью и рапортоманией без соответствующего материального подкрепления учебных заведений, приводили к самоликвидации некоторых из них уже в период 1933-1935 гг., когда в результате произведённой реорганизации к 1936 году сеть педтехникумов в Западной Сибири сократилась с 28 до 15 единиц [322;1;1638;16].

Исходя из планов второй пятилетки, предусматривавшей введение всеобуча в рамках семилетней школы, Западносибирский крайком ВКП(б) принял перспективный план на 1932-1937 гг., согласно которому число учащихся в педагогических техникумах должно было возрасти более чем в 5 раз [322;5;54;17]. Неготовность к реализации этих планов привела к обратному результату: в 1933

году в педтехникумах края обучалось 6472 человека, что оказалось даже меньше, чем в предыдущем году.

Недовыпуск педагогов для начальной школы еще более усугубился в связи с переходом в 1934 г. ко всеобщему обучению детей в рамках семилетней школы. В разрешение проблемы при педтехникумах были организованы вечерние отделения [296;70]. Не менее актуально стоял вопрос и по обеспечению учителями школ второго и третьего концентров, т.е. для школ-семилеток и полной средней школы (девятилетки). Последней (повышенной) школе требовались преподаватели с высшим педагогическим образованием.

Подготовка молодежи к поступлению в вузы и втузы всецело зависела от работы школ второй ступени, повышенных школ и рабфаков. Кадры для этих учреждений призваны были готовить высшие педагогические учебные заведения. Оценку эффективности этих мер дало постановление президиума Западносибирского крайисполкома партии от 19 мая 1935 г. «Об ускоренной подготовке педагогических кадров», где отмечалось «резкое несоответствие подготовки молодых педагогических кадров с общей потребностью в них школ края» [277;1935;91;5]. Работа крайОНО по выполнению плана подготовки молодых учителей через сеть педтехникумов на 1934/35 учебный год была оценена как провальная. Это, прежде всего, относилось к вопросу о состоянии работы по переподготовке учителей на педагогических курсах. Не был полностью выполнен план и по наполнению педтехникумов, прием на первый курс в них составил лишь 91,4% от запланированного.

План, утвержденный крайкомом ВКП(б) на 1935/36 учебный год, предусматривал прием в педтехникумы вместе с подготовительными отделениями 2280 человек. Одновременно с этим указывалось, что значительный «отсев студентов» педтехникумов и слушателей курсов связан с их бытовыми нуждами и невниманием к ним со стороны директоров учебных заведений. В связи с этим крайкомом ВКП(б) было предписано поручить райОНО в месячный срок обследовать техникумы края с тем, чтобы максимально снизить «отсев»,

вызванный материально-бытовой необеспеченностью учащихся. В свою очередь от райисполкомов и горсоветов было потребовано заслушать отчеты директоров педтехникумов о состоянии учебных заведений и по возможности выделить средства на ремонт и оборудование учебных и жилых зданий. Постановлением предписывались конкретные меры: произвести слияние воедино Рубцовского и Змеиногорского педтехникумов, а также передать жилой дом под общежитие Томского татарского педтехникума [277;8]. В 1936 г. контингент учащихся западносибирских педагогических техникумов в целом несколько возрос, главным образом, за счет расширения вечернего и заочного обучения и составил 6674 человека.

В связи с недостаточным выпуском педагогических кадров Президиум Новосибирского облисполкома 16 июня 1938 г. принял постановление об открытии в г. Новосибирске педагогического училища. Для этого в плане на 1939 г. предусматривалось строительство учебного корпуса на 500 мест и общежития на 300 мест [323;1;23;13;]. Это решение было подтверждено постановлением СНК РСФСР от 20 сентября 1938 г. «Об открытии педагогического училища в г. Новосибирске», которое предусматривало начало работы педучилища с 1 сентября 1938 г. [323;1;1;50].

В результате принятых мер во второй половине 1930-х гг. прослеживается устойчивая тенденция к росту численности учащихся педучилищ. Так, в 7 педучилищах Алтайского края в 1937/38 учебном году обучалось 3038 человек, а в 1938/39 учебном году – 3776 человек. В 1940/41 учебном году в педучилищах Новосибирской области обучалось 8243 студента [2;183]. Однако даже в этих условиях, как и в годы первой пятилетки, выпуск новых учительских кадров оставался ниже плановых цифр и не обеспечивал покрытия потребности в кадрах педагогов средней квалификации. Например, в 1940/41 учебном году выпуск педучилищ Новосибирской области составил лишь 1600 человек вместо запрашиваемых 2100 [296;247].

Таким образом, планом введения всеобщего начального обучения предусматривалось, что основным источником пополнения педагогических кадров станет система среднего педагогического образования – педагогические техникумы. Принятыми мерами в период 1929- 1931 гг. были резко увеличены число и география размещения педтехникумов, возросли планы общего набора. Однако эти меры не были подкреплены необходимыми ресурсами (финансирование, ремонт учебных помещений и общежитий, комплектование преподавательского состава и др.) и потому в 1934-35 гг. происходит болезненный и сложный процесс ликвидации, объединения учебных заведений среднего педагогического образования.

Период 1937-1941 гг. характеризуется стабилизацией структуры среднего педобразования Западной Сибири, увеличением контингента учащихся, улучшением финансового состояния училищ, ростом профессиональной квалификации преподавательского состава, с 1937 г. началось финансирование капитального строительства объектов педагогического образования из средств государственного бюджета. Система среднего педагогического образования стала обретать динамику своего развития в направлении полного обеспечения потребностей в кадрах для школы.

К началу всеобуча действующая сеть педагогических техникумов Западной Сибири своим выпуском могла обеспечить заполнение лишь 10-15% вакантных мест педагогов, составлявших примерно 5-6 тыс. человек. С введением начального всеобуча стало очевидным, что действующая сеть учреждений педобразования не в состоянии обеспечить подготовки достаточного числа школьных учителей. Для разрешения этой задачи необходимо было существенно развернуть сеть педагогических техникумов, а для этого требовалось в кратчайшие сроки обеспечить соответствующую кадровую и материально-финансовую базу.

Постановлением президиума Западносибирского крайисполкома от 7 июля 1930 г. «О досрочном введении всеобщего начального обучения в Сибирском крае» была предпринята попытка решения кадровой проблемы. Принятый документ

обязывал всех выпускников педтехникумов и школ II ступени с педагогическим уклоном отработать два года в школах I ступени. При этом запрещалось трудоустройство выпускников педтехникумов не по специальности. В развитие этого вопроса резолюция бюро крайкома ВКП (б) от 10 сентября 1930 г. «О введении всеобуча в крае» также потребовала возвращения в школы лиц с педагогическим образованием, работавших ранее не по специальности. Кроме этого предполагалось привлечь на работу по педагогической профессии выпускников школ II ступени с педагогическим уклоном, что позволило бы ослабить остроту проблемы, связанной с недостатком школьных учителей. Но, как покажет опыт, привлечение на педагогическую работу подобного контингента крайне отрицательно отразится на содержании образовательного процесса, повлечет рост текучести педкадров и других негативных явлений. Эта часть учительства, состоявшая из числа мобилизованных на работу в школы по решениям (путёвкам) партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, либо прибывших по вербовке, имела, как правило, образование в объёме пяти-семи классов, была совершенно не готова для работы в школах и составляла так называемый «педагогический суррогат».

Единственным в сложившейся ситуации средством поднятия образовательного уровня вновь прибывших учителей виделось направление их на курсовую подготовку и переподготовку. Такие курсы, в связи с недостаточно развитой сетью средних и высших педагогических учреждений Западной Сибири, получили большое распространение в деле подготовки кадров для школы. В январе 1931 г. в Новосибирске начали работать одногодичные высшие педагогические курсы для подготовки учителей начальных классов (групп) в школах II ступени с педагогическим уклоном из числа школьников [188;169]. Подобные курсы действовали в Западной Сибири и ранее, после окончания Гражданской войны, когда постановлением Сибирского совета народного образования от 1 марта 1920 г. были организованы 5-6 месячные курсы по подготовке учителей для школ I ступени [322;1;66;26]. Однако теперь, с введением всеобуча, подготовка и

переподготовка учителей на краткосрочных курсах приобретала несравнимо больший размах.

Планировалось уже с начала 1930/31 учебного года организовать в каждом районе двухмесячные педагогические курсы, а при педтехникумах – одногодичные курсы по подготовке учителей для школ I ступени [188;170]. С лета 1930 г. при педтехникумах и крупных средних школах были открыты краткосрочные (1-2 месяца) курсы подготовки учителей. Таким образом, за первый год их работы было подготовлено около 3 тыс. учителей. За счет деятельности сети курсов в 1932 г. в крае было подготовлено 6025 учителей начальной школы и 325 учителей для неполной средней и средней школы [188;171].

В условиях увеличения числа школ и недостатка квалифицированных педагогов роль краткосрочных курсов возрастала. В октябре-ноябре 1932 г. пленум крайкома ВКП (б), заслушав доклад зав. крайОНО о выполнении директив партии о начальной и средней школе, принял решение об организации дополнительно с начала 1933 г. семимесячных курсов для учителей начальных школ, рассчитанных на 3500 человек, запретив при этом прием на них лиц с образованием ниже семилетней школы. Срок обучения на них увеличивался с 3 месяцев до 1 года. Всего через систему годичных курсов за период 1933-1936 гг. выпущено 2890 учителей. [296;180]

Несмотря на широкую сеть, краткосрочные курсы не могли обеспечить всех потребностей. Постановление президиума Западносибирского крайисполкома от 19 мая 1935 г. «Об ускоренной подготовке педагогических кадров» поставило неудовлетворительную оценку работе крайОНО по выполнению плана подготовки учителей в 1934/35 учебном году. Годовой план по подготовке учителей для начальной школы был выполнен лишь на 76%, а для неполной средней – на 57%. В связи с этим крайисполком было принято решение об организации сети двухмесячных курсов, на которых был бы восполнен недостаток по подготовке ещё 500 учителей начальных классов [277;1935491;5-6].

Одновременно создавались курсы для работников детских домов в количестве 30 человек и для дошкольных работников – 40 человек. Отдельно планировалось направить 500 человек на курсы заочного обучения в педагогический техникум.

Остро поставленный 17 съездом ВКП(б) вопрос о повышении качества знаний школьников, а затем введение учительских званий и повышение размера оплаты труда педагогов потребовали решительным образом повысить образовательный уровень школьных учителей. Важнейшим инструментом для этого должна была стать аттестация педагогов. Постановлением СНК РСФСР от 28 августа 1937 г. с 1 октября 1937 г. вводились единые программы 10-месячных курсов по подготовке учителей начальных классов [61;108]. В частности, в Новосибирской области такие курсы были открыты в 43 районах, где обучалось 1879 учителей начальной и 622 – средней школы [2;183]. В Алтайском крае в 1938 г. были повсеместно открыты пятимесячные курсы. В Омской области на аналогичные курсы было зачислено 1100 человек. В Томском педагогическом институте были организованы курсы по переподготовке учителей старших классов, где обучалось 150 человек. Всего за 1937-1940 гг. только в Новосибирской области и Алтайском крае через курсовую систему прошло 10 тысяч учителей. В итоге, до января 1941 г. на учительских курсах прошли переобучение 14,5 тыс. человек [140;157].

Большую роль в переподготовке учительских кадров играли групповые и индивидуальные консультации и кустовые совещания. Такие мероприятия начали проходить с 1932 г., когда учебно-методический сектор крайОНО организовал консультационное бюро, куда учителя могли обращаться за разъяснением возникающих вопросов в процессе их практической деятельности. На территории Западной Сибири существовало 170 таких пунктов, 14 из которых действовали при педучилищах, 131 – при средних школах и 25 – при неполных средних школах. Кроме этого, 7 таких пунктов были открыты при педагогических вузах [2;180].

С начала второй пятилетки при всех западносибирских педагогических институтах начинает действовать система заочного обучения [173;29]. Основное внимание уделяется таким массовым формам работы как краевые и районные

курсы, конференции, семинары методических объединений учителей, практикумы. Возрастает роль и значение образцовых школ в повышении методической составляющей урока [188;171]. Такие формы повышения квалификации реализовывалось на краткосрочных курсах для заочников педагогических вузов. Они активно действовали в Томске, Барнауле, Новосибирске и Новокузнецке [2;180]. Для заочной системы обучения был характерен большой отсев студентов. Только за 1934 г. он составил 48,3% от общего числа обучающихся [322;3;537;75]. Постановление Президиума Западно-Сибирского крайисполкома от 19 мая 1935 г., выявив невыполнение плана по заочному обучению за 1934 год, обратило на этот факт особое внимание руководителей Каменского, Кытмановского, Старо-Бардинского, Сузунского, Купинского и Северного районов [277;1935;91;6]. Важно подчеркнуть, что на протяжении всего периода 1930-х гг. заочное обучение оставалось самым слабым звеном в системе педагогического образования Западной Сибири. Во многом это было обусловлено реальными трудностями его организации: недостатком учебной литературы, материальными затруднениями студентов, отсутствием коммуникационных возможностей и неразвитостью автодорожной сети в крае.

Характеризуя в целом деятельность органов власти и педагогического сообщества по реализации радикальных реформ в образовании в Западной Сибири в 1930-е гг., важно отметить, что в этот период была сформирована сеть учреждений педагогического образования и система краткосрочных курсов. В значительной мере созданные учреждения способствовали снижению дефицита учительских кадров в школах Западной Сибири. Но, с другой стороны, нельзя не видеть, что покрытие дефицита в учителях оставалось недостаточным перед постоянно возрастающей потребностью в учителях в связи с переходом ко всеобучу сначала в рамках начального, затем – неполного среднего и среднего образования. По данным инспектора наркомпроса Н.С. Стеллецкого, в 1938 г. недокомплект учителей только в Новосибирской области составил 5038 учителей начальной и 3240 учителей неполной средней и средней школ. При общем выпуске

в 1200 учителей для начальной школы и 1235 – для неполной средней и средней школ, не хватало 5847 учителей. По плану народного хозяйства и культурного строительства Новосибирской области на 1941 г., при наличии 27471 учителя их недостающее число оценивалось в 4488 человек. Недокомплект учителей начальной школы планировалось ликвидировать за счет 726 выпускников педучилищ и 274 выпускников различных курсов. Сложившийся недостаток учителей 5-7 классов предлагалось заполнить за счет 940 выпускников педучилищ и 1500 выпускников различных курсов. Недостаток учителей 8-10 классов должны были снять 204 выпускника университета, 677 выпускников педвузов и 167 человек из числа прошедших курсовую подготовку [314;41;808;317]. Таким образом, на протяжении 30-х гг. XX века в крае стабильно не хватало от 5 до 9 тысяч педагогов. Лишь к концу изучаемого периода наметилась тенденция к уменьшению недостающего числа учителей. В частности, в 1941 г. в Новосибирской области недостаток в 4488 учителей заполнялся за счет 204 выпускников университета, 677 – педвузов, 940 – учительских институтов, 726 – педучилищ и 1941 выпускника различных курсов.

Формирующаяся сеть педагогических учреждений Западной Сибири с большим трудом поспевала восполнять постоянно возрастающую потребность в школьных учителях. Первые годы своей деятельности они работали в особенно сложных условиях, не получив при создании необходимого оборудования, фондов на потребности жизнеобеспечения (отопление, освещение, учебную литературу, писчую бумагу и т.п.). Недостаточность финансирования учреждений усугублялась неэффективностью их использования: ассигнования вынужденно распылялись по всей сети педтехникумов. Немалые средства, вкладываемые на ремонт учебных зданий, исключали возможность ведения капитального строительства.

В связи с этими сложностями основной крен в подготовке кадров всё более переносился на краткосрочные педагогические курсы. В развитие этого наркомпросом РСФСР предлагалось организовать сеть 4-5 месячных курсов для

учителей начальной школы для получения ими образования в объеме 7-9 классов, а также трёхмесячные курсы для учителей неполной средней школы, куда могли поступать выпускники 10-х классов [141;149]. Несмотря на значительное число учителей, прошедших такие курсы, сама система курсовой подготовки оставалась несовершенной и была не в состоянии охватить всех нуждающихся в подготовке и переподготовке учителей. Объективно поэтому происходило снижение образовательного уровня педагогического корпуса Западной Сибири. Преодолеть снижения удалось только к концу 1930-гг., кануну Великой Отечественной войны, когда впервые количество выпускников педагогических учебных заведений превысило количество выпускников краткосрочных курсов.

Не менее существенным фактором сохранявшегося острого недостатка квалифицированных специалистов для школы на всём протяжении исследуемого периода было то, что в государственной политике задачи профессиональной подготовки учительства подчас подменялись, казалось бы, аналогичным понятием «подготовка педагогических кадров», однако акцент сосредоточивался лишь на его количественной стороне, нацеленности на «ускоренные темпы». Призывы же к решительному повышению качественной стороны подготовки учителей на деле более относились к области риторики. В учебном процессе, внеучебной деятельности собственно профессиональная компонента подготовки специалистов была полностью подчинена задачам идеологической «закалки идейно зрелых бойцов культурного фронта». Как следствие этого, большинство выпускников педагогических учебных заведений слабо владели основами профессионального мастерства, не всегда успешно адаптировались в школьной среде, предопределяя тем самым их высокую сменяемость.

Таким образом, стремление власти к осуществлению «прорыва» в подготовке кадров без должного обеспечения и подготовки, в максимально сжатые сроки, вопреки объективным условиям, на деле приводило к обратному: перманентному недостатку школьных учителей. Несмотря на это в первой половине тридцатых годов в Западной Сибири была создана сеть педагогических учебных заведений,

которая, преодолевая противоречия процесса своего становления, сумела развернуть подготовку квалифицированных учительских кадров. В структуре учреждений педагогического образования Западной Сибири к лету 1941 г. состояло пять педагогических институтов, восемь учительских институтов и двадцать восемь педагогических училищ [296;247]. Сформированная система педагогического образования, сохранившаяся с небольшими изменениями вплоть до 80-х годов XX столетия, обеспечила подготовку и наполнение школ региона квалифицированными педагогическими работниками.

Тридцатые годы XX века занимают особое место в становлении сети дошкольных учреждений в Западной Сибири. Первые детские сады (площадки, очаги) в Сибири появились в начале XX века. Инициатива их открытия, как и в европейской части России, принадлежала частным лицам. Накануне Первой мировой войны их численность в сибирских губерниях составляла не более ста учреждений, действующих за счет благотворительных средств. С установлением советской власти все сохранившиеся детские дошкольные учреждения были взяты на государственное обеспечение. Новая власть исходила из того, что дошкольное воспитание должно стать важнейшим звеном в деле коммунистического преобразования общества. Цель заключалась в обеспечении общественного воспитания детей, изменения быта семьи, высвобождения женщин и их активного включения в производственную и общественно-политическую жизнь. Н.К. Крупская, один из главных идеологов концепции советского дошкольного воспитания, писала: «Дошкольное воспитание должно быть органически включено в общую систему народного образования, имеет задачей положить начало общественному воспитанию ребенка уже на первых ступенях его развития. <...> Советская власть высвобождает женщину, организует дело так, чтобы подрастающее поколение не оказалось вне коммунистического воспитания.... Если ранее в семье старшие дети присматривали за младшими, то теперь старшие учатся в школе. На помощь семье должны прийти детские сады» [315;1;298;4,9,13].

Государственными и местными органами власти предпринимались активные действия по развитию сети всевозможных воспитательных учреждений для детей младшего возраста. Вследствие быстрого роста числа дошкольных учреждений к концу 20-х гг. начал испытываться острый недостаток помещений, финансирования, не обеспечивались потребности дошкольной сети в педагогах. В целях преодоления трудностей в кадрах дошкольных воспитателей по инициативе Сибирского краевого отдела образования в 1929 г. в Новосибирске были организованы двухмесячные курсы по подготовке дошкольных работников [234;208-209]. К этому времени сеть детских учреждений Сибирского края состояла из 99 детских садов и очагов, охватывающих около 4,5 тыс. детей [84;43]. Почти 90% дошкольных учреждений находились в городской местности. На селе преобладающей формой организации общественного детского воспитания являлись сезонные детские площадки. В 1929 г. в сельской местности их было 1016, охват ими детей составлял около 45 тыс. человек.

К концу 1920-х годов процент удовлетворения потребности в детских дошкольных учреждениях в целом по РСФСР составлял около 3%, тогда как в Западной Сибири – лишь доли процента [322;1;632;2]. Из общего числа дошкольных учреждений западно-сибирского региона 56% детсадов принадлежало отделам народного образования, 34% – кооперативным и профсоюзным организациям, 10% – предприятиям наркомата путей сообщения [128;75]. В связи с развитием дошкольной сети к началу 30-х гг. недостаток работников дошкольных учреждений возрос. На 1 января 1931 г. в дошкольных учреждениях Западной Сибири работало 750 воспитателей, тогда как потребность в них составляла 1018 человек. Вакансии, 298 педагогических мест, заполнялись за счет выпускников вновь организуемых кратковременных курсов. На курсовую подготовку дошкольных работников предполагалось выделить рекордную сумму: 8882 тыс. руб. вместо 861,4 тыс. руб., выделенных в 1929/30 учебном году [153;81,83].

Принятие закона о школьном всеобуче в 1930 г. повлекло за собой необходимость усиления работы и по развитию сети учреждений общественного

дошкольного воспитания. Первоначально эта задача осуществлялась в формате Всесоюзного «дошкольного культпохода». Силами энтузиастов, комсомольцев, женщин-активисток были организованы сотни новых дошкольных площадок, «детских станов», получивших в силу их сезонного характера деятельности, общее наименование – «примитивов». Размах этого движения и первые результаты работы оказались весьма вдохновляющими. Это породило иллюзию о возможности уже в ближайшие годы и без особых вложений обеспечить силами энтузиастов охват всех детей общественными формами воспитания. В «недрах» наркомата РСФСР по просвещению в 1931 г. даже был подготовлен проект постановления Совнаркома РСФСР о введении в республике всеобщего дошкольного воспитания. Согласно этому проекту, поэтапно, уже с 1932 г., вводилось всеобщее дошкольное воспитание для «детей рабочих и трудящихся социалистического сектора сельского хозяйства страны» [311;70;1176;10], а к 1936 г. предполагалось обеспечить полный охват детей трудящихся общественным воспитанием [11;6]. Был инициирован новый дошкольный культпоход, в рамках которого развернулась активная агитация среди родителей под лозунгом: «Через детский сад – к новому быту!», установлены тесные контакты между педагогическими дошкольными учреждениями и молодыми семьями, организованы всевозможные детские праздники и детские базары, где родители получили возможность купить детские книги и игрушки [234;210].

В развёртывании сети дошкольных учреждений особое внимание обращалось в первую очередь на районы промышленного освоения и новостроек пятилетки. К середине 1931 г. сеть детских садов в Кузбассе достигла пятидесяти единиц, охват ими детей составил 3082 человека, или 13,5% от общего числа детей угольного района [14;30]. В некоторых городах края этот показатель оказался ещё выше. Обрёл широкую известность опыт успешного развития дошкольного строительства в Топкинском железнодорожном узле. Если в начале первой пятилетки в Топках существовал лишь один детский сад, то через 2,5 года – уже семь. В 1932 г. топкинскими железнодорожниками был достигнут стопроцентный охват детей

дошкольными учреждениями [317;5;446;903]. В целом по Западно-Сибирскому краю в период 1930-1933 гг. охват детей организованными формами воспитания, в том числе в «примитивах», вырос до 65% [317;1;1278;1].

Однако в последующие годы тенденция роста дошкольной сети прекратилась, и даже обозначился обратный процесс. Если в 1932 г. в Западной Сибири было намечено к строительству 14 детских садов, то, как следует из сводки о ходе школьного строительства, на 12 августа 1932 г. в крае строилось лишь два детских сада [317;5;440;119]. Если в 1933 г. детские сады посещали 39278 детей [314;35;167;61 об], то к началу 1934 г. – 38823 ребенка [322;1;1209;30], а к 1937 г. эта цифра по Западно-Сибирскому краю и Омской области сократилась до 30000 человек [311;70;1357;2]. Одной из основных причин этого стал недостаток помещений, аварийное состояние многих приспособленных для детсадов зданий. Отчасти недостаток детских садов компенсировался ростом сезонных детских площадок: к началу 1934 г. в Западной Сибири их было 4437 шт., и охватывали они 172529 детей.

В результате мер по развитию дошкольного воспитания в Западной Сибири по состоянию на 1 января 1934 г. стационарная сеть детских дошкольных учреждений насчитывала 5293 детских сада и площадок, где находилось 211352 ребенка и работало 1944 педагога [322;1;1209;30]. В период с 1937 по апрель 1941 гг. сеть детских садов Новосибирской области уменьшилась ещё на 20% [323;1;53;5,8,15,24]. Кроме вышеназванных причин это было связано с возросшими материально-финансовыми трудностями в стране, вызванными дисбалансом в реализации планов второй пятилетки.

Острые финансовые проблемы, в свою очередь, породили стремление большинства предприятий и хозяйственных ведомств переложить заботу о содержании своих детских садов на плечи и без того напряжённого местного бюджета. По этой причине многие ведомственные дошкольные учреждения часто вообще оставались без финансирования и материального содержания. Местные власти пытались как-то препятствовать этому, предпринимались меры по

пресечению разрушительных действий хозяйственников. Однако эти усилия часто оказывались малоэффективными. В 1935 г. Правительство РСФСР по-своему разрешило возникшие противоречия и споры, приняв решение о передаче всех детских садов предприятий и хозяйствующих организаций на баланс местных органов власти. Опрометчивость этого шага вскоре станет очевидной: местные бюджеты оказались совершенно не в состоянии содержать переданные детские учреждения, и уже в 1936 г. правительство республики своим решением потребовало вернуть дошкольные учреждения их прежним владельцам. В результате этих «перебросок» сеть детских садов значительно сократилась.

Существенно осложнял работу дошкольных учреждений острый недостаток педагогического персонала. Высокая ответственность и, в то же время, низкая заработная плата не способствовали привлечению молодежи в дошкольную сферу. Как и ранее, основными формами комплектования дошкольных учреждений оставались комсомольские мобилизации и выдвиженчество. Профессиональная подготовка большинства дошкольных работников ограничивалась, как правило, краткосрочными курсами или практикумами, их общеобразовательный уровень был самый низкий в числе педагогов края. В 1937 г. 1470 из подавших о себе сведения дошкольных работников Западно-Сибирского края имели следующее образование (таблица 1.) [323;1;1657;32].

Из приведённых в таблице 1 данных следует, что более половины дошкольных работников края не имели образования даже в объёме школы-семилетки, между тем, в соответствии с установленными наркомпросом требованиями, на педагогическую работу в детские сады могли быть приняты только лица, имеющие образование в объёме не ниже семи классов. Согласно таблице, более половины педагогов детских учреждений (50,7%) по образованию не соответствовали даже минимальным требованиям.

Таблица 1.

**Сведения об уровне образования педагогических работников
дошкольных учреждений Западной Сибири в 1937 г. (чел.)**

Имели образование	Высшее	Среднее специальное	Среднее общее	8 классов	7 классов	5-6 классов	4 класса	2-3 класса
Всего человек	5	154	130	87	347	379	164	204
В % к общему числу	0,3	10,5	8,8	5,9	23,6	25,7	11,1	13,9

На деле это означало, что содержание педагогической работы с детьми ограничивалось элементарным уходом за ними, без должным образом организованного педагогического процесса, т.е. по существу детские сады являли собой лишь своего рода «камеры хранения» детей. Столь необходимые знания в области дошкольной педагогики, детской психологии и физиологии оставались неизвестными для абсолютного большинства дошкольных работников. Поэтому содержание воспитательной работы с детьми ограничивалось, как правило, примитивными формами, без должного учета особенностей детского возраста, нанося тем самым немалый вред. С горечью констатируя это, М.П. Орахелашвили, начальник управления подготовки педагогических кадров наркомата РСФСР по просвещению, в выступлении перед директорами педвузов в июле 1936 г. отмечала: «В наш век – век интереса к ребенку, к созданию нового человека, который только вступает в жизнь, разве тут можно ограничиться всякими курсами и средним образованием. Нам нужно высшее образование в дошкольном деле. Нужно ребенком заниматься глубоко, всесторонне. Кто сказал, что изучать ребенка

трех-шести лет может не высокий специалист?... Дошкольники нуждаются в людях с высшим образованием» [312;1;237;15].

Первая попытка организовать подготовку дошкольных работников высшей квалификации в Западной Сибири была предпринята в 1933 г., когда Томский пединститут объявил набор на дошкольный факультет. Однако осуществить набор не удалось: к 1 сентября на новый факультет было подано лишь семь заявлений и вследствие этого открытие факультета не состоялось [312;70;1224;10]. Первый набор на дошкольный факультет в составе одной группы Томского пединститута был осуществлён только в 1935 г., затем в 1937 г., был произведён ещё один набор. Из числа принятых было сформировано две группы. С первых дней своей деятельности вновь созданный факультет испытывал немало проблем. Главные из них – недостаток научно-педагогических кадров по специальным дисциплинам и отсутствие учебной литературы. С просьбой об оказании кадровой помощи заведующая (декан) факультетом, руководство Томского педагогического института неоднократно обращались в краевой отдел народного образования, в шефствующий Ленинградский пединститут [322;1;1657;52]. Однако это не снимало проблем. В последующие годы трудности в деятельности факультета ещё более обострились в связи с увеличением плана по набору студентов, недостаток преподавателей усугублялся чрезвычайно высокой учебной загруженностью тех, кто работал на факультете. Эти обстоятельства оказались непреодолимыми. Дошкольный факультет в Томском пединституте осуществил свой единственный выпуск специалистов дошкольного воспитания (20 человек) в 1937 г., а через год, в 1938 г., по решению наркомпроса РСФСР был переведен в г. Казань.

В значительной мере потребность дошкольных учреждений в кадрах восполняла сеть действующих дошкольных отделений педагогических техникумов, а также работа краткосрочных курсов. В 1931 г. в крае действовало девять отделений педагогических техникумов по подготовке работников детских дошкольных учреждений, а по итогам Всесоюзного дошкольного культпохода 1930-1932 гг. их количество в крае возросло до двадцати, численность

обучающихся в них студентов достигла одной тысячи. Однако из-за обострившихся с начала второй пятилетки материально-финансовых трудностей в стране и последовавшей в 1933-1935 гг. реорганизацией сети педтехникумов произошло объединение либо ликвидация нескольких дошкольных отделений. В 1934 г. в Западной Сибири оставалось лишь девять дошкольных отделений с общим контингентом в 510 человек. В 1938-1939 гг. дополнительно к дневным в крупных городах региона (Новосибирске, Томске, Сталинске) были созданы вечерние педагогические дошкольные училища [323;1;43;1,5,11,15]. В них обучались, главным образом, работники городских детских садов. Однако деятельность этих учебных заведений не обеспечивала охвата сколько-нибудь значительного числа работников дошкольных учреждений. В 1940 г., например, совокупный выпуск вечерних педучилищ по Новосибирской области составил лишь 42 человека (около 1,5% общей их потребности) [314;41;808;317]. Уровень организации и подготовки оставался низким, отсеб достигал 70%, нередким явлением было второгодничество. Несмотря на вышеуказанные проблемы, к концу 30-х гг. сеть дошкольных педагогических учебных заведений относительно стабилизировалась. Но в 1940 г. вновь произошло снижение численности дошкольных отделений и количества обучающихся в них в связи с введением платного обучения.

Динамика численности сети, количества обучающихся и выпуска дневных дошкольных отделений педучилищ (техникумов) Западной Сибири в 1931-1940 гг. представлена в таблице 2. , [313;17;545;41-3439;190-204], [311;70;3439;2-41].

Из таблицы 2 следует, что в период 1931-1940 гг. контингент учащихся дошкольных отделений и число их выпускников были далеки от удовлетворения потребности в специалистах для сети учреждений дошкольного воспитания Западной Сибири. Например, в 1936/37 учебном году в Западно-Сибирском крае и Омской области на дошкольные отделения педтехникумов планировалось принять 420 человек [311;70;3565;8], однако этот план выполнен наполовину. Еще в 1935 г. Западносибирским крайисполкомом ВКП(б) из более чем 8 тыс. мест,

Таблица 2

Состояние сети дошкольных отделений педтехникумов Западной Сибири, студенческого контингента и выпуска в 1931-1940 гг.

Год	1931	1932	1934	1936	1937	1938	1940
Количество дошкольных отделений	9	20	9	6	6	5	4
Обучались в них	467	1002	510	653	633	639	497

предусмотренных для приема на заочное обучение, лишь 40 мест было зарезервировано для работников дошкольных учреждений и еще 30 – для работников детских домов. Выпускники дошкольных отделений составляли не более 10% от потребности в работниках дошкольных учреждений. Аналогичная обстановка по набору на дошкольные отделения техникумов была характерна и для других регионов РСФСР. Об этом свидетельствует, в частности, приказ наркома А.С. Бубнова по итогам приемной кампании 1935 года, где особо отмечалась неудовлетворительная работа педтехникумов РСФСР по приему на дошкольные отделения [311;70;3467;4].

Вследствие острого недостатка кадров дошкольного образования широкое развитие получила сеть краткосрочных курсов, которые открывались при педвузах и педучилищах. Активно действовали 10-месячные курсы, организованные в 1937 г. в Барнаульском педагогическом училище и 3-х месячные районные курсы на базе одной из городских школ. На курсы поступали слушатели, преимущественно девушки 17-22 лет. Учитывая специфику работы, их разделяли на две группы: сельскую и городскую. В том же 1937 г. 10-месячные курсы выпустили 16 человек из городской и 13 – из сельской групп, а лучшие выпускники поступили на дошкольное отделение Томского пединститута [234;209]. В целях повышения

уровня подготовки дошкольных работников 14 июня 1937 г. наркомпрос РСФСР направил в отделы народного образования Сибири рекомендации: «Забота о распространении педагогического опыта», где указывалось на необходимость повышения качества подготовки, изучения опыта лучших детских садов и организации обмена опытом лучших педагогов дошкольного образования.

Низкое качество подготовки специалистов дошкольных учреждений и их неспособность организовать работу с детьми часто были очевидны. В преодоление этого, например, приказом по Алтайскому краевому отделу народного образования от 27 июля 1938 г., были предприняты конкретные меры по обеспечению качественного состава дошкольных работников: предлагалось из числа выпускников 10-месячных курсов провести отбор лучших воспитателей детских садов, уже имевших педагогический опыт, и организовать для них обучение по специальной программе. Также предписывалось учебный курс завершать испытаниями на знание Конституции СССР, педагогики, дошкольной гигиены и правил первой помощи. На трёхмесячные курсы теперь могли приниматься только лица с образованием не ниже неполной средней школы. Был также расширен курс преподаваемых дисциплин, включавший в себя Конституцию СССР, гигиену и первую помощь, русский язык, дошкольную педагогику, а также практику в детском саду. Содержание курса подготовки предполагало насыщенную политическую составляющую. Слушательницам курсов в обязательном порядке включались в учебный план темы о международном положении СССР, а также «о методах вредителей, троцкистско-бухаринских агентах и мерах по выкорчёвыванию вредительства и шпионажа» [234;209].

В дошкольных учреждениях на всём протяжении исследуемого периода сохранялись недостаток и высокая сменяемость кадров. Основным источником кадрового пополнения дошкольных учреждений являлись краткосрочные курсы. В 1940 году курсовая подготовка только по Новосибирской области дала 82% от общего числа дошкольных работников, вновь прибывших на работу в детские учреждения [311;70;7052;2-4;-9481;50].

Проблемы развития дошкольного образования в исследуемый период, как правило, рассматривались в последнюю очередь, поскольку оно не входило в круг вопросов, предусмотренных законодательством об осуществлении всеобщего в стране. Это, в свою очередь, приводило к тому, что развитие дошкольной сети во второй половине 1930-х гг. было приостановлено, среди дошкольных работников сохранялся самый низкий образовательный и квалификационный уровень, что, безусловно, негативно отражалось на качестве педагогического процесса в этом звене системы воспитания и образования.

Важнейшим направлением в развитии системы педагогического образования в период 30-х гг. XX века являлись меры по организации учебно-воспитательной работы с учащимися и студентами. На основе рекомендаций Государственного ученого совета в 1931 г. была проведена единовременная модернизация учебных планов педагогических вузов и факультетов. Получила дальнейшее расширение политехническая практика студентов на предприятиях, вузы переходили от лекционных занятий к бригадно-лабораторным методам учебной деятельности. С 22 до 9-10 сокращалось число общеобразовательных предметов, увеличивалось учебное время на общественные науки и педагогическую практику. Производственная практика становилась «генеральным элементом» учебного процесса. Она организовывалась на предприятиях, в колхозах и культурно-воспитательных учреждениях, её продолжительность составляла от одного месяца на первом курсе до полного семестра на последнем. Устанавливались непрерывный учебный год, непрерывная учебная неделя, двукратные в течение года приёмы и выпуски студентов.

Уже на следующий, 1932 год, многим стало ясно, что предложенный ГУСом учебный план нуждался в существенной корректировке. Решению этой задачи послужило постановление ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах». Согласно документу, в вузах отныне утверждался принцип единоначалия, повышались полномочия и ответственность руководителей учебных заведений, кафедр, преподавательского

состава за организацию учебно-воспитательного процесса, укреплялась дисциплина, вводился единый типовой устав вуза и техникума. Вновь были пересмотрены учебные планы и программы, на изучение общенаучных и специальных предметов отводилось не менее 80-85% учебного времени. В учебных заведениях практиковался бригадно-лабораторный метод обучения, постановлением ЦИК его применение было осуждено, так как он снижал ответственность студентов за свою работу, допускал обезличку и равнение на слабых и отстающих. В аудитории вновь возвращались лекции, семинары, индивидуальные лабораторные работы и т.д. Для всех поступающих в вузы и техникумы вводились вступительные испытания. В том же году так называемые агропединституты и индустриально-педагогические институты были вновь преобразованы в единые педагогические институты с четырёхгодичным сроком обучения [177;72-73].

Важнейшие изменения, явившие начало нового этапа реформирования системы высшего образования, связаны с выходом постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» [158;427-432]. Постановление обратило внимание на сохраняющееся неудовлетворительное состояние работы по подготовке кадров в высших учебных заведениях, отмечены существенные недостатки в обеспечении научно-педагогическими кадрами, низкий уровень обучения в ряде вузов, недостаточная учебно-методическая оснащённость учебного процесса, плохая организация производственной практики и проведения приёмной кампании.

Постановление потребовало от руководящего состава наркоматов, директорского корпуса высших учебных заведений наладить работу вузов в соответствии с требованиями времени и «обеспечивающую подготовку высококвалифицированных... кадров».

Согласно постановлению, значительно расширились права директоров вузов, замещение должностей заведующих кафедрами переводилось на конкурсную основу. Вводилась жесткая регламентация в порядок приёма в вузы. Преимущество

при поступлении предоставлялось только отличникам учёбы. Устанавливалась единая дата начала учебного года – 1 сентября.

В учебных планах устранялась многопредметность, в учебном процессе повышалась роль и место самостоятельной работы студентов, отменялся текущий учёт успеваемости и устанавливались единые формы учета успеваемости: экзамены по лекционным курсам и зачеты по семинарским и практическим занятиям. Вводился единый студенческий билет и единый матриккул (зачетная книжка).

Произошедшее способствовало организационному укреплению педагогических учебных заведений Западной Сибири, оказало большое положительное воздействие на содержательную составляющую вузовской жизни. Меры по повышению ответственности преподавателей за качество знаний студентов изменили состояние успеваемости.

Введение дополнительных занятий с отстающими, установление шефства над ними помогло существенно сократить количество выбывших или оставленных на повторный год обучения в западносибирских педвузах в 1938 г. на 20% [106], [129]. В течение 1937 г. произошло заметное пополнение библиотечных фондов педагогических вузов, что следует из таблицы 3 [129311;70;9466;3].

Важное место в системе подготовки педагогических кадров в 1930-е гг. отводилось формированию системы воспитательной работы со студентами. Этому направлению придавалось особое значение, поскольку в содержании, формах воспитательной деятельности реализовывалась стратегическая цель подготовки советских педагогических кадров – человека, коммунистически убеждённого, преданного делу партии, готового к защите социалистической Родины от её внешних и внутренних врагов. Ставилась задача подготовить не только квалифицированного педагога, но и активного общественника, участника социалистического строительства.

Таблица 3.

**Библиотечный фонд педагогических учебных заведений и ТГУ
Западной Сибири (на 01.01. 1938 г.)**

Учебное заведение	Всего имеется книг (экз.)	В т.ч. учебников и уч. пособий	Поступило книг в 1937 г.	В т.ч. учебников и уч. пособий
Томский пединститут	78062	15399	14247	4529
Омский пединститут	176000	90000	41000	20000
Тюменский пединститут	56366	16304	6027	2146
Новосибирский вечерний пединститут	3686	3686	2261	2261
Барнаульский учительский	26086	9576	5594	2112
Томский госуниверситет	234800	н/св.	68100	н/св.

Условием успешности решения воспитательных задач виделось увеличение числа партийно-комсомольского актива и рабоче-крестьянской прослойки в составе студентов и учащихся.

В период 1930-х гг., несмотря на сложности организационного становления учреждений педобразования Западной Сибири, вопросы состояния воспитательной работы находились в центре внимания руководящих органов края, в первую очередь, партийных комитетов. Ставилась задача полного охвата преподавателей и студенческого состава участием в кружках политической грамотности, массовых политических, культурно-просветительских мероприятиях, направленных на утверждение в сознании людей идеологических, нравственных, патриотических и

интернациональных ценностей советского человека. Центром всей политико-воспитательной работы в учебных заведениях являлись партийные и комсомольские организации.

В числе наиболее массовых из направляемых форм внеучебной работы студентов в 1930-е гг. стала деятельность оборонно-спортивных кружков и секций. Особенно активное их развитие началось после объявления комсомолом шефства над военно-воздушным флотом СССР (1931 г.). На базе местных отделений ОСОВИАХИМ создавались аэроклубы с секциями парашютистов, лётчиков, связистов, планеристов, ворошиловских стрелков («ВС»). Студенты Томска участвовали в сборе средств для постройки самолёта «Томский хлебобоб», омское студенчество – для самолёта «Омский студент». В большинстве педагогических учебных заведений Западной Сибири военно-спортивная работа была поставлена хорошо. Так, по итогам конкурса была награждена планером первичная организация ОСОВИАХИМа Каменского педтехникума за отличные результаты военно-оборонной работы, а директора, военрука и двух студентов этого техникума наградили значками «Активист оборонной работы». Студенты техникума собрали деньги на звено самолётов и распространили билетов лотереи на 13220 рублей [322;3;107].

Томский пединститут вышел на первое место в крае по количеству «значкистов» ОСОВИАХИМА. Студенты организовали шефство над двумя городскими школами и подготовили в течение 1935-36 уч. года 17 значкистов «ВС» и 87 школьников сдали на значок ПВХО первой ступени. Куйбышевский педтехникум в 1935 г. занял первое место в городских соревнованиях по лыжам [322;1;765;13].

Важная роль в формировании мировоззрения студентов отводилась вопросам интернационального воспитания, солидарности с борющимися народами других стран. В городах, где имелись национальные педагогические техникумы, проводились вечера национальных культур, с помощью ячеек Международного общества помощи революционерам (МОПР) в учебных заведениях выпускали

стенные газеты, посвященные памятным датам (День Парижской коммуны, 1 Мая). Члены МОПР Томского пединститута собрали свыше 2 тысяч рублей в помощь испанским борцам, Омский пединститут - 2171 рубль [317;10;1950;30].

Студенты педагогических учебных заведений участвовали в массовом движении по ликвидации неграмотности и малограмотности, помогали в сборе средств в фонд всеобуча, в организации практической помощи школе (работали вожатыми, руководили кружками художественной самодеятельности, участвовали в подготовке праздников).

Важную роль выполняли издаваемые в 1933-36 гг. вузовские многотиражные газеты «Кадры для кадров» Томского и «В борьбе за педкадры» Омского педагогических институтов. Результаты всей учебной, внеучебной работы, сведения о лучших («ударниках») и отстающих, итогах массовых кампаний, задачах дня – всё размещалось на страницах многотиражек, по стилю изложения напоминающих армейский боевой листок.

Таким образом, в содержании и организации учебного процесса в педагогических учебных заведениях в период 30-х гг. XX в. происходили существенные эволюционные изменения. Они характеризовались возвращением от таких форм профессиональной подготовки, как институты народного образования, к апробированным в дооктябрьский период педагогическим техникумам и педагогическим институтам. В организации управления – от коллегиальных форм руководства – к утверждению единоначалия в вузах, в учебном процессе – от «рыхлого» расписания занятий – к жесткой его регламентации на основе единых учебных программ и продолжительности учебного года, от лабораторно-группового метода обучения – к лекциям, семинарам и практическим занятиям.

В содержании внеучебной деятельности в педвузах и техникумах закрепляется главная задача: усиление идейно-политической подготовки специалистов. Деятельность в этой сфере не избежала глубоких внутренних противоречий, выразившихся в расхождении провозглашаемых деклараций и реальности, применении методов классового подхода вместо последовательной и

целенаправленной политики консолидации народа на основе патриотизма, демократии и гуманизма.

1.3. Создание материальной основы деятельности педагогических учебных заведений

Экономическая ситуация в стране, сложившаяся к началу второй пятилетки и выразившаяся в обострении финансового кризиса и усилении инфляции, привела к резкому сокращению по сравнению с плановыми цифрами пятилетки ассигнований в социальную сферу, в том числе на народное образование. Рост платёжного дефицита местных бюджетов усугубил и без того тяжелое материальное положение учреждений педагогического образования Западной Сибири. Постоянные задержки на 3-4 месяца выдачи заработной платы и стипендий, отсутствие средств даже на мелкие расходы по содержанию учебных помещений и общежитий стали повседневной реальностью. Недостаток учебного оборудования, отсутствие керосина для освещения не позволяли упорядочить учебный процесс, а убогое состояние общежитий – обеспечить нормальный быт студентов. Основная причина такого положения заключалась в том, что неуклонное наращивание темпов по увеличению численности учащихся педтехникумов, а также количества самих учреждений, не обеспечивалось необходимым объёмом выделяемых средств на их содержание.

По сведениям из доклада заведующего сектором кадров Западно-Сибирского крайОНО З.И. Куприянова средства для педтехникумов, выделенные в 1932 г., составили 4327,3 тыс. руб., в 1933 г. – 5541,0 тыс. руб., а в 1934 г. – 5321,1 тыс. руб., что составляло в среднем четвертую часть от необходимой потребности.¹⁵⁴ Также отмечалось, что при обследовании деятельности Бердского педагогического техникума в 1933 г. выявлено, что заработная плата и стипендия не выдавалась уже третий месяц. Из-за отсутствия керосина в техникуме и общежитии нет освещения. Аналогичная обстановка сложилась и в других учебных заведениях.

Не имея собственного здания, в тяжелейших условиях работал Новосибирский педагогический техникум. Совместными усилиями наркомпроса и крайОНО удалось добиться в 1936 г. решения СНК РСФСР о передаче ему здания, занимаемого конвойным батальоном НКВД. Ранее это здание принадлежало школе-семилетке. Однако окончательное практическое разрешение данного вопроса так и затерялось в затянувшейся бесплодной переписке высоких московских ведомств, а техникум здания так и не получил [311;69;2320;17,32,94]. Также не имел собственного помещения Сталинский педтехникум. Всё это, конечно, негативно отражалось на состоянии учебного процесса и качестве подготовки педагогических кадров, приводило к большому выбытию учащихся. В целом по итогам 1932-33 учебного года из четырнадцати подавших сведения педагогических техникумов Запсибкрая выбыло, не завершив учебного года, 46% учащихся. Массовый «отсев» приводил к сокращению численности учащихся и появлению к концу учебного года так называемых «карликовых» техникумов, численность обучающихся в которых не превышала 150-180 человек. Помимо этого, учебный процесс постоянно лихорадило из-за частых увольнений преподавателей вследствие их материальной необеспеченности, вызванной отсутствием жилья и постоянными задержками заработной платы. Поэтому вслед за кампанией 1930-1931 гг. по открытию новых педагогических техникумов последовала активная волна ликвидации в 1933-1935 гг. наиболее слабых из них.

В первую очередь, ликвидации подлежали те учебные заведения, которые менее других были обеспечены необходимыми учебными помещениями, преподавательскими кадрами, базой набора, оборудованием и другими ресурсами. В соответствии с постановлением бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 4 июля 1934 г., а также указаниями наркомпроса РСФСР была прекращена деятельность Бердского, Исилькульского, Учпристанского, Змеиногорского, Косихинского, Черепановского, а в 1936 г. – Новосибирского педагогических техникумов [31;1934;13;2], [317;7;655;34]. Несколько ранее, в 1933 г., часть национальных педтехникумов, а именно: Кемеровский – чувашский, Барнаульский

– мордовский, Омский – украинский и Омский – казахский были объединены («слиты») с действующими в этих городах русскими педтехникумами [317;5;490;326]. Как отмечалось в постановлении управления подготовки учителей наркомата по просвещению РСФСР «О ходе вербовки и подготовки к новому учебному году по педтехникумам» от 11 августа 1934 г., «со значительным трудом из-за отсутствия площадей действовал Омский педтехникум, в помещениях которого до конца 1934 года располагался Институт сельскохозяйственных кадров...». Отмечалось, что «вопреки распоряжению наркома, в ЗапсибкрайОНО не состоялось открытия специального техникума по подготовке преподавателей иностранных языков, также не были открыты физкультурные отделения» [317;7;655;].

В результате мероприятий по «упорядочиванию сети» учебных заведений произошло значительное сокращение общей численности обучающихся педагогических техникумов. После объединения в 1935 г. Змеиногорского и Косихинского педтехникумов с Рубцовским, из первых двух выбыло без последующего восстановления более половины ранее обучавшихся студентов [322;1;1491;1]. Не в лучшем положении оказывались и принимающие техникумы. В них резко обострялся недостаток учебных помещений, не хватало преподавателей, мест в общежитиях, возрастали финансовые трудности. Например, в Рубцовском педтехникуме после реорганизации в среднем на одного учащегося стало приходиться по 0,78 кв. метра учебной площади при норме в семь квадратных метров [317;5;486;1]. Имущество, как и контингент учащихся ликвидируемых техникумов, передавалось в пользование близлежащих более крупных: Барнаульского, Омского, Бийского, Томского и других педтехникумов. Вследствие проведенной реорганизации, сеть средних педагогических учебных заведений в Запсибкрае к 1936 г. сократилась до 15 против 28 действовавших ранее [322;1;1638;16].

Уцелевшие техникумы, чтобы выжить, с согласия местных властей, стали обзаводиться собственным подсобным хозяйством. В отчете Томского

педтехникума на 1-е полугодие 1935/36 учебного года сообщалось, что учебному заведению принадлежал участок земли площадью 103 га, где располагалось подсобное хозяйство с жилым домом, амбаром, овощехранилищем, пригоном для скота. В подсобном хозяйстве имелось «5 лошадей и жеребенок, корова и свинья, сельскохозяйственный инвентарь состоял из 3 плугов, 2 борон, 1 сенокосилки, 1 молотилки и 1 соломорезки. Было посеяно 12,5 га овса, 5,5 га гречихи, 2 га озимой ржи, 3 га картофеля, 1 га турнепса и собран урожай: 9257 кг овса, 3860 кг гречихи, 16060 кг картофеля, 3000 кг турнепса, а также заготовлено 36 тонн сена» [322;1;1318;9].

В связи с образованием в 1934 г. Омской области как новой административно-территориальной единицы страны и возникшей дополнительной потребностью в размещении областных управленческих и административных структур, Омский педтехникум в 1935 г. был переведен в г. Тюмень и объединен там с аналогичным учебным заведением. Последний же, не имея собственного учебного помещения, «кочевал» по всему городу, успев за время своего существования (с 1930 г.) одиннадцать раз поменять свое месторасположение [311;70;3550;22]. К середине 1936 года сеть педагогических техникумов Омской области относительно стабилизировалась в составе одиннадцати учебных заведений [311;70;3565;34].

К началу 1936/37 учебного года контингент студентов педагогических техникумов по Западной Сибири в целом составил 6674 человека, т.е. произошёл его некоторый прирост, главным образом за счет расширения вечернего и заочного обучения. Все это обусловило рост в 1934-1937 гг. объёмов финансирования педагогических техникумов, совокупный бюджет которых возрос с 3075,1 тыс. до 9271,3 тыс. руб. [317;1;1638;16-20]. Однако это не обеспечивало качественных перемен. В годы второй пятилетки педтехникумы по-прежнему находились в сложных материально-финансовых условиях. Заведующий краевым отделом народного образования Н. Дворин в своей записке в наркомпрос и в президиум Запсибкрайисполкома «О возможностях приема в педтехникумы на 1936/37 учебный год» докладывал, что в педтехникумах края, в связи с недостатком жилой

площади для общежитий и отсутствием средств на их постройку, произошло сокращение жилой площади общежитий в расчете на одного студента с 5,5 кв. метров в 1934 г. до 3,3 кв. метров в 1936 г., большинство имеющихся общежитий находятся в предаварийном состоянии. Педтехникумы, организованные в начале 30-х гг. на базе школ, высших начальных училищ и т.п. в течение всех лет их существования действовали без соответствующих капиталовложений и сейчас «являются худшими по сравнению со средними школами не только по зданию, но и по учебному оборудованию, находятся в резком несоответствии с теми требованиями, которые предъявлены к педобразованию». Наркомат по просвещению в ответ на это письмо рекомендовал решать проблему нехватки помещений изысканием для этого средств в местном бюджете» [322;1;1479;4-5, 87-89].

Кампания по слиянию и «ликвидации малоэффективных учебных заведений» коснулась не только техникумов, но и педвузов Западной Сибири. В феврале 1936 г. народный комиссариат по просвещению внёс в СНК РСФСР предложение о ликвидации Тюменского педагогического и учительского институтов как «необеспечивших эффективности». Закрытие этих вузов приводило бы к резкому обострению проблем в обеспечении территории учительскими кадрами для старших классов. Лишь ценой настойчивых ходатайств руководства области этот проект не состоялся, однако угроза осуществления этих намерений наркомпроса ещё долгое время «висела» над учебным заведением. В таком же положении оказался и Колпашевский учительский институт [311;69;2225;20 об]. Намерения о возможном закрытии существенно дезорганизовывали работу вузов, сеяли тревогу среди студентов и преподавателей.

Сложной проблемой в деятельности вновь организованных в 1930-е годы педвузов Западной Сибири являлась их крайне слабая материальная база. Со времени своего основания они размещались в стеснённых приспособленных помещениях, как правило, старых и требующих ремонта. На начало 1933 г. Тюменский пединститут для проведения занятий в восьми учебных группах

располагал лишь четырьмя аудиториями, Омский – восемью аудиториями на шесть групп [311;70;9250;25]. По мере осуществления новых наборов проблема недостатка учебной площади становилась всё острее. Возможности аренды помещений были ограничены как по причине отсутствия для этого финансовых ресурсов, так и в связи с отсутствием соответствующих предложений по аренде. Переход же на двухсменные занятия был сопряжен с частыми перебоями с электроосвещением.

Особенно тяжелое положение по обеспечению учебными помещениями испытывал Томский пединститут. Он располагал учебным зданием, рассчитанным на 500 человек, фактически же в нём размещалось 1120 человек. Кроме этого, при институтах (педагогическом и учительском) постоянно действовали пятимесячные курсы повышения квалификации учителей неполных средних школ. Помимо этого, в институте обучалось около трех тысяч студентов-заочников и таким образом, на одного студента дневного отделения приходилось в среднем лишь по 1,5 кв. метра учебной площади.

Аналогичная обстановка сложилась и в Омском пединституте. Прибывшая туда в 1936 г. с проверкой комиссия наркомпроса отмечала: «Институт работает неудовлетворительно, везде теснота и грязь. Под лаборатории и кабинеты переоборудованы все вспомогательные комнаты ... Занятия проводятся в три смены, институт дополнительно арендует помещения в других учебных заведениях...» [311;69;2707;30]. Открывшийся осенью 1935 г. Новосибирский вечерний педагогический институт финансировался из средств Новосибирского горОНО, предназначенных для повышения квалификации учителей, до 1939 г. он вообще не имел своего помещения, проводил занятия в третью смену, арендуя несколько классных комнат в школах города.

До 1937 г. педагогические учебные заведения Западной Сибири не получали из госбюджета средств на капитальное строительство, очень редко выделялись деньги для проведения текущего ремонта учебных зданий и общежитий. Многие помещения, занимаемые педвузами и техникумами, были построены еще в

дореволюционный период. Учитывая острую необходимость в строительстве новых зданий для учреждений педагогического образования, Запсибкрайисполком в плане строительных работ на 1937 г. предусмотрел начать строительство новых учебных зданий. В частности, было принято решение о строительстве зданий для Мариинского, Сталинского и Куйбышевского педагогических техникумов (училищ), а также общежитий для Каменского и Колпашевского педучилищ [322;1;1668;24]. Общая сметная стоимость нового строительства составила 2130 тыс. рублей. В Омской области на 1937 г. выделено 1900 тыс. рублей на капитальное строительство зданий педучилищ [311;70;6829;205]. В том же, 1937 г., в результате настойчивых обращений местных властей удалось добиться решения Правительства РСФСР о включении в титульный список по капитальному строительству учебных зданий и общежитий для Томского и Омского педагогических институтов [322;1;1664;1].

Между тем, начавшееся в январе 1937 г. строительство общежития Томского пединститута в январе 1938 г. было остановлено из-за отсутствия средств. Выстроенные два этажа общежития и заложенный фундамент учебного корпуса были законсервированы. Осенью 1939 г. на очередное обращение Новосибирского обкома партии о продолжении строительства учебного корпуса пединститута в Томске из наркомпроса РСФСР был получен ответ, в котором сообщалось, что на 1940 г. предполагается выделить средства на завершение строительства общежития Томского пединститута. Относительно же продолжения строительства учебного корпуса указывалось, что это «не представляется возможным» [318;3;295;137]. Реальное воплощение этих, как и многих других планов, произошло не скоро: грянула Великая Отечественная война и круто поменяла все планы. Учебный корпус Томского пединститута был построен только в послевоенные годы. Начавшееся в 1937 г. строительство учебного здания Омского пединститута планировалось завершить в 1940 г. Однако по состоянию на начало 1941 г. объем строительных работ был выполнен лишь на 37,6%, т.е. было освоено 1179,3 тыс. рублей из предусмотренных 3132 тыс. рублей по смете [314;41;1468;1]. В принятом

в феврале 1941 г. постановлении СНК РСФСР «О состоянии городского хозяйства г. Омска» особо подчёркивалась необходимость завершения строительства учебного здания для вуза, однако и этот проект был реализован лишь в 50-е гг. XX века. До июня 1941 г. было завершено строительство учебных зданий лишь для Куйбышевского и Мариинского педучилищ, общежитий для студентов в Колпашеве и Камне.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

1. Реформы в сфере образования стали одной из ключевых в общей системе модернизации СССР в 1930-е гг. Комплекс реформ преследовал, прежде всего, задачу преодоления отсталости страны, в том числе и в сфере культуры, в минимальные сроки, в течение 10 лет. Столь сжатые сроки были обусловлены не только принципиальной важностью догнать развитые страны, но и необходимостью создания индустриальной и продовольственной базы, обеспечения тем самым необходимой обороноспособности. Страна остро нуждалась в инженерно-технических кадрах, развитии науки, без которых индустриализация и преодоление отсталости были немыслимы. Решить эту задачу было невозможно без введения всеобщего обучения. Сжатые сроки диктовали задачу не просто введения всеобща, но и быстрого его распространения сначала на начальную школу, а затем – на неполную и полную среднюю школу. Таким образом, образование становилось ключевым вопросом успешности социально-экономической модернизации СССР. Кроме этого, «культурная революция», как и многие реформы 30-х гг. XX века, имела своей целью обеспечение готовности нашего государства к обороне, созданию условий для успешного экономического и военного противостояния грозящему агрессору. Поэтому реализация реформ в сфере образования прямым и косвенным образом влияла на повышение обороноспособности страны.

2. Сжатые сроки осуществления всеобща приводили к большим проблемам в формировании устойчивой системы педагогического образования в СССР, в том числе и в Западной Сибири. Практически сразу же после введения всеобща обнаружилась неготовность действующей сети педтехникумов к решению поставленных задач. Для этого требовался значительный ресурс времени, направленный на постепенное наращивание необходимых условий, прежде всего финансовых, чтобы обеспечить развитие системы педобразования и тем самым

последовательно насыщать школы Западной Сибири необходимым количеством подготовленных кадров.

3. Для осуществления задачи всеобуча в установленные сроки имевшихся в бюджете региона финансовых ресурсов оказалось явно недостаточно. Под непрерывным давлением «сверху» местными партийными и государственными органами была предпринята тотальная мобилизация всех имеющихся в их распоряжении средств «на штурм всеобуча». Существенное сдерживание темпов всеобуча происходило из-за недостатка педагогических кадров. Значительно возросшую потребность в школьных учителях действующая сеть высшего и среднего педагогического образования восполнить не могла.

4. Первоначально, до введения всеобуча, решение проблемы дефицита учительских кадров виделось в нескольких плоскостях: привлечение «старых» специалистов, приглашение выпускников различных вузов страны по распределению наркомпроса, а также формирование собственных кадров из числа выдвиженцев и аспирантов. Тем не менее, уже в самом начале периода всеобуча выяснилось, что эти меры совершенно не обеспечивают потребностей. Результатом поиска решения проблемы стала попытка организации новых педагогических учреждений. Попытка открытия педвузов и новых педтехникумов «форсированным методом» приводила к тому, что педвузы и особенно педтехникумы организовывались без наличия необходимых финансовых средств и материального обеспечения.

5. Создание педагогических вузов в Западной Сибири стало важнейшим событием в истории социально-экономического развития Западной Сибири. В течение кратчайшего срока, с 1932 по 1936 гг., в основном была перестроена система работы педагогических учебных заведений, вобравших в себя лучшие достижения отечественной как дореволюционной, так и советской системы подготовки педагогических кадров. Важное значение имели такие меры как введение непрерывного учебного года и учебной недели, перевод учебных заведений на более длительный срок обучения, сокращение общего количества

учебных дисциплин в сторону повышения удельного веса специальных и социально-экономических дисциплин, педагогической практики. В итоге, к концу 30-х гг. XX века в Западной Сибири были заложены прочные основы системы педагогического образования. К концу исследуемого периода в Западной Сибири число действующих педагогических институтов достигло пяти. Вновь созданные учебные заведения явились той основой, на которой впоследствии реализовалась возможность наполнения школьных учреждений квалифицированными специалистами народного образования.

6. В период 1930-1941 гг. была значительно преобразована сеть средних педагогических учебных заведений Западной Сибири. Значительный рост их числа в 1930-1932 гг., когда педтехникумы открывались едва ли не в каждом административном районе, сменился вскоре столь же стремительным их сокращением. Ошибочность ставки на форсированное увеличение числа педагогических учреждений среднего звена была вызвана острой потребностью в учительских кадрах, ориентацией лишь на количественные показатели. Наряду с этим, очевидной была недооценка и игнорирование местной властью обеспечения необходимых условий, при которых эффективность работы учебного заведения была бы наивысшей. После проведенной в середине исследуемого периода реорганизации сети педагогических училищ их численность стабилизировалась и к началу 1941 г. на территории Западной Сибири действовало 22 средних педагогических учебных заведения.

7. Действующие педагогические учебные заведения (педвузы и педтехникумы) в исследуемый период были еще не в состоянии обеспечить все возрастающие потребности всеобуча в педагогических кадрах. В сложившихся условиях с целью обеспечения подготовки учителей для 5-7 классов была организована сеть двухгодичных учительских институтов, являвшихся своеобразным переходным звеном между педтехникумами и педвузами. В конечном итоге выявило неперспективность и ошибочность создания этого звена высшей школы.

8. Острый недостаток педагогов привела к тому, что основной формой их подготовки, дающей наибольшее количество учителей в период 1930-х гг., стали краткосрочные педагогические курсы. Именно на них легла основная задача в заполнении многочисленных учительских вакансий в начальной школе. Финансовые затраты на курсовую подготовку учителей были малоэффективны: скоротечность обучения не обеспечивала необходимого качества подготовки, а это, в конечном итоге, приводило к неспособности таких учителей к работе в школе, порождало их высокую сменяемость. В силу этого на протяжении всего исследуемого периода основную массу «учительского корпуса» составляла так называемая «педагогическая молодежь», на деле далеко не всегда ориентированная на учительскую профессию. В наиболее сложном положении оказались детские дошкольные заведения, сеть которых в 1930-е годы только начала формироваться.

9. Несмотря на все сложности и перегибы, характерные для 30-х гг. XX века, всеобщ в объёме начального образования был реализован, а численность педагогического корпуса в Западной Сибири возросла в несколько раз. Государственная политика в сфере образования, при известных её недостатках, имела широкую поддержку населения и значительную социальную опору в виде массового энтузиазма педагогов и огромного числа талантливой молодежи, для которой был открыт путь к знаниям. Именно в 30-е гг. XX века был заложен фундамент одной из лучших систем образования в мире, за счет которой советский человек победил нацистскую Германию, а через полтора десятка лет полетел в космос.

ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ НАБОРА СТУДЕНТОВ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ И ТЕХНИКУМОВ

2.1. Организация набора, социальный статус и материальное положение студентов педагогических учебных заведений

Государственная политика в области высшего и среднего педагогического образования в 30-е гг. XX века нацеливала учебные заведения на необходимость наращивания темпов подготовки кадров для удовлетворения всё возрастающей потребности в специалистах, в том числе в школьных учителях.

Планы и контрольные цифры набора по педвузам Западной Сибири устанавливались решением Совнаркома РСФСР, по педагогическим техникумам – крайисполкомом. Традиционно эти цифры формировались на основе выявления потребности в педкадрах обслуживаемого региона и объёмом произведённого набора в предшествующем году. Ни прямое, ни опосредованное участие учебных заведений в разработке контрольных цифр планового набора студентов не предполагалось. В силу этого волонтаристски устанавливаемые планы выполнить было нелегко. Приём в вузы и техникумы выполнялся с большим трудом, всевозможными издержками и фактически продолжался круглогодично.

Оценка деятельности учебных заведений определялась степенью выполнения ими доведённого плана набора студентов, устойчивости численного состава обучающихся и выпуска специалистов. В 1930-е годы эта работа осуществлялась на основе соответствующих партийных директив и ежегодно утверждаемых республиканским правительством правилами приема в вузы и техникумы. Правила регламентировали возрастной и образовательный цензы для поступающих, приоритеты в отборе лиц при зачислении в соответствии с партийными установками, а также результатами вступительных испытаний. На очные отделения педагогических техникумов принимались лица обоих полов в

возрасте 15-23 лет, в институты – 17-35 лет. Для заочных отделений предельный возраст поступающих не устанавливался.

Вопрос о возможности зачисления в учебное заведение мог рассматриваться только после тщательного изучения приемной отборочной комиссией анкетных данных абитуриентов. При условии положительного заключения комиссии разрешалась сдача вступительных испытаний. Для поступления в педагогический техникум требовалось пройти испытания по двум-трем дисциплинам школьного курса семилетки. При подаче заявления в педвуз необходимо было предоставить документ о сдаче экзаменов по русскому языку, математике, физике и обществоведению. Непосредственно в пединститутах вступительные испытания проводились только для поступающих-горожан, где располагался педвуз, остальные, как правило, большинство, экзаменовались специальными выездными вузовскими бригадами в районных центрах, в помещениях отделов образования, рабфаков либо в одной из школ-семилеток. В случае успешной сдачи испытаний поступающий лично предоставлял в приемную комиссию вуза документ (аттестат) с результатами испытаний, а также заявление о приёме и заполненную анкету.

Поскольку уровень общеобразовательной подготовки поступающих в педагогические учебные заведения был различен и, как правило, невысокий, правила предусматривали несколько вариантов пути к зачислению. Так, вступительные испытания в педтехникум обязывались проходить лишь те, кто не имел семилетнего образования. Лица, закончившие фабрично-заводские семилетки или школы крестьянской молодежи, принимались в педтехникумы без испытаний. После окончания школы второй ступени можно было сразу, без экзаменов, поступить на второй курс педтехникума, а закончившим школу второй ступени с педагогическим уклоном – на третий, выпускной, курс. В педагогические вузы без испытаний могли быть приняты все те, кто имел базовое образование: законченный рабфак, либо школу второй ступени, техникум или специальные курсы по подготовке поступления в вузы. Таким образом, при поступлении в педвуз экзаменовались лишь те из подававших заявление, кто не имел установленного

базового образования. Поскольку планы по набору, как правило, выполнялись с большим трудом, вступительные испытания проходили по упрощенной форме. Вследствие этого, в числе принятых в пединституты часто оказывались лица, совершенно не подготовленные для обучения в них. В этом случае правила предусматривали для них месячный испытательный срок и вопрос об окончательном зачислении на первый курс в этом случае разрешался не в канун первого сентября, к началу занятий, а к первому октября.

Контрольные цифры приема в педагогические учебные заведения были обусловлены не столько возможностями вуза или техникума, сколько увеличивающимися потребностями в школьных учителях. Сеть и контингенты учащихся начальных, а с 1934 года, с введением семилетнего всеобуча, и семилетних школ, постоянно возрастали, требуя все нового их пополнения педагогами. Возможности же педвузов и техникумов в этом были не велики. Ежегодный их выпуск составлял не более 20-25% от требуемого в регионе количества учителей. Считая такое положение нетерпимым, наркомпрос РСФСР директивно, не сообразуясь с возможностями, увеличивал планы набора в педагогические учебные заведения. По постановлению Запсибкрайкома ВКП(б) в 1932 г. планировалось увеличить количество вузов и втузов с 36 до 63, их контингенты – с 22 тыс. до 119 тыс. человек, а ежегодные выпуски – до 24 тыс. человек [318;2;6;181]. Отчетные данные о плановых и реальных контингентах, приеме на первый курс в педагогические институты в Западно-Сибирском крае и Омской области за 1932-1934 гг. свидетельствовали о провале их выполнения. Так, в 1932 г. в педвузы края было принято 654 студента вместо 1014 по плану, т.е. 65%, в 1933 г. – 498 человек вместо 1095, т.е. 45%, а в 1934 г. – 555 человек вместо 1303, т.е. 42% от плана. Соответственно, в учительских институтах реальный прием в 1934 г. составил 231 человек вместо 305, т.е. 76% от плана [311;70;6829;140-180].

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 27 февраля 1935 г. «О строительстве школ в городах и о приеме в высшие педагогические учебные заведения» предусматривало увеличение в течение 1935-1937 гг. контингентов

учащихся в педвузах с 22 до 36 тыс. чел., а в учительских институтах – с 22 до 25 тыс. человек [61;303-306]. Однако, если в 1935 году в педагогических и учительских институтах Западной Сибири обучалось 2778 человек, то в 1936 г. численность упала до 1922 человека [227;1936;14].

Для осуществления приема были созданы вербовочные группы или бригады, производилась рассылка писем, листовок, организовывались агитационные акции в школах региона; за осуществлением приемной кампании в отдельных местностях наблюдали специально создаваемые комиссии [312;2;228;2].

Помимо трудностей, вызванных недостаточностью базы набора, низким уровнем подготовки поступающих, усилия по выполнению установленных цифр набора наталкивались на несостоятельность учебно-материальной базы педучреждений. Вследствие недостатка учебной площади в педвузах и техникумах царил теснота, прочно внедрились двух, а иногда и трехсменные занятия. Робкие попытки директоров вузов и техникумов добиться снижения плановых заданий по приему решительно пресекались. Так, например, в августе 1936 г. за попытку самостоятельно сократить набор в учебные заведения директорам Томских пединститута, педтехникума и мединститута постановлением бюро Запсибкрайкома ВКП(б) были объявлены выговоры [317;1;642;2 об]. При этом не принималось во внимание то обстоятельство, что даже без учета нового набора в этих учебных заведениях в среднем на одного учащегося приходилось по 2,1-3 и 5 квадратных метров учебной площади на одного студента, при установленной норме в семь.

О состоянии выполнения заданий по приёму на дневные отделения педагогических учебных заведений Западной Сибири в 1936 и в 1939 г. информирует таблица 4 (данные по состоянию на начало учебного года) [312;2;2282], [312;1;341;29].

Процент выполнения доведенных заданий по приему по отдельным педагогическим учебным заведениям очень различался. Наиболее полно, даже с

Таблица 4

Сведения о выполнении педагогическими учебными заведениями Западной Сибири планов по набору студентов в 1936, 1939 гг.

Год	По пединститутам			По учительским институтам			По педтехникумам		
	План	факт	% вып.	план	факт	% вып.	План	Факт	% вып.
1936	460	408	88,7	570	279	53,6	2620	2517	96,0
1939	680	549	80,8	580	524	90,4	3640	3210	88,2

перевыполнением, осуществлялись планы Томскими пединститутом и техникумами. В то же время фактический прием студентов в Тюмени, как правило, не превышал 60% от доведенных контрольных цифр. Последнее во многом было обусловлено слабой сетью общеобразовательных школ и отсутствием необходимой базы набора.

Таким образом, для педагогических институтов 30-х гг. XX века была характерна неустойчивость студенческого контингента. В большинстве педвузов Западной Сибири сохранялось устойчивое невыполнение плановых цифр приема. Аналогичным образом складывались приемные кампании в учительских институтах, с оговоркой, что планы приема оказывались там ещё выше, чем в педагогических вузах. Это было вызвано низкими требованиями и большей доступностью учительских институтов. Для педтехникумов были характерны аналогичные проблемы, что и для высших педагогических учреждений.

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX века приоритетной задачей государственной политики в области профессионального образования являлось формирование рабоче-крестьянского ядра учебных учреждений и «чистке» студенческого состава от «враждебных элементов».

В работе по комплектованию состава студентов и учащихся педагогических вузов и техникумов Западной Сибири существенной помехой была неразвитость сети школьного образования, не обеспечивавшей подготовку достаточного количества потенциальных абитуриентов. Существенную роль в этом могли бы сыграть рабфаки, однако таковых к началу тридцатых годов при педвузах Западно-Сибирского края не было. Поэтому в практике организации набора педагогических вузов и техникумов нашли широкое применение такие методы как комсомольские мобилизации на учёбу, вербовки, выдвиженчество. Первая комсомольская мобилизация в педагогические учебные заведения Западной Сибири была осуществлена осенью 1930 г. по инициативе крайкома ВЛКСМ, однако она не принесла желаемых результатов: из 2000 комсомольцев, мобилизованных в педучреждения, реально прибыло лишь 495 человек [116;65]. Одновременно с этим, партийными организациями осуществлена очередная мобилизация на педагогическую учебу так называемых парттысячников [87;1930;6;9]. Впоследствии, по мере снижения среднего возраста поступающих, преобладающая роль в комплектовании учреждений педобразования стала принадлежать комсомольским организациям. В июле 1935 г. ЦК ВЛКСМ был объявлен «сталинский набор» в педагогические и медицинские вузы, к которому подключились и местные комсомольские организации. Аналогичный комсомольский набор в педучреждения Западной Сибири был объявлен в мае 1936 г. [322;1;645;2]. К 1937/38 учебному году члены ВЛКСМ составляли около четверти всех педагогов страны [116;65]. В последующие годы партийные и комсомольские мобилизации постепенно прекращаются.

Характерной чертой процесса комплектования педагогических учебных заведений в 1930-е годы и центральной темой в ходе приёмной кампании в вузы и техникумы была социально-партийная принадлежность поступающих. Постановление ЦК ВКП (б) от 8 марта 1929 г. «О подготовке преподавателей в педвузах и педтехникумах и переподготовке учителей» предписывало формировать студенческий состав педвузов и техникумов из среды рабочих и

батраков, при этом до 60% этой категории учащихся должно быть обеспечено государственными стипендиями[61;62-63]. Другое постановление ЦК ВКП(б) от 12 апреля 1929 г. «Об укомплектовании педагогических вузов» требовало «добиться в предстоящую приемную кампанию повышения удельного веса рабоче-крестьянской группы в педвузах до 65%, а в педтехникумах – до 80%». Постановлением предписывалось обеспечить привлечение в техникумы крестьянской бедноты, ее доля в средних специальных учебных заведениях должна составлять не менее 10%. Устойчивость «рабоче-крестьянского ядра» в студенчестве должна была поддерживаться повышенными стипендиями за счет местных органов народного образования. Поскольку выходцы из беднейших слоев населения часто оказывались не готовыми к обучению, для них с 1930 г. вводились краткосрочные (3-4 месячные) и длительные (6-10 месячные) подготовительные курсы для подготовки к поступлению. В дополнение к этому постановлением ЦК ВКП (б) от 16 мая 1930 г. «О перестройке работы рабфаков» предусматривалось расширение сети рабфаков для пролетарской молодежи за счет сокращения вечерней формы обучения и организация рабфаков с педагогическим уклоном при педвузах[61;76-77].

Не столько фактор знаниевый, сколько факторы социального происхождения и партийной принадлежности определяли возможность стать студентом. Это явление исходило из известного тезиса об обострении классовой борьбы по мере успехов в строительстве социализма. Даже в начале двадцатых годов, сразу после гражданской войны, фактор социально-партийной принадлежности поступающих не играл столь значимой роли, каким он стал к концу двадцатых – началу тридцатых годов. Выходцы из среды так называемых «классово чуждых элементов», т.е. из семей священников, офицеров, дооктябрьской интеллигенции, зажиточных крестьян поступать в вузы не имели права. Их кандидатуры отклонялись сразу, на этапе рассмотрения анкеты. Проявления «классового подхода» имели место и в процессе обучения, сопровождавшегося периодическими перепроверками документов, «чистками» студенческого контингента от

«враждебных элементов» т.е. от представителей непролетарских слоев населения. Отбор в учебные заведения приобретал вид своеобразной социальной «селекции», при которой фактор качества знаний поступающих играл второстепенную значимость, нежели фактор социального происхождения и партийной принадлежности.

Неравность условий становилась очевидной уже на стадии подачи заявления и получения разрешения на сдачу экзаменов. Позиция приемных комиссий, обусловленная соответствующими инструкциями, была ориентирована на соблюдение классовых приоритетов, в противовес академической готовности поступающего. В связи с этим было нередки случаи приёма в число студентов выходцев из рабоче-крестьянской среды, не выдержавших вступительных испытаний. Важнейший принцип приема в вузы и техникумы по способностям и уровню знаний грубо игнорировался. В результате такого «отбора» искусственно затруднялось получение образования для молодежи из непролетарской среды, в первую очередь, интеллигенции, нанося огромный вред делу формирования высокоинтеллектуального кадрового потенциала страны. Вместе с тем, эта политика открывала реальный доступ к образованию молодому поколению из рабоче-крестьянской среды и тем самым расширяла социальную базу формирования советской интеллигенции.

Естественное желание непролетарской молодежи поступить в учебное заведение нередко толкало их на сокрытие своего истинного социального происхождения, а порой и своей подлинной фамилии. Когда же факты подлога каким-то образом обнаруживались, то в отношении виновников с огромной силой обрушивался шквал публичных «разоблачений», а вслед за этим – новая волна перепроверок анкетных данных и новых разоблачений. Эти явления порождали в студенческой среде нездоровую обстановку «архи-бдительности», доноительства, подозрительности друг к другу, чувства страха быть обвинёнными в чём-либо запретном.

Одновременно с пролетаризацией студенчества проводились «чистки» студенческих рядов от «классово враждебных элементов». На это прямо обращалось внимание в циркулярном письме начальника главпрофобра наркомпроса РСФСР А. Вышинского заведующим краевыми, областными отделами народного образования, ректорам вузов и заведующим рабфаками (декабрь 1929 г.). Кампания «по чистке» должна проводиться, говорилось в письме, как по материалам, имеющимся в учебных заведениях, так и по тем, которые могли быть получены извне, причем «к разбору» принимались и «заявления от отдельных рабочих и крестьян, а также сообщения местных партийных, профсоюзных и советских организаций» [322;1;1083;2]. Таким образом давался старт систематическим «чисткам» студенческого корпуса, когда в качестве доказательства могли приниматься устные, письменные доносы и анонимные письма.

Несмотря на принимаемые меры, формирование пролетарского ядра в учебных заведениях происходило достаточно медленно. Например, при зачислении студентов педагогического факультета Томского университета в 1930 г. было принято 149 человек, из них: 57 рабочих, 25 крестьян-единоличников, 66 служащих и 1 «прочий». В ВКП(б) состояло 25 человек, в ВЛКСМ – 62 [311;70;9241;53]. Общее число принятых составило 62 % от плана [314;28;329;23]. При этом, из 149 человек лишь 38% студентов можно было отнести к «пролетарскому ядру», «совслужащие» составили 44%. Большую долю приёма составили крестьяне-единоличники, которые попадали под термин «классово-чуждые элементы». В результате, исходя из установок «классового подхода», педагогический факультет Томского университета был в значительной мере «засорен» выходцами из непролетарских слоев. Единственным «достижением» являлась сравнительно высокая доля членов ВКП(б) и ВЛКСМ, составившая 58% от общего числа студентов, что объясняется проводившейся мобилизационной кампанией среди коммунистов и комсомольцев на педагогическую работу [326;1;1879;25]. Как следует из приведенных данных, значительную долю студенческого корпуса

составляли дети советских служащих, т.е. лиц, составлявших основу интеллектуального потенциала Советской России. Именно для них, главным образом, предназначались «чистки». Предполагаемое высвобождение мест в результате «отсева» подлежало заполнению выходцами из числа рабочих и крестьян. Одновременно планировалось повысить количество членов ВКП(б) и ВЛКСМ, поскольку к концу 1929 г. их доля составляла не более 30% от общего числа студентов.

Осуществляемая в начале 30-х гг. XX века политика разрешения проблемы недостатка педагогических кадров «методом штурмов» натолкнулась на неспособность педучреждений к подготовке востребованного числа педагогов, отчасти связанную с непрестижностью учительской профессии среди рабочей и крестьянской молодежи.

В связи с неудовлетворительными результатами первых приемных кампаний, государственная политика в вопросе комплектования студенческого корпуса становится более жесткой. В письме наркомпроса РСФСР директорам педвузов и заведующим краевыми отделами народного образования от 25 февраля 1931 г. потребовано принять в педагогические учебные заведения в ближайший учебный год 8 тыс. батраков, колхозников, сельскохозяйственных и совхозных рабочих [322;1;1144;22]. В конце мая 1931 г. секретариат Запсибкрайкома ВКП (б) принял постановление «О готовности вузов и техникумов к осеннему набору», в котором обязывал довести в педагогических учебных заведениях набор студентов из числа рабочих и крестьян в вузах до 70%, а в техникумах – до 83% [326;1;153;48]. Соответственно общая численность учащихся в вузах, педтехникумах и на педкурсах должна была возрасти до 1840 человек [153;81]. За выполнением этого плана должен был следить особый орган: созданная по решению Томского горкома ВКП(б) в сентябре 1931 г. комиссия по комплектованию пединститутов и техникумов [326;1;153;48-49].

В целях выполнения плана приема большое место в агитационной работе стало придаваться вербовочным мероприятиям. Летом 1931 г. в учебных

заведениях, районных отделах народного образования из числа студентов, комсомольских активистов были созданы вербовочные бригады, задачей которых являлось проведение агитационной и разъяснительной работы в целях привлечения молодежи на учебу в педагогические учебные заведения. Члены этих бригад выезжали на места, выступали в местной печати, радио, распространяли листовки. Однако обеспечивать набор планового числа студентов в учебные заведения удавалось крайне редко. Это, в свою очередь, сдерживало подготовку необходимого количества специалистов для школ. Недостаток подготовленной для поступления в вузы и техникумы молодежи усугублялся требованиями при отборе абитуриентов по социальному признаку.

Открывшемуся 1931 г. Томскому педагогическому институту был установлен план приема в 240 человек [317;5;466;14]. Однако было принято лишь 210 человек, в том числе 70 – по партийно-комсомольской мобилизации или путем вербовки [317;4;355;6]. Среди зачисленных преобладали учителя со стажем, партийно-комсомольские работники, т.е. немолодые люди, часто не имевшие среднего образования, а также «командированные» члены ВКП(б), так называемые «парттысячники». По существу, первые годы Томский пединститут работал как учреждение по повышению квалификации учителей и партийно-комсомольских работников, призванных на педагогическую службу. Неудивительно в связи с этим, что средний возраст студентов, как и доля членов ВКП (б) и ВЛКСМ, были довольно велики. По состоянию на 1 января 1932 г. в Томском пединституте членами ВКП(б) были 16% учащихся, членами ВЛКСМ – 44%, беспартийными – 40% [317;6;678;40].

Нереальность и невыполнимость планов по формированию рабоче-крестьянского ядра педвузов, связанная ко всему прочему с падением образовательного уровня студентов, стала очевидной сначала на местном, а затем и на государственном уровне. В мае 1932 г. бюро Томского горкома, обсудив вопрос «О весеннем наборе студентов в высшие и средние учебные заведения», констатировало, что значительная часть студентов была принята через «свободный

набор», в результате чего не выполнялась норма по рабочей прослойке [326;1;292;139]. Очевидно, что значительное число педучреждений Томска, как и других областей Западной Сибири, были не в состоянии выполнить планы приема и производили значительную часть набора студентов из «непролетарских слоев».

По решению секретариата крайкома ВКП(б) от 1 февраля 1932 г. в Западной Сибири был организован и проведен общественный смотр высших и средних учебных заведений. В результате было проверено 11 учебных заведений. Отмечая в целом здоровую общественно-политическую обстановку, комиссия в ходе смотра вскрыла целый ряд недостатков в постановке учебной работы в Томском пединституте. В вузе отсутствовала систематическая «проверка авангардной роли коммунистов и комсомольцев в учебе. Имеются большие промахи в работе со студентами: весной 1932 г. была премирована большая группа студентов института как ударников, а через несколько дней они были исключены из списка как лже-ударники» [317;6;678;9-12].

Учитывая сложности при отборе абитуриентов по социальному признаку, Западносибирский крайком ВКП(б) вынужден был своим постановлением от 4 июня 1932 г. снизить норматив приема рабочих в педагогические и медицинские вузы края с 50 до 40%, а долю представителей «трудового крестьянства и батрачества» с 30 до 20%. Для техникумов было установлено снижение нормативов социального соотношения при зачислении: детей рабочих и батраков – не менее 50%; детей колхозников, крестьян-бедняков и середняков – не менее 35% [317;5;490;459].

Между тем и эти скорректированные требования оказывались трудно выполнимыми. Если к началу учебного года это процентное соотношение было близко к установленным нормативам, то к концу учебного года в результате «отсева» неуспевающих студентов, проведения дополнительных наборов, оно изменялось в сторону сокращения «пролетарского ядра». Организованные в 1932-1934 гг. для активизации набора в вузы рабочие факультеты при Томском, Омском

педагогических и Барнаульском учительском институтах не обеспечивали подготовки требуемого социального состава абитуриентов для педвузов.

Проблема формирования «пролетарского ядра» среди студентов педвузов являлась постоянным предметом заботы партийных и местных органов власти. Эта проблема обсуждалась 8 августа 1933 г. на бюро Томского горкома ВКП(б), которое обязало парторганизации пересмотреть состав допущенных к экзаменам абитуриентов и также состав приемных комиссий, укрепив их «ответственными людьми». Председатель приемной комиссии вуза подлежал утверждению на бюро горкома партии [317;1;366;57-58].

Аналогичным образом в начале 30-х гг. XX века проходила реализация «классового подхода» в педтехникумах, которые должны были стать источником массовой подготовки учителей для школ края. Как и в педвузах, в средних педагогических учебных заведениях не соблюдалась установленная норма для лиц рабоче-крестьянского происхождения. Так, в материалах по обследованию Тарского педтехникума, проходившего по поручению райкома ВКП (б) с 9 февраля по 20 марта 1932 г., отмечалась сильная «засоренность» его ученического состава: из 161 учащегося в педтехникуме обучалось 6 рабочих, 56 бедняков, 5 детей кулаков и зажиточных крестьян, 7 кустарей и 9 прочих, не установлено социальное положение у 18 человек [317;5;486;10]. Из этого следует, что в комплектовании средних и высших педучреждений наблюдалась определенная закономерность: если в педвузы стремились попасть, главным образом, представители совслужащих, то в педтехникумы, говоря дореволюционным языком, «разночинцы» – представители середнячества, зажиточных крестьян, ремесленники, кустари.

В целом по Западной Сибири к 1934 г. всего в педтехникумах обучалось 5145 учащихся, в том числе 1163 рабочих (22,6%), 2419 колхозников и их детей (47,0%), 828 единоличников (16,1%), 644 служащих (12,5%) и 91 прочих лиц (1,8%). По партийной принадлежности среди учащихся имелось 27 членов ВКП(б) (0,5%) и 1902 комсомольца (37,1%) [317;7;655;39].

В постановлении «О состоянии педтехникумов в крае» от 4 июня 1934 г. Запсибкрайкома ВКП(б) говорилось о неудовлетворительном проведении приемных кампаний и сокращении численности общего числа студентов за последние 3 года. Отмечалась также «засоренность» студенческого состава педтехникумов, особенно национальных, «классово чуждыми элементами», следствием чего стали контрреволюционные настроения части учащихся. Борьба с «враждебными проявлениями» выделена в постановлении особым пунктом, отмечалось, что «в Каменском педтехникуме обнаружена контрреволюционная группа, распространявшая листовки, в Черепановском и Барнаульском педтехникумах выявлены группы антисоветски настроенных студентов, в Немецком педтехникуме длительное время имели случаи половой распущенности и классово-враждебных выступлений отдельных преподавателей и студентов. Во всех этих попытках контрреволюционных вылазок активными участниками оказались отдельные комсомольцы» [317;1;563;5]. С выражением тревоги приводились факты националистических проявлений среди студентов, слабого качества учебной работы, а также отсутствия учебной литературы на национальных языках.

В связи с этим Запсибкрайком ВКП(б) предложил провести «чистку» студенческого состава национальных педтехникумов, аналогичную той, что ранее была проведена в русскоязычных педучреждениях, а также потребовал проведения систематических обменов опытом с русскоязычными педтехникумами [317;7;655;33], [317;1;563;5].

Данные об изменении социального состава учащихся педучилищ в период 1934-1937 гг. приведены в таблице 5 [322;1;1638;16-20].

Как следует из таблицы, в течение 1934-1937 гг. в педтехникумах Западной Сибири стабильное положение занимает рабоче-крестьянское ядро, из которого набиралось 86-88% всех учащихся. При этом, рабочая прослойка в педтехникумах в 1934-1937 гг. не достигала даже четверти состава учащихся. Абсолютное их

Таблица 5.

**Состав студентов западносибирских педтехникумов по социальному происхождению и партийности в 1934-1937гг.
(данные на начало учебного года)**

Социальная группа	1934 г.		1935 г.		1936 г.		1937 г.	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Всего учащихся	2 997	100	3 198	100	3 702	100	4 60	100
В т. ч. рабочих и их детей	581	19,4	562	17,6	718	19,4	1 049	22,8
Колхозников и их детей	1 454	48,5	1 760	55,0	2 157	58,3	2 871	62,4
Крестьян-единоличников и их детей	532	17,7	384	12,0	306	8,3		
Служащих и их детей	373	12,4	453	14,2	458	12,4	561	12,2
Прочих	57	1,9	39	1,2	63	1,7	119	2,6
Членов ВКП(б)	21	0,7	7	0,2	2	0	-	-
Членов ВЛКСМ	1 203	40,1	820	25,6	581	15,7	1 117	24,3

большинство составляли выходцы из крестьянской среды, что было характерно в целом для социальной структуры населения Западной Сибири. Доля крестьян-единоличников постепенно снижалось, в 1937 г. они уже не выделяются в отдельную категорию, а доля представителей беднейших слоев из числа рабочих и колхозников – растет.

Несмотря на декларативное провозглашение в 1935 г. равенства условий для поступления в учебные заведения для всех категорий молодежи, приток в учебные

заведения выходцев из т.н. «непролетарских» слоёв продолжал искусственно сдерживаться. На эти порочные явления неоднократно обращали внимание Центрального Комитета ВКП(б) некоторые руководители наркомпроса. В стремлении преодолеть дискриминацию при приеме в учебные заведения по социальному признаку Н.К. Крупская писала в 1934 г. в ЦК партии: «Наша школа не средневековая. Она ведь классовая, а не сословная, когда всё решает происхождение. Ведь мы не за происхождение оцениваем, а за то дело, которое нужно рабочему классу. Выбрасывать из школы лишь за то, что отец или дед был псаломщик – ведь это несообразность» [315;12;102;33]. Принцип «классового подхода» при комплектовании состава учащихся вузов и техникумов сохранялся в качестве официального государственного требования до середины 30-х гг., а на деле же – существенно дольше.

Таким образом, в годы первой пятилетки государственная власть создавала условия для пополнения педагогических учебных заведений учащимися из беднейших слоев населения. Упор на подготовку учителей из рабоче-крестьянской среды являлся также мерой вовлечения их в образовательный процесс с необходимым повышением их собственного культурно-образовательного уровня. Особая роль при этом отводилась партийно-комсомольским ячейкам, получавшим значительную свободу действий, вплоть до отчисления неугодных студентов.

Заметной тенденцией 1934-1937 гг. стало снижение с 16 до 12% доли учащихся из состава служащих, тогда как доля лиц из числа «прочих» стабильно составляла около 2% студентов. Членами ВКП(б) среди студентов были единицы, а к 1937 г. их не стало вообще. Численность комсомольцев в течение 1934-1936 гг. снизилась более чем вдвое и лишь в 1937 г. почти достигла уровня 1934 г.

Аналогичные изменения наблюдались и среди студентов педвузов. Так, в Томском пединституте в начале второй пятилетки партийно-комсомольское ядро института составляло 56,4%, а в конце пятилетки – 37,8% [317;9;1050;2,66]. Еще меньшую долю составляло партийно-комсомольское ядро в учительских институтах: в Барнаульском учительском институте из 326 студентов численность

членов ВКП(б) и ВЛКСМ составляла 72 человека, т.е. всего 22% от всех учащихся. Вполне вероятно, что сокращение доли представителей политических организаций в педучреждениях Западной Сибири было связано с прекращением в 1935-1936 гг. практики массовых мобилизаций и вербовок лиц из числа коммунистов и комсомольцев. В известной мере это повлияло и на снижение среднего возраста поступающих, в 1936 г. он составил по педтехникумам края примерно 17 лет против 22 лет в 1931 г.

К 1936 г. в педагогических вузах Западной Сибири студенческий состав относительно стабилизировался, социальная структура вновь принятых обучающихся к началу 1937-38 учебного года представлена в таблице 6 [311;70;3618;31]. Доля выходцев из рабочей среды среди поступивших в педвузы в 1937 г. составляла несколько менее 30%. В их число вошли, в основном, выпускники рабфаков и техникумов. Основную долю, около 45%, составили представители из семей служащих. Возрастание доли последних во многом было связано с увеличением плана приема в педвузы и невозможностью в связи с этим соблюдения квоты приема из среды рабочих и крестьян. Около четверти общего числа принятых в состав студентов являлись членами ВЛКСМ, членов партии теперь уже единицы – следствие прекращения партийных вербовок. Сравнительно высокой сохранялась партийная прослойка лишь в вечерних пединститутах, где она доходила по отдельным вузам до 26% от общего числа принятых на первый курс.

К концу исследуемого периода социальный состав студенчества постепенно меняется, всё большую долю стали составлять представители среды служащих. Например, из числа поступивших в ходе приемной кампании 1937/38 учебного года в педвузы Западной Сибири 577 человек 179 являлись представителями из рабочих, 90 – колхозников, 3 – крестьян-единоличников, 250 – служащих и 35 – прочие, т.е. 44% обучающихся были из служащих. Всего в четыре учительских

Таблица 6.

**Социально-партийный состав студентов
западносибирских педвузов на начало 1937-38 учебного года**

Институт	Всего принято	В том числе в процентах							
		Женщ ин	Рабоч их	Колх озник ов	едино лични ков	служи щих	проч их	Чле нов ВК П(б)	Членов ВЛКСМ
Дневные пединституты:									
Томский	307	60,6	30,3	17,9	-	43,0	8,8	0,6	36,2
Омский	204	50,0	31,9	14,7	-	49,5	3,9	0,5	23,5
Тюменский	46	26,1	45,6	10,9	1,5	37,0	-	-	28,3
Вечерние пединституты:									
Томский	Приема не проводилось								
Омский	46	52,2	-	-	-	100		26,1	8,7
Тюменский	Приема не проводилось								
Новосибирский	61	49,2	6,6	2,2	-	90,2	2,2	6,5	24,6
Учительские институты:									
Томский	148	43,2	21,6	20,9	-	46,6	10,8	3,4	25,0
Барнаульский	198	45,4	14,6	36,9	6,1	42,4	-	-	22,7
Омский	115	55,6	27,8	41,7	0,9	29,6	-	-	17,4
Тюменский	106	52,8	24,5	15,1	17,9	41,5	0,9	0,9	21,7

института (Томский, Барнаульский, Омский и Тюменский) поступило 567 человек, в том числе 119 рабочих, 168 колхозников, 32 крестьянина-единоличника, 231 (41%) служащих и 17 «прочих» лиц [311;70;3618;16]. Рабоче-крестьянское ядро педвузов и учительских институтов составляло чуть менее половины общего числа студентов. Произошло значительное увеличение общего контингента студентов и одновременно сокращение рабоче-крестьянской прослойки и увеличение доли

представителей служащих. Так, если в 1935/36 учебном году в Барнаульском учительском институте рабоче-крестьянская прослойка составляла 73%, то в 1936/37 учебном году – лишь 38,6%. В Томском педагогическом институте в 1936/37 учебном году доля лиц из беднейших слоев составляла 57,8%, тогда как доля служащих увеличилась вдвое по сравнению с 1934/35 учебным годом и составила 42,2% [317;9;1050;89], [326;1;534;57].

Таким образом, к концу 30-х гг. XX века соотношение по социальной принадлежности среди студенческого контингента пришло в соответствие с соотношением, характерным периоду до введения ограничительных мер по социально-классовой принадлежности. Сложившаяся пропорция между «пролетарским ядром» и долей студентов из служащих сохранялось вплоть до конца исследуемого периода.

Существенное значение в обеспечении планомерного и качественного набора в педагогические учебные заведения имело наличие необходимой базы набора, т.е. подготовленных для поступления в педвузы и техникумы юношей и девушек. Изначально существование таких нетрадиционных для высшей школы форм, как подготовительные курсы и рабфаки, объяснялось их временностью, сохранявшейся до тех пор, пока не окрепла общеобразовательная школа. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. определяло задачу укрепления школы с тем, чтобы обеспечить «для техникумов и для высшей школы вполне гармоничных людей, хорошо владеющих основами наук» и усвоивших «точно очерченный круг систематизированных знаний» [158;157-158].

Задания по «командированию» молодёжи на учёбу в западно-сибирские педагогические учебные заведения ежегодно доводились для каждого района и утверждались крайкомом ВКП(б). «Мобилизационная работа» на учительскую профессию проводилась практически круглогодично. Однако эта мера часто оказывалась малоэффективной вследствие отсутствия на местах категории людей с соответствующей подготовкой. Так, на требование по командированию на учёбу секретарь Кочковского райкома партии в докладной записке в крайком ВКП(б) в

августе 1935 г. писал: «Мы не в состоянии выполнить развёрстку по направлению в пединститут. Для поступления в него требуется образование в объеме педтехникума или десятилетки. У нас в районе есть люди с таким образованием только среди учительства, но мы имеем в районе большой дефицит в учительском составе»[317;9;1089;95]. Такое положение складывалось и для большинства высших педагогических учебных заведений страны. В письме председателя ЦК Союза работников просвещения В.Н. Колотилова в СНК СССР от 10 сентября 1934 г. указывалось, что на 1 августа 1934 г. в ряде педагогических институтов недобор колебался от 40 до 60% от плана [314;33;910;37].

Недостаток подготовленной для поступления в учебные заведения молодежи вынуждал педвузы и техникумы принимать и тех, кто не имел соответствующего базового образования. Выпускники подготовительных курсов, как правило, не имели среднего образования, но, получив справки об окончании курсов, фактически получали возможность для поступления в вуз. Так, в ходе приемной кампании 1932/33 учебного года в педтехникумы Западной Сибири было принято 3817 человек, из которых 380 человек (9,95%) закончили школу I ступени, 288 человек (7,5%) – школу II ступени. Основную же массу принятых студентов, 1727 человек (45,2%), составляли лица, имевшие образование в объёме 5-6 классов. Еще 722 человека (18,91%) составляли выпускники курсов подготовки, а 700 человек (18,3%) – не указали своего образования. Лишь 10% абитуриентов педтехникумов имели семилетнее образование, с шестилетним образованием поступило 37,5%, 25,7% имели образование в объёме 5 классов, а 26,2% окончили только подготовительные курсы[281;64]. При этом были значительные отличия в образовательном уровне учащихся среди педтехникумов различных местностей. Если в крупных из них относительно высокий образовательный уровень был достигнут уже к 1934 г., то в Каинском педтехникуме к этому времени не имели семилетнего образования 57% учащихся, а в Сталинском – 50% [317;6;764;367-369.] В Томском русском педтехникуме в 1934 г. из общего числа абитуриентов 30 человек имели 3-4 класса образования, были случаи поступления лиц, окончивших

только ликбез [317;1;563;31-31об.]. Постановлением бюро Запсибкрайкома ВКП (б) от 4 июня 1934 г. «О состоянии и работе педагогических техникумов края» в педтехникумы был запрещен прием лиц, не имеющих неполного среднего образования, а в связи с выявлением фактов перевода на следующий курс и выпуска малограмотных и неграмотных студентов крайОНО получило право привлекать директоров к дисциплинарной ответственности. Срок обучения в национальных педтехникумах с 1934/35 учебного года увеличивался до 3,5 – 4 лет, а для подготовки к поступлению во всех национальных педтехникумах были организованы 1-2 годичные подготовительные отделения [317;7;655;33], [317;1;563;5], [322;1;1212;1].

В докладе крайОНО по итогам работы педтехникумов Западносибирского края в 1935/36 учебном году отмечалось, что решения государственной власти по поддержке и поощрению учительства вызвали заметный приток молодежи в педагогическую сферу. Если ранее в педтехникумы принимались практически все выпускники средних школ, то теперь на 2350 мест в 15 педтехникумов края было подано 6 тыс. заявлений выпускников 7 классов и допущено к экзаменам 5152 человека. С учетом этого, план набора в 2100 человек, установленный СНК РСФСР, постановлением президиума крайисполкома был увеличен до 2320 человек. Вновь принятый контингент, несмотря на некоторые улучшения его качественного состава, далеко не полностью соответствовал требованиям правил приема в педтехникумы, в результате чего на первом курсе повторялась программа 7 класса [322;1;1313;1-4]. В итоге из числа принятых в педтехникумы края в 1936 г. начальное образование имели 11,8% учащихся, 5-6 классов – 35,0%, 7 классов – 34,4%, окончили подготовительные курсы – 19,3% [202]. Таким образом, более 60% поступивших в западносибирские педтехникумы не имели должного образования или, по крайней мере, были сомнения в наличии у них такового.

До середины 30-х гг. XX века подготовка поступающих в педагогические техникумы оставалась чрезвычайно низкой. Требование по выполнению установленного задания по приему вступило в противоречие с категорическим

предписанием о запрете приёма в педтехникумы лиц с низким образовательным уровнем. В результате в число учащихся педтехникумов нередко зачислялись лица, не выдержавшие испытания по ряду предметов, в т.ч. по русскому языку и математике.

Между тем отмечалась и положительная динамика по увеличению примерно на четверть доли абитуриентов, поступавших с семилетним образованием. Уровень образования учащихся отдельных педтехникумов уже в середине 30-х гг. XX века соответствовал требуемой норме. Так, в 1935 г. в Томском русском педтехникуме 70,7% студентов имели семиклассное образование и лишь 21,5% учащихся – уровень образования ниже неполной средней школы [322;1;1318;14].

В первой половине 30-х гг. XX века средние школы оставались не в состоянии обеспечивать полной потребности в реализации контрольных цифр набора в высшие и средние учебные заведения. Даже в 1937 г., когда школьная сеть значительно окрепла, совокупный выпуск из десятых классов школ Алтайского края, Новосибирской и Омской областей составил 3,5 тыс. человек. Общий же план набора в вузы этих территорий составил 5,1 тыс. человек [311;70;6845;2], [311;70;6873;10]. Если принять во внимание, что далеко не все выпускники средних школ планировали своё поступление в вузы, то, очевидно, что для обеспечения планового набора необходимо было привлекать дополнительные источники пополнения абитуриентского контингента. Таковыми явились выпускники рабфаков, подготовительных курсов, а также часть выпускников техникумов. Соотношение источников комплектования педагогических институтов Западной Сибири в 1937 г. можно проследить в таблице 7 [311;70;3618;36]. Из приведённой таблицы следует, что к 1937 г. почти половина общего набора в пединституты Западной Сибири прибывала из средних школ. Существенное значение сохраняли рабфаки, давая треть набора, а в Тюмени – половину. Курсовая подготовка уже большой роли не играла. Несколько иная картина в 1937 г. была представлена в учительских институтах (таблица 8.) [311;70;3618;49].

Таблица 7.

**Источники комплектования студенческого состава
западно-сибирских педвузов в 1937 г.**

Педагогический институт	Всего поступило студентов	Имели образование							
		Средняя школа		Рабфак		Техникум		Курсы подготовки	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Томский	307	196	63,8	62	20,2	37	12,0	12	4,0
Омский	204	65	31,9	85	41,7	30	14,6	24	11,8
Тюменский	46	16	34,8	23	50,0	3	6,5	4	8,7
ВСЕГО	557	277	49,7	170	30,5	70	12,6	40	7,2

Таблица 8.

**Источники комплектования студенческого состава первых курсов
учительских институтов Западной Сибири в 1937 г.**

Учительский институт	Всего поступило студентов	Имели подготовку							
		Средняя школа		Рабфак		Техникум		Курсы подготовки	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Томский	148	70	47,3	37	25,0	27	18,2	14	9,5
Барнаульский	198	69	34,8	29	14,6	14	7,1	86	43,4
Омский	115	36	31,3	48	41,7	25	21,7	6	5,2
Тюменский	106	11	10,4	54	50,9	18	17,0	23	21,7
ИТОГО	567	186	32,8	168	29,6	84	14,8	129	22,8

Учительским институтам доставалось из числа выпускников средних школ менее трети от общего набора, значительная часть их студенческого контингента продолжала формироваться за счет курсов подготовки к поступлению в вузы. В докладной записке директора Барнаульского учительского института А.П. Юферова в президиум Западносибирского крайисполкома о подготовке института к 1936/37 учебному году отмечалось, что из 200 абитуриентов лишь 15 человек окончили десятилетнюю школу, остальные имели 9 классов и окончили курсы по подготовке для поступления в вуз [322;1;1479;112]. В отдельных территориях, таких как Томск и Омск, где школьная сеть была более развита, доля принятых после курсов оказывалась значительно меньше. Таким образом, по мере развития и укрепления сети общеобразовательных школ в крае в числе принятых в педагогические учебные заведения возрастала доля выпускников школ. В 1940 г. в числе зачисленных на первый курс учащихся педучилищ 92% являлись выпускниками школ-семилеток. В педагогические институты после окончания средних школ поступили 81% от общего числа принятых [311;70;3618;49].

Эти результаты по-прежнему не приводили к разрешению главной проблемы: обеспечения подготовки достаточного числа квалифицированных учительских кадров. Во второй половине 30-х гг. через систему рабфаков, подготовительных курсов получили реальный доступ в высшие и средние специальные учебные заведения представители беднейших слоёв населения, в своей массе слабо подготовленные, что существенно снижало общий образовательный уровень студенчества. Это, в свою очередь, отражалось и на качестве подготовки специалистов.

19 сентября 1932 г. вышло в печати постановление ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах», по которому вводился новый принцип комплектования студенческого состава вузов и техникумов по результатам вступительных экзаменов. Правилами приема в вуз предполагалась сдача вступительных экзаменов по курсу полной средней школы, а при приеме в техникум – сдавались экзамены за курс школы-семилетки. Определяющее

значение приобретала академическая подготовка будущих педагогов, за которую теперь всецело отвечало руководство вуза/ техникума. В связи с этим несколько снижалась роль партийно-комсомольских и иных студенческих организаций, чья компетенция теперь переходила в сферу идеологической подготовки будущих педагогов. Одновременно с этим прекращались практика мобилизаций и досрочных выпусков студентов [61;77-89].

В завершенном виде новая система приема студентов появилась после опубликования постановления ЦИК и СНК СССР от 29 декабря 1935 г. «О приеме в высшие учебные заведения и техникумы», оно предусматривало окончательную отмену установленных ранее ограничений при поступлении для лиц, лишенных избирательных прав и нетрудящихся. Новые правила давали возможность поступления в педтехникумы для всех лиц в возрасте от 15 до 35 лет, имеющих образовательный уровень в объеме неполной средней школы или 7 классов средней школы. Единым критерием при отборе становилось количество набранных баллов на вступительных испытаниях. Без экзаменов зачислялись лица, имевшие отличные отметки за курс неполной средней школы или 7 классов средней школы [204]. Порядок нового приема получил законченную редакцию в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой». С этого времени в вузы могли поступать все граждане в возрасте от 17 до 35 лет, имеющие аттестат об окончании полной средней школы и сдавшие вступительные экзамены по русскому языку, грамматике, литературе, политграмоте, математике, физике, химии, а с 1937 года – по иностранному языку. Медалисты принимались в вуз без вступительных экзаменов. Устанавливались единые по всей стране сроки приема: с 20 июня по 1 августа – прием документов, с 1 по 20 августа – вступительные экзамены и с 21 по 25 августа – зачисление в вуз. Организация приема возлагалась на приемные комиссии в составе заместителя директора по учебной части, деканов и двух профессоров. Этот порядок был несколько уточнен постановлением ЦК ВКП (б) от 11 июля 1940 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения», где

устанавливался перечень вступительных экзаменов в зависимости от избранной специальности подготовки [61;107-109].

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. также указывало, что в погоне за выполнением установленных контингентов приема в ряде учебных заведений были снижены требования, в результате чего в состав студентов попадали малограмотные и случайные лица. Следует отметить, что несмотря на официальный запрет, практика предоставления льгот при поступлении лицам рабоче-крестьянского происхождения продолжилась и в последующие годы, правда, теперь уже негласно. В период 1930-х гг. государственная политика в сфере педагогического образования пыталась реализовать две взаимоисключающие задачи: масштабное пополнение учительского корпуса при сохранении его достаточного образовательного уровня, а, с другой стороны – обеспечение пролетарского наполнения вузов и техникумов, исключая фактор базовой подготовки.

Дальнейшее увеличение приема на очные отделения учебных заведений встретило с объективными трудностями. В связи с этим к концу 30-х гг. XX века в государственной политике стал заметен крен на развитие системы вечернего и заочного образования. Постановление СНК СССР от 29 августа 1938 г. «О высшем заочном обучении», фактически приравнивало эту форму обучения к очной, заочники получали дипломы единого установленного образца. Конкретные меры по поддержке и развитию системы вечернего и заочного обучения были изложены в постановлении СНК СССР от 18 февраля 1941 г. «О предоставлении учащимся вечерних и заочных высших и средних учебных заведений отпуска без сохранения заработной платы по месту работы для сдачи зачетов и экзаменов».

Основным показателем эффективности проводимых реформ являлось количество выпускаемых специалистов. Так, за 1933-1941 гг. Томский пединститут выдал дипломы 2037 учителям [256;13], Омский пединститут за 1936-1941 гг. – 1468 [181;7], Тюменский пединститут – 913 [260;7]. Свой вклад в подготовку

педагогов внёс Томский университет, в котором за 1928-1937 гг. Было подготовлено 1270 учителей [311;70;6808;2].

В целом, если за период 1930-1937 гг. дневное отделение педвузов Западной Сибири окончило 699 человек, то к 1939 г. университеты и педагогические институты Сибири и Дальнего Востока выпускали 1631 учителя-предметника в год, а учительские институты – 1683 [139;226]. Ежегодное число выпускников педтехникумов составляло от 500 до 1500 человек. К началу 40-х гг. XX века выпускники педтехникумов Западной Сибири были в состоянии заполнить возникающие учительские вакансии на 20-25%. Это обстоятельство обуславливало сохранение массовой курсовой подготовки учителей.

Обострившаяся к концу 30-х годов международная обстановка, связанная с нагнетанием военных приготовлений фашистской Германии и милитаристской Японии, потребовала принятия мер по укреплению обороноспособности страны, в том числе перераспределения бюджетных средств в пользу нужд обороны. Постановлением СНК СССР от 2 октября 1940 г. «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначения стипендий» в стране вводилась платность обучения. Эта мера вводилась в большинстве (кроме военных) высших и средних специальных учебных заведений, а также в старших классах средних школ. Размер платы, осуществляемый ежегодно в сентябре и январе, дифференцировался в зависимости от доходов семьи учащегося и был относительно невелик. Для учащихся 8-10 классов школ, и педтехникумов, кроме Москвы и Ленинграда, она составляла около 150 рублей в год. Студенты высших учебных заведений должны были платить примерно 300 рублей в год. Плата за заочное обучение взималась в половинном размере [158;176-177]. Несмотря на небольшую величину оплаты, эта мера существенно отразилась на материальном положении студенчества и учащихся и оказалась под силу далеко не всем. Существенно ограничивались возможности продолжения обучения представителей беднейших слоев населения.

Таким образом, в первой половине 30-х гг. XX века значительную роль в комплектовании студенческого корпуса высших педагогических учебных заведений Западной Сибири играл классовый подход, который позволил привлечь в педагогику часть лиц из беднейших социальных слоев, а также членов ВКП(б) и ВЛКСМ. Подобный метод восполнения дефицита учительских кадров характеризовался «штурмовщиной», а также значительными планами приема, не учитывающими фактора материально-технической обеспеченности учебной деятельности. Результатом стало довольно быстрое достижение предельных возможностей педагогических учреждений в организации подготовки кадров. С середины 30-х гг. XX века, в связи с введением единого подхода при поступлении в вузы – через систему приёмных экзаменов – происходит перераспределение абитуриентов по уровню знаний между педвузами и учительскими институтами, а также уменьшение доли рабочих и крестьян в пользу служащих. Большие выпуски студентов в педвузах и учительских институтах имели место только со второй половины 30-х гг. XX века. Общее число выпускников высших учебных заведений Западной Сибири оказалось явно недостаточным для заполнения учительских вакансий в крае.

Важное значение в деле руководства высшей школой имело создание в мае 1936 г. отраслевого союзного ведомства: Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ). Под его руководством была налажена координация в сфере определения контрольных цифр набора, направления в сибирские вузы молодых аспирантов, издания учебной литературы и т.п. ВКВШ принадлежит инициатива создания документов по систематизации деятельности учреждений высшего и среднего образования. Проект постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» рождался усилиями сотрудников ВКВШ. Политика в комплектовании студенческого состава учебных заведений была вновь обращена к дореволюционной модели приема на основе вступительных экзаменов.

Взяв за основу лучшие традиции отечественной школы, руководство страны выстроило единую вертикаль образовательной системы в педагогических учреждениях. К концу 30-х – началу 1940-х гг. система подготовки педагогических кадров получает новое развитие за счёт активизации вечернего и заочного обучения. К началу 1940-х гг. была выстроена новая система педагогического образования, заложены фундаментальные основы средней специальной и высшей педагогической школы, выработанные на базе опыта её строительства в 30-е годы и лучших традиций отечественной дореволюционной школы.

Как известно, важное значение в деле привлечения молодежи в педагогические учебные заведения имеет социальный статус, степень авторитетности, престижности в обществе профессии учителя. Опубликованные в печати социологические обследования, проведенные в 1934 г., позволяют проследить мотивы, которыми руководствовались поступающие в педагогические техникумы страны. Из 163 опрошенных 80 чел. ответили, что оказались учащимися педагогического техникума случайно, об этом ранее не помышляли, прибыли по мобилизации или без особого желания. Большинство из опрошенных в числе негативных сторон обучения в педтехникуме отметили очень низкую стипендию, значительно меньшую, чем в других хозяйственных техникумах, а также низкую зарплату учителя [238;30-37].

В противовес педагогическим техникумам, романтика овладения новой техникой, активного включения в процесс индустриального освоения страны, поощряемая официальной пропагандой, влекли наиболее подготовленную часть молодежи в технические учебные заведения. Многие юноши, даже те, кто заканчивал школы второй ступени с педуклоном, не желали идти в пединституты. Уже в конце 20-х гг. XX века количественное соотношение лиц женского и мужского пола среди педагогического корпуса склонялось в сторону первых, а к концу 30-х – началу 40-х гг. тенденция к феминизации преподавательского состава стала характерной и для педвузов, и для училищ.

К числу причин невысокой престижности учительской профессии, а, следовательно, и трудностей, возникающих при организации набора в педвузы и техникумы, являлась низкая материальная обеспеченность учительства. Фактически социальный статус учителя оказывался даже ниже, чем он был в царской России. По этому поводу заместитель наркома по просвещению РСФСР И.И. Ходоровский в докладной записке в Совнарком РСФСР писал: «В дореволюционной России учителю за годовой час жалование не опускалось ниже 150 рублей, сейчас же за годовой час мы платим 30-41 рубль... Педагог, от которого мы сегодня требуем высшее образование, зарабатывает не только гораздо меньше прожиточного минимума, но гораздо ниже оплаты труда тех категорий работников, от которых ничего, кроме удовлетворительной грамотности не требуется... Размер стипендии учащихся учительских семинарий в 1914 г. равнялся 100-150 рублей в месяц, т.е. нынешних 250-375 рублей. В настоящее время она раз в десять меньше ... Нужна большая любовь к педагогике, чтобы при таких условиях работать, имея в перспективе нищенское положение в роли преподавателя в школе» [311;69;1270;6,8,9]. Это было сказано в 1928 г., но и к началу 30-х гг. XX века положение существенно не изменилось. В 1934 г. средняя зарплата учителя составляла 95-115 рублей. В то же время у ветеринарного техника она равнялась 128-153 рублям, у техника-животновода – 190-230, а у электротехника – 250-300 рублям [314;33;910;37,114]. Столь очевидная разница в оплате труда учительства и хозяйственных специалистов приводила к перманентному недобору в педагогические учебные заведения, вынужденному снижению требований, всякого рода попустительствам в организации учебного процесса, оценке знаний учащихся и, в конечном итоге, снижалось качество подготовки педагогических кадров.

Важным фактором формирования и стабилизации студенческого состава являлось стипендиальное обеспечение. Оно было призвано стимулировать успешное обучение и обеспечить помощь учащимся в преодолении материальных трудностей студенческой жизни. Последнее было особенно важным в преодолении

тяжелых условий 30-х годов, когда стипендия оказывалась главным, а порой и единственным источником жизненного обеспечения студентов.

В период до 1932 г. стипендия обучающимся назначалась в соответствии с их материальным положением и социальным происхождением и выдавалась независимо от успеваемости. Охват ею составлял примерно половину от общего числа студентов, причем, по данным на 1928 г., около 40% студентов получали стипендию в размере 10-15 руб., и 60% – в размере 20-25 руб. в месяц [311;69;1270;9]. Кроме этого, особое стипендиальное обеспечение устанавливалось для так называемых парттысячников, т.е. лиц, направленных на обучение от партийных организаций. Размер их стипендиального пособия был почти в два раза выше, чем у остальных студентов. Базовая же стипендия, составлявшая в начале 30-х гг. 25-35 рублей, не обеспечивала даже минимально необходимых студенческих потребностей. Поэтому характерный для первой половины тридцатых годов большой отсев студентов, или, как его тогда называли, «дезертирство», было, как правило, связано с материальной необеспеченностью учащихся. Массовое выбытие, особенно из педтехникумов, доходившее до 50-60%, приводило к тому, что некоторые из них из-за «отсева» в течение нескольких лет не могли выпустить ни одного подготовленного специалиста.

В июле 1932 г. ЦИК и СНК СССР утвердили новый порядок стипендиального обеспечения в стране. В соответствии с разработанной на его основе инструкцией наркомпроса РСФСР, размер стипендии увеличивался и устанавливался в зависимости от академической успеваемости и года обучения. Стипендиальный фонд учебному заведению доводился в объеме, обеспечивающим этим социальным пособием до 70% обучающихся. В соответствии с указанным правительственным постановлением размер стипендии в вузах в 1933 г. был доведён до 55 рублей для первокурсников, а для студентов четвертого, выпускного, курса до 95, для ударников – соответственно 65 и 115 рублей. В техникумах «вилка» размера стипендии устанавливалась в интервале от 40 до 55 рублей, повышенная – от 50 до 70 рублей [31;1933;11;12-14]. Директорам учебных заведений предоставлялось

право самостоятельно перераспределять стипендиальный фонд и распространять его на большее, чем 70% количество учащихся, т.е. дробить размер стипендии.

Учитывая это, а также сложившееся тяжелое материальное положение абсолютного большинства учащихся, в западносибирских педагогических учебных заведениях установилась практика, когда общий стипендиальный фонд перераспределялся, т.е. делился на части и тем самым охватывал всех или почти всех обучающихся. По данным Западносибирского крайОНО на октябрь 1932 г. стипендиальный фонд мог обеспечить до 55% учащихся, в то время как в стипендиальном обеспечении остро нуждалось более 75% студентов педтехникумов [317;5;440;59-61]. В 1934 г., в результате произведённого перераспределения, стипендию получали 85,2% учащихся педтехникумов. В начале 1935/36 учебного года охват стипендией достиг в них 89,9%, а к концу учебного года, в связи с отсевом, стипендия, как правило, предоставлялась всем. Размер ее составил 50 рублей в месяц [322;1;1224;15].

Аналогичная практика сложилась и в педагогических вузах. В начале 1932 г. охват стипендиями студентов Томского педвуза составлял 77,4% [317;6;678;51]. После введения нового порядка начисления стипендии ею было охвачено 75% студентов, обучавшихся на физическом, математическом и химико-биологическом факультетах. На остальных факультетах охват составил 67%. В 1935 г. получали стипендию 92% студентов педвузов, а средний размер стипендии составлял 80 рублей в месяц. В 1938/39 учебном году её размер достиг 91 рубля, а охват ею был доведен до 96% [311;70;3665;25].

Положение со стипендиальным обеспечением радикально изменилась в 1940 г. в связи с введением платы за обучение. Так, на 1 января 1941 г. из 337 студентов Тюменского педагогического института лишь 38 человек (т.е. 11%) являлись стипендиатами, а в Новосибирском педагогическом институте из 331 студента получали стипендию лишь 58 человек (17%) [311;70;8936;41]. Аналогичная картина складывалась по педагогическим училищам. На 1 января 1941 г. из 6205 учащихся педучилищ, обучавшихся в Алтайском крае, Новосибирской и Омской

областях получали стипендии 458 человек или 7,4% от общего состава [311;70;9481;18]. Размер стипендии в педвузах, несмотря на ее увеличение, оставался низким, и значительно уступал стипендиям в технических вузах, где курирующие их наркоматы находили возможность выделения для стипендиального обеспечения дополнительные средства. Более высокая стипендия стимулировала приток абитуриентов, повышала престиж подведомственных им учебных заведений.

О тяжелом материальном положении студентов педвузов свидетельствует справка об обследовании Томского пединститута в 1936 г. Согласно справке, расходы одного условного студента распределялись следующим образом: «питание в столовой – 54 руб., плата за общежитие – 7 руб., услуги санитарии – 10 руб. 75 коп., приобретение тетрадей, карандашей – 5 руб., ежемесячные взносы и участие в госзайме – 8 руб., театр (один раз в месяц) – 1,5 руб., газета – 0,9 руб., прочие расходы – 1-2 руб. Итого – 90 рублей. Фактический же размер стипендии – 71 рубль» [322;10;1091;27]. В справке отмечалось, что, экономя средства, студенты «часто отказывают себе в завтраке и ужине, из-за этого многие страдают малокровием, обнаружены очаги заболеваний туберкулезом». Еще большие, чем в педвузах, испытывались трудности учащимися педагогических техникумов. Их стипендия не могла обеспечивать даже самые скромные потребности. В постановлении президиума Каменского райисполкома 20 декабря 1932 г. об обследовании местного агропедтехникума указывалось: «Весьма безобразно обстоит дело с питанием. Кроме воды, капусты, картошки и 600 грамм хлеба студенты ничего не получают. Иногда картофель даже не чистится, а в кожуре пропускается через мясорубку и идет в варку... Из-за плохого питания многие студенты страдают малокровием, восприимчивы к болезням (туберкулез)» [317;5;486;36]. По данным Западно-Сибирского крайОНО, в 1936 г. так называемая минимальная потребительская корзина на одного учащегося педтехникума складывалась в месяц из следующего: «хлеб – 30 руб., мясорыбный обед – 37 руб.50 коп., выписка газеты – 1 руб., кино два раза в месяц – 1руб.50 коп., баня и прачечная

– 2 руб. Всего 72 рубля» [317;1;1313;17 об]. Размер же стипендии составлял даже с учетом материальной помощи всего 61 рубль. В докладной записке в крайком ВКП(б) заведующий крайОНО с сожалением констатировал о состоянии быта учащихся педтехникумов: «Меню в столовых скудное, изо дня в день повторяющееся. Завтрак: 200 гр. хлеба, постный суп или каша; обед: 200 гр. хлеба, изредка мясной суп, картофельное пюре, очень редко, раз в неделю, мясное блюдо; ужин: 200 гр. хлеба, пареная капуста или постный суп, чай» [317;2;619;57]. Приобретение продуктов питания в предприятиях торговли оказывалось задачей еще более затруднительной, поскольку высокие цены на них почти исключали такую возможность. В 1934 г., например, в государственной торговле один центнер мяса стоил 1100 – 1300 рублей, масла – 4000 руб., молока – 200 руб., овощей – 200 руб., а в кооперативно-коммерческой торговле цены были выше примерно в два-три раза [317;7;649;128].

К сожалению, в годы первых пятилеток не были использованы все возможности материального стимулирования учащихся педучреждений. Еще в 1927 г. наркомпрос РСФСР предложил обеспечивать всех студентов стипендией в размере прожиточного минимума, а также выделить сами учебные заведения в особую группу по стипендиальному обеспечению в связи с особой важностью подготовки педагогических кадров. Предлагалось также обратиться к опыту дореволюционного времени, когда студент-выпускник получал подъемные. В ходе реализации принятого по этому вопросу решения Малого СНК РСФСР от 10 августа 1927 г. «О состоянии педагогического образования» на места было дано указание обеспечить стипендией всех учителей, обучавшихся в педучреждениях и имевших стаж работы не менее 4 лет, а также увеличить стипендии на 20%. При этом студенты педтехникумов должны были обеспечиваться стипендиями на 41% в отличие от обычного, 25% охвата учащихся других техникумов [311;69;1270;104].

Действующие при педвузах и техникумах столовые и буфеты были плохо оборудованы, недоставало мебели, посуды, столовых приборов. Из-за недостатка

продуктов и их ассортимента пища была малокалорийной, а питание крайне однообразным. Это побуждало руководство учебных заведений активно заниматься самозаготовкой продуктов для улучшения обеспечения столовых. В соответствии с постановлением Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 18 декабря 1932 г. при вузах и техникумах края решено было создавать подсобные хозяйства. Учебным заведениям выделялись в пользование земельные участки, первоначально они обеспечивались семенами зерновых и овощных культур, племенным и рабочим скотом, сельхозинвентарем [317;1;366;64,66]. Первые такие хозяйства появились еще в начале 1932 г. при Ачинском и Тарском педтехникумах [317;5;486;10]. С 1933 г. педучреждения Западной Сибири начинают массово создавать самостоятельные подсобные хозяйства, что значительно повлияло на удешевление стоимости продуктов питания. В 1933 г. в педтехникумах края имелось 800 га посевов. В 1935 г., например, подсобное хозяйство Томского педтехникума составляло 103 гектара. В хозяйстве имелось 24 гектара пашни, на которых выращивались овес, гречиха, рожь, турнепс, картофель и овощи, содержалось несколько коров, свиней и других животных [322;1;1318;9]. Работу на пашне, заготовке кормов для скота и уходу за ними в основном выполняли учащиеся. Продуктивность этих хозяйств была, как правило, невысокой. При сборе урожая зерновых подчас удавалось получить продуктов лишь в объеме для засыпки семян. Несмотря на это, подсобные хозяйства оказывали ощутимое воздействие на увеличение возможностей в организации общественного питания в учебных заведениях. Произведенная собственная продукция существенно влияла на удешевление стоимости студенческого рациона, которая оказывалась в 2 раза ниже чем цены в столовых городских кооперативов.

Подсобные хозяйства имелись не только в педтехникумах, но и в педагогических вузах. В 1933 г. Томский пединститут имел земельный участок в 30 га, где на площади 10 га выращивались зерновые и на 20 га – огородные культуры. В Омском пединституте было соответственно 8 и 10, в Тюменском – 10 и 9 гектаров.

К середине 30-х годов XX века подсобные хозяйства имелись при всех педвузах и техникумах Западной Сибири, постепенно увеличивались их производственные фонды. Однако во второй половине 30-х годов заниматься подсобным хозяйством становилось все труднее. Помимо того, что приходилось часто отвлекать студентов от занятий, на вузовское производство были возложены обязанности по поставкам в государственный фонд. Низкая продуктивность подсобных хозяйств и без того не обеспечивала необходимой рентабельности, позволяющей осуществлять закупки семян, инвентаря. Постепенно, с середины 30-х годов, численность подсобных хозяйств начала сокращаться, стал распродаваться рабочий скот, инвентарь, вырученные от этого средства пускались на нужды учебно-воспитательной работы. К концу 30-х гг. XX века подсобные хозяйства уже не играли существенной роли в хозяйственной деятельности педагогических учебных заведений Западной Сибири.

Существенным препятствием в создании нормальных условий деятельности педвузов и техникумов являлась необеспеченность необходимым количеством мест в студенческих общежитиях. Помимо этого, в большинстве они были ветхи, плохо приспособлены для проживания людей. Поэтому проблема необеспеченности общежитиями была одной из наиболее болезненных в деятельности западносибирских педагогических учебных заведений.

Многочисленная переписка руководства педвузов, ссузов весь период 30-х годов изобилует жалобами, просьбами и обращениями в советские, партийные органы об оказании содействия в приобретении недостающей жилой площади для студентов и преподавателей, выселении из общежитий посторонних жильцов.

Студенческие общежития, как правило, располагались в приспособленных под жилье помещениях, бывших мещанских и крестьянских домах, реквизированных в ходе «чисток» и раскулачивания [317;7;655;40]. При предоставлении студентам общежитий также учитывался партийно-классовый фактор, согласно которому в первую очередь жильем обеспечивались члены ВКП(б) и ВЛКСМ, направленные на педагогическую учёбу «тысячники» [322;1;1083;1].

По мере увеличения ежегодного приема в учебные заведения, недостаток жилья неуклонно возрастал. Если в 1934 г. в общежитиях педтехникумов Запсибкрая на одного проживающего приходилось 5,5 квадратных метров жилой площади, то в 1935 г. этот показатель уже снизился до 3,3 при норме в 4 квадратных метра. Почти 40% нуждающихся в общежитии учащихся вынуждены были проживать на частных квартирах. В 1936 г. в Колпашевском, Рубцовском педтехникумах пришлось занять под общежитие часть учебного здания, ликвидировав при этом физкультурный зал и несколько учебных кабинетов [322;1;1479;4-5].

Необеспеченность общежитием существенно осложняла работу по набору, стабилизации студенческого коллектива педвузов и техникумов. Об этом в 1936 г. писал в докладной записке в президиум крайисполкома заведующий крайОНО: «На строительство общежитий средств не ассигновано, между тем контрольную цифру набора 2 620 человек снизить из-за отсутствия общежитий мы не можем, так как имеется огромный недостаток учителей по краю. Отсутствие жилья приведет к массовому оттоку из педтехникумов». И далее: «Реально педтехникумы смогут принять исходя из наличия жилплощади, максимум 400 человек» [322;1;1479;5].

На начало 1937/38 учебного года для удовлетворения потребности в жилье для учащихся педучилищ Западно-Сибирского края дополнительно требовалось 1 626 мест в общежитиях. Обеспечить же это было возможно лишь существенно повысив уровень материально-финансового снабжения действующих учебных заведений. Увеличение планов набора в педагогические техникумы не сопровождалось соответствующим их материальным подкреплением, в том числе увеличением количества мест в общежитиях.

Острый недостаток в жилье для студентов испытывали и педагогические вузы. В начале 1932/33 учебного года обеспеченность студентов Томского пединститута общежитием составляла лишь 39% от числа остро нуждающихся, кроме этого, в общежитии проживало 19 преподавателей педвуза [317;5;488;159]. На начало 1937 г. норма жилой площади на одного студента, проживавшего в общежитии Томского

пединститута, составляла 7,9 кв. метров, а в Омском пединституте – 6,3 кв. метров [311;70;9366;6].

Однако по мере наращивания набора студентов средняя площадь на одного проживающего значительно сократилась и фактически составляла в Томском педагогическом институте 2,7 кв. метра, в Омском – 4,5 кв. метра, в Тюменском пединституте – 5,7 кв. метра на одного проживающего [311;70;3618;54]. Предпринятая в 1936г. в Томском пединституте попытка провести «усиленный» набор студентов в педвузы привела к тому, что обеспеченность их жилой площадью в общежитиях снизилась до недопустимого уровня.

Состояние обеспеченности педвузов учебной площадью и общежитиями накануне 1938/39 учебного года проиллюстрировано в таблице 9 [312;2;450;4-5]. Из таблицы следует, что в имеющихся в распоряжении педвузов студенческих общежитиях размещалось лишь 48,5% нуждающихся. При этом плотность заселения превышала санитарные нормы. В 1938 г. в общежитиях Томского пединститута на одного проживающего приходилось 2,7 квадратных метра жилой площади [311;70;3618;54]. Жилой фонд для студентов Томского пединститута был представлен одиннадцатью деревянными домами, в каждом из которых обычно располагалось от двадцати до восьмидесяти человек. В 1939 г. всего в них проживало 525 человек, остальные 370 нуждающихся жили на частных квартирах.

Аналогичное положение было и в Омском пединституте. Здесь из 680 востребуемых мест в общежитии имелось лишь 310.

Тюменский пединститут в 1938 г. получил в аренду общежитие ветеринарного техникума и с этого времени полностью удовлетворял свои потребности для проживания студентов.

Таблица 9.

Обеспеченность учебной площадью и общежитиями западносибирских педвузов (по состоянию на 1 сентября 1938 г.)

Педагогические и учительские институты	Томск	Тюмень	Омск
План приема	450	450	360
Контингент студентов	1550	642	841
Мест в общежитии	292	175	465
Не обеспечены общежитием	600	175	215
Условия учебных занятий	В две смены	В одну смену	В две смены

В целом же по педвузам Западной Сибири к концу исследуемого периода обеспеченность общежитиями составляла около 70% от необходимой (таблица 10) [311;70;9470;21-23], [314;38;1339;59-61].

Таблица 10

Обеспеченность общежитиями в педвузах Западной Сибири на 1 января 1941 г.

Институты	Всего студентов, нуждающихся в общежитии	Из них проживали в общежитии	
		Всего	В т.ч. в арендуемых
<i>Педагогические:</i>			
Томский	720	427	91
Омский	513	359	-
Тюменский	231	209	22
Новосибирский	135	135	-
<i>Учительские:</i>			

Барнаульский	182	121	-
Бийский	284	176	-
Сталинский	315	247	247
Тобольский	173	137	-
Колпашевский	65	60	-

Пединституты, как правило, не получали фонды на оборудование жилых комнат в общежитиях, поэтому постоянно не хватало кроватей, тумбочек, мягкого инвентаря. Наиболее тяжелым было положение семейных студентов, в виду отсутствия детского сада, плата же за съём квартиры была непосильна [317;6;678;52]. Виновниками сложившейся обстановки, как правило, оказывались директора учебных заведений. Следовали наказание, снятие с должности, приема на работу другого, происходила непрерывная перетряска управленческого состава. Так необходимая работа по исправлению положения дел подменялась подчас простой бюрократической возней. Главная же, истинная причина материальных затруднений – отсутствие финансовых ресурсов, оставалась неразрешимой и потому очень живучей. В 1939 г. уполномоченный комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) в докладной записке о деятельности Томского пединститута писал: «В студенческих общежитиях холодно. В этом году горсовет не выделил институту лимитов на приобретение дров. Студенты разобрали забор вокруг общежития и используют его для отопления. Общежития еще далеко не имеют вида культурного жилья... В комнатах не видно газет. В общежитии нет комнаты для учебы и отдыха, нет прачечной для мелкой стирки, на что особенно жалуются девушки» [318;3;295;132-135].

Тяжелые материальные условия порождали соответствующее протестное состояние студентов. В постановлении президиума Каменского райисполкома от 20 декабря 1932 г. указывалось на имеющие место «политические» высказывания учащихся педтехникума: «...мы опять скатимся к капитализму», «у нас безработица», «государство не заботится о бытовом улучшении трудящихся» и

т.п.[317;5;486;36]. Имелись случаи асоциального поведения студентов, хулиганства и других негативных проявлений. В докладной записке заведующего крайОНО В.П. Теряева в крайком ВКП (б) от 1 июня 1934 г. «О состоянии педагогических техникумов в Западносибирском крае» отмечалось весьма низкое политико-моральное состояние учащихся: так, в Славгородском педтехникуме, в Барнаульском и Черепановском обнаружены «кулацкие писатели» стихов, направленных против соцсоревнования, в Каменском вскрыта «контрреволюционная группа студентов», распространявшая свои журналы и листовки [317;7;655;40-41].

Между тем, в вопросе предоставления общежитий бывали и приятные исключения. В материалах по обследованию Барнаульского педтехникума в апреле 1936 г. указывалось, что под общежитием находилось 5 домов на 307 мест. Общежития отапливались, были радиофицированы, для студентов была организована баня [317;10;1070;286]. Относительно неплохие материально-бытовые условия студентов позволили развернуть в Барнаульском педтехникуме активную культурно-массовую деятельность. Действовали кружки: музыкальный, драматический, фотографии, радио, рассказчиков, изобразительного искусства, юннатов и др. Особенно выделялись хоровой кружок, в котором участвовало 130 студентов и стрелковый, насчитывавший 100 человек.

В первой половине 30-х годов обстоятельства, связанные с тяжелым материальным положением, явились главной причиной массового выбытия учащихся из педагогических учебных заведений. В 1932 г. из западносибирских педтехникумов выбыли 31,7% от числа учащихся на начало года, в 1933 г. – 38,6%. За первый семестр 1934/35 учебного года покинули техникумы около 14% процентов учащихся. Из них выбыли по причине неуспеваемости 30%, болезни 10,3%, перевода в другие учебные заведения 7,3%, за прогулы 7,7%, по личным мотивам 44,7% [311;70;9279;82], [317;9;1089;908]

Анализ причин отсева показывает, что большинство из числа покидавших техникумы были первокурсники, возраст которых составлял 15-17 лет, когда их

адаптационные способности были еще весьма слабы. Несколько меньшим был отсев из педагогических вузов. В 1932 и 1938 годах, например, общий процент отсева из Томского, Тюменского и Омского пединститутов по данным их статотчетов составил соответственно 16,5 и 14,3% [311;70;3665;7], [311;70;9250;3]. Вероятнее всего, эти цифры не в полной мере отражают реальное положение и были гораздо выше, процент выбытия в вузовской отчетности намеренно занижался, а отсев компенсировался за счет проведения дополнительного приема, дящегося в течение всего учебного года с тем, чтобы максимально удерживать плановую численность студенческого контингента. Очень большим был отсев на первых курсах педвузов, нередко достигавший 35-50%. Для предотвращения «дезертирства» с педагогического фронта нарком по просвещению РСФСР еще 15 февраля 1934 г. потребовал взимать с учащихся, «увалившихся по неуважительным причинам», полную стоимость расходов, понесённых на их обучение [31;1934;2;6].

Значительно усугубились проблемы стабилизации студенческого состава с осени 1940 г. Введение платности обучения, снятие большинства учащихся со стипендиального обеспечения привело к массовому выбытию из педагогических учебных заведений, достигавшему порой 30-40%. Выбывали из педвузов многие студенты мужского пола в связи с отменой правительством страны в 1940 г. отсрочки прохождения срочной службы в Красной Армии в связи с обучением.

Отсев 1940/41 гг. по своему составу отличался от аналогичного процесса первой половины 30-х годов. На этот раз основную массу покидавших учебные заведения составляли учащиеся и студенты старших курсов. Многие из них к этому времени уже обзавелись семьями, жили самостоятельно. Возникшие же дополнительные материальные осложнения (отмена стипендий, плата за обучение) оказались непреодолимыми для и без того скудного студенческого бюджета. Лишь очень незначительная часть малоимущих учащихся освобождалась от уплаты за обучение. Из общего количества учащихся педучилищ Западной Сибири на начало 1941 г. только 511 человек, или 8,2% получили льготы, т.е. были освобождены от платы за обучение [311;70;9481;22].

Таким образом, тридцатые годы в деле формирования студенческого состава педагогических учебных заведений Западной Сибири явились важнейшим периодом становления с присущими ему формами работы и способами достижения цели. Резко возросшее количество педагогических учебных заведений потребовало необходимой для этого базы набора. Однако неразвитость школьной сети, а также сети рабфаков и подготовительных курсов обрекала учебные заведения на ежегодную неукомплектованность, что вынуждало снижать требования к поступающим, и, в конечном итоге, трансформировать качественную сторону подготовки специалистов.

В исследуемый период практика отбора абитуриентов при поступлении в вузы и техникумы по признаку их социального происхождения приобрела ранг государственной политики в области подготовки кадров. Дискриминационные меры в отношении лиц непролетарского происхождения нанесли огромный вред. В результате этой сегрегации страна потеряла немало потенциально талантливых людей, педагогов, которые не попали в педвузы или техникумы в силу своей принадлежности к «классово чуждым элементам». В то же время расширение возможностей поступления на обучение в педвузы и техникумы категорий населения, в дореволюционную эпоху лишенных такой возможности, создавало условия для их доступа к получению профессионального образования.

Со второй половины 30-х гг. XX века отмечается постепенный рост общеобразовательного уровня абитуриентов, а установление условий приема в вуз на основе конкурсных экзаменов открыло возможность поступления для лиц непролетарского происхождения. Все это повлияло на увеличение доли выпускников с высокой общеобразовательной подготовкой.

Организация успешного комплектования педагогических учебных заведений во многом была обусловлена их реальным общественным статусом. Он складывается из множества факторов и, в первую очередь, обусловлен степенью престижности, значимости и общественной оценкой будущей профессии. Проведенные исследования показали, что в 30-е годы многие из декларированных

лозунгов не наполнялись реальным содержанием. Педагогические институты и техникумы Западной Сибири оставались в числе наименее обеспеченных, стипендия студентов была одной из самых низких в регионе. Эти факторы отрицательно отражались на комплектовании педагогических учебных заведений, способности к их основной деятельности. Доходивший до 30-40% от общего числа обучающихся «отсев» студентов снижал до минимума эффективность работы педагогических коллективов.

В годы первых пятилеток был выработан с использованием дооктябрьского опыта порядок деятельности высших и средних специальных учебных заведений, организации образовательной деятельности, формирования студенческого контингента и других составляющих советской модели профессиональной школы. Для исследуемого периода были характерны крайне низкое материальное обеспечение и жилищно-бытовое положение студенчества, недостаток общежитий. Ситуация еще больше обострилась в начале 40-х гг. в связи с введением платности образования и сокращением стипендиального обеспечения. Несмотря на это, к началу Великой Отечественной войны органам государственной власти, учебным заведениям удалось привлечь к педагогической профессии большую категорию людей, заложив тем самым прочный фундамент системы подготовки советского учительства.

2.2. Становление преподавательских коллективов в учреждениях педагогического образования

Задача организации сети педагогических учебных заведений в Западной Сибири в 1930-е гг. не могла быть решена без обеспечения их квалифицированными преподавательскими кадрами. По мере хозяйственного освоения края возрастали потребности в соответствующих специалистах с высшим и средним профессиональным образованием. Возможности решения этой задачи в

условиях заданных темпов организации новых высших учебных заведений как технического, так и гуманитарного профиля становились всё более проблематичными. Прошедшее в 1930 г. в Новосибирске общесибирское вузовское совещание, обсудив вопрос о состоянии обеспеченности кадрами высшей школы, признало сложившееся положение неудовлетворительным. В связи с этим, было решено обратиться в народный комиссариат по просвещению РСФСР с просьбой о командировании из Москвы специалистов для высшей школы, поскольку Сибирский край, по сравнению с центральными территориями России, значительно уступал в обеспеченности научно-педагогическими кадрами.

Западная Сибирь была не единственной из регионов РСФСР, где испытывались большие трудности в обеспеченности кадрами для высшей школы. Общий недостаток профессорско-преподавательских сил ощущался и в других территориях. В 1930 г. дополнительная потребность в научно-преподавательских кадрах педвузов республики составляла 845 человек, фактически же прибыло на работу лишь 325 или 38,4 %. По данным за 1931 г., из числа профессоров педвузов работали по совместительству 62,3%. В том числе: с одним совместительством 41,8%, с двумя – 15,7%, с тремя и более совместительствами – 4,8% профессоров [180;15,21]. Наибольший недостаток испытывался в специалистах по химии, физике, политэкономии, философии, педагогике, математике и общей истории. Большое значение в подготовке кадров, особенно по общественным (социально-экономическим) дисциплинам, имела деятельность Института Красной профессуры в Москве. В целях разрешения проблем подготовки преподавательских кадров для педвузов по решению наркомпроса в Москве, а затем и в Ленинграде были созданы специальные двухгодичные высшие педагогические курсы. В 1932-1934 гг. двенадцать человек из числа выпускников этих курсов прибыли для работы в западносибирские педвузы.

Организованная в 1925 г. и получившая активное развитие на рубеже 20-30-х гг. в европейской части страны сеть аспирантур не отразилась их увеличением в вузах Западной Сибири. В них по-прежнему действовали лишь три аспирантуры: в

Томске при университете и технологическом институте и в Омске – при сельскохозяйственном. К концу 30-х гг. к ним прибавились аспирантуры индустриального, медицинского и транспортного институтов в Томске, медицинского и ветеринарного – в Омске, инженерно-строительного – в Новосибирске [312;4;615;92].

Эффективность деятельности аспирантур в стране на протяжении всего периода 1930-х гг. была невелика. Отчасти это было связано с сохранявшейся системой отбора поступающих в аспирантуру по классово-партийным приоритетам. По этой причине для обучения в аспирантуре выдвигалась действительно талантливая молодежь. Существенной помехой в развитии исследовательской деятельности и профессиональном росте преподавателей оставалась слабая экспериментальная база, низкая финансовая обеспеченность. Материальное положение аспирантов мало чем отличалось от студенческого. Постоянные заботы о «хлебе насущном», элементарном обустройстве быта отодвигали задачи самообразования на второй план. Это приводило к нарушению нормативных сроков подготовки диссертационных исследований, а нередко и к отчислению. Из 333 аспирантов, окончивших в 1937 г. обучение в аспирантурах вузов и НИИ, подведомственных наркомпросу РСФСР, своевременно представили к защите и защитили диссертации лишь 77 человек [311;70;3604;22].

Из западносибирских педагогических институтов впервые аспирантура появилась в 1940 г. в Томске. На две ее специальности, «История ВКП(б)» и «Русский язык», было принято шесть человек, двое из которых поступили на заочное отделение [312;4;615;15,29]. Дальнейшего развития сети аспирантур педвузов в крае не произошло несмотря то, что в 1940/41 учебном году аспирантуры действовали в 31 педвузе РСФСР, в них обучалось 896 человек в очных и 99 – в заочных аспирантурах [311;70;3878;268]. Более успешное развитие аспирантур педвузов европейской части России позволяло наркомпросу оказывать посильную помощь другим регионам, в том числе Западно-Сибирскому. Согласно приказу наркома по просвещению РСФСР «Об обеспечении провинциальных

педвузов профессорско-преподавательскими и руководящими кадрами» от 15 августа 1935 г. аспиранты 2-х и 3-х курсов направлялись в провинциальные педагогические и учительские институты в порядке прохождения ими ассистентской или доцентской практики, а также на замещение вакантных должностей директоров педагогических, учительских институтов и педтехникумов [227;1935;26;11]. Так, из 333 человек, окончивших аспирантуры страны в 1937 г., по распределению в учебные заведения Западной Сибири был направлен 21 выпускник, в т.ч. в Томск – 15 человек, в Тюмень – 2 человека, в Омск – 2 человека и в Барнаул – 3 человека [311;70;3604;22-24].

Большую помощь Западной Сибири в пополнении молодыми научными и преподавательскими кадрами на протяжении всего периода 30-х гг. XX века оказывали ленинградские вузы. В 1931 г. из Ленинграда прибыли на работу в сибирские вузы 27 выпускников аспирантур. В ноябре того же года г. Ленинград принял шефство над Западной Сибирью, включавшее помощь территории не только в области хозяйственного, но и культурного строительства. В 1931-1933 гг. в Томский пединститут было направлено 10 выпускников аспирантуры Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена [57;348]. Подобные переводы выпускников и аспирантов столичных учебных заведений на работу в провинциальные вузы проводились и позднее. Нередко меры по срочному командированию были вызваны репрессиями в отношении преподавателей западносибирских педвузов и техникумов. Но оказываемая помощь не покрывала даже необходимой потребности. В разрешение этой проблемы начальник управления подготовки учителей наркомпроса М.П. Орахелашвили в мае 1937 г. в записке наркому А.С. Бубнову предложила и получила поддержку по направлению лучших выпускников московских и ленинградских вузов в качестве ассистентов в провинциальные вузы. В соответствии с этим, в 1937 г. в пединституты Западной Сибири прибыли пять человек. Томский педагогический институт принял троих выпускников Московского пединститута, одна выпускница этого института была направлена в Барнаульский учительский институт для работы в должности

заместителя директора по заочному сектору, а выпускник Ленинградского института истории, философии и лингвистики был командирован в Тюменский педагогический институт [311;70;3639;28-33]. Несколько позднее в Западную Сибирь было направлено еще 22 выпускника столичных вузов [311;70;3604;24].

Кроме этого, в перефирийные педвузы также направлялись ведущие научные работники педагогического образования из европейской части России. Так, в приказе наркома по просвещению РСФСР от 15 августа 1935 г. из числа московской и ленинградской профессуры, а также преподавательского корпуса провинциальных университетов и институтов предполагалось направить на 2-3 месяца в провинциальные педвузы ведущих преподавателей для чтения лекций по основным дисциплинам [227;1935;26;11]. Конечно, эта помощь была существенной, но далеко не достаточной для того, чтобы считать сложившееся положение с кадрами удовлетворительным. Отчасти острота вопроса снижалась тем, что абсолютное большинство преподавателей высших учебных заведений Сибири работали по совместительству в нескольких учебных заведениях, снимая тем самым проблему некомплектованности преподавательскими кадрами.

В поиске путей пополнения преподавательского корпуса педагогических учебных заведений в первой половине 1930-х годов нашла активное применение такая форма комплектования кадров как выдвиженчество. В принятом Государственным ученым советом (ГУСом) в 1926 г. Положении об институте студентов-выдвиженцев подчёркивалось, что «пополнение кадров научных работников вузов невозможно без предварительного выдвижения марксистски подготовленных студентов и предоставления последним фактической возможности готовиться к научной работе» [57;347]. В соответствии с указанным Положением, для студентов последних двух курсов вузов вводилось правило, по которому наиболее способные студенты, преимущественно из рабоче-крестьянской среды, отбирались для научной работы. Им предоставлялась возможность «углубленного знакомства» с избранной научной проблемой под руководством ведущих профессоров. В конце учебного года каждый студент-

выдвиженец должен был представить в предметную комиссию доклад о проделанной работе и получить соответствующий отзыв руководителя. Положительная оценка комиссии обеспечивала возможность продолжать «углублённые занятия» в следующем году. По окончании вуза студенты-выдвиженцы получали преимущественное право для поступления в аспирантуру. Аналогичная практика была представлена в большинстве западносибирских вузов, в том числе в педагогических.

В формировании преподавательского состава вузов важное значение придавалось увеличению в их числе так называемого «партийно-комсомольского ядра». Это являлось одним из главных показателей качества преподавательских кадров. До партийных комитетов доводилась соответствующая «разверстка» по направлению коммунистов и комсомольцев на преподавательскую работу в вузы. Желаящих оказывалось не много. Об этом свидетельствуют материалы отчета Томского окружкома ВКП(б) пятой окружной партийной конференции в 1930 г.: «К величайшему нашему стыду, у нас имеются такие коммунисты и такие комсомольцы, которых чуть ли не на верёвке приходится тащить на научно-преподавательскую работу» [316;7;597;29-30]. Отбор кандидатур производился в несколько этапов. Предварительные списки студентов-выдвиженцев тщательно «прорабатывались» в общественных организациях, на студенческих собраниях, партийных комитетах, а затем представлялись на согласование в крайком партии. На этой, завершающей стадии, также производился отбор, сомнительные кандидатуры отвергались. Например, в 1932 г. из 40 представленных кандидатур выдвиженцев Томского пединститута крайком ВКП(б) утвердил лишь двадцать [327;1;4;40,52], [327;1;21;7,14]. Сформированная путём тщательного отбора группа из 26 студентов-выдвиженцев Томского университета после окончания вуза в 1932 г. была в полном составе направлена в педагогический институт для преподавательской работы.

Определенную роль в формировании преподавательского корпуса вузов играли организуемые курсы по подготовке поступления в аспирантуру, куда

принимались работники с производства. В постановлении Сибкрайкома ВКП(б) по данному вопросу (апрель 1930 г.) категорично требовалось «расширить контингент выдвиженцев и аспирантов, увязав его с вопросом о продвижении на научную работу инженеров, врачей, учителей, агрономов и т.п., проработавших уже некоторое время, разрешить вопрос о возможности сохранения за выдвиженцами хозяйственных стипендий контрактующих организаций»[316;4;42;141]. В 1932 г. рабоче-крестьянская прослойка среди выдвиженцев в Томских вузах составляла 84%, а партийно-комсомольская – 35%.

Выдвиженчество, как форма комплектования вузов научно-преподавательскими кадрами из числа пролетарской молодежи и партийных активистов, нередко встречало сопротивление «старой» профессуры. В записке о состоянии омских вузов по материалам работы бригады крайкома ВКП(б) в феврале 1932 г. отмечалось, что «оттирание научной просоветски настроенной молодежи» представителями «старой» науки сопровождалось высказываниями ряда научных работников с дореволюционным стажем, что «в СССР научные работники готовятся слишком легко и больше из коммунистов, которые могут администрировать, но не заниматься наукой, а поэтому СССР грозит научный застой». И далее: «...через три года каждый студент будет профессором. Теперь это просто, если иметь партбилет» [317;5;490;485-490].

Первые годы деятельности Томского пединститута в деле обеспечения квалифицированными преподавательскими кадрами были обусловлены тесными контактами с Томским университетом. Основные учебные дисциплины, большинство лекционных курсов вели профессора-совместители из университета. К началу 1932 г. на кафедрах Томского пединститута работали 5 профессоров, 7 доцентов, 17 преподавателей и 19 ассистентов, при этом 41% педагогов имели ученые степени. При этом, из пяти профессоров штатным являлся лишь один – Г.Т. Чуич, а кафедры возглавляли доценты или и.о. доцента [317;6;678;44].

Несмотря на принятые меры, осуществить заполнение многочисленных преподавательских вакансий, обеспечить планомерный учебный процесс и

ритмичное преподавание учебных дисциплин удавалось с большим усилием. В повседневную практику прочно внедрилось совместительство. В 1933 г. в Томском и в Омском педвузах из 73 лиц педагогического персонала состояли в штате лишь 47 (из них: профессоров – 4, доцентов – 19, ассистентов – 17, преподавателей – 7), 26 человек (35,6%) являлись совместителями. В результате с участием нештатных сотрудников в Томском пединституте обеспечивалось проведение 30% всех учебных часов, а в Омском – до 40% [317;5;490;493]. По состоянию на начало 1934 г. в трех западносибирских пединститутах: Томском, Омском и Тюменском, преподавательскую работу вели 122 человека, из них штатными являлись лишь 81 [311;70;9263;26]. Привлечение совместителей создавало массу неудобств в организации учебной деятельности, часть дисциплин, особенно предметов психолого-педагогического цикла, приходилось поручать малоквалифицированным кадрам. Это, в свою очередь, вынуждало прибегать к так называемому «внутреннему совместительству», т.е. чтению одним специалистом четырёх – пяти учебных дисциплин. Это отрицательно сказывалось на качестве преподавания, а безмерно возрастающая учебная нагрузка не позволяла в должной мере заниматься самообразованием и научно-исследовательской деятельностью, провоцировала «текучесть» преподавательского состава.

Росту и стабилизации научных сил педвузов в немалой степени препятствовали сложные жилищно-бытовые условия преподавателей, особенно из числа прибывших по направлению из Москвы и Ленинграда. Условия по их продовольственному и промтоварному снабжению, обеспечению нормальным жильём, что предусматривалось по положению о командировании, часто не выполнялись. По этой причине некоторые командированные возвращались обратно. В 1934 г., например, из педвузов Западной Сибири выбыло одиннадцать преподавателей, ранее направленных из высших учебных заведений европейской части России [228;1935;26;11].

В то же время было бы неправильно объяснять отток кадров из высших учебных заведений лишь материальными затруднениями. Как известно,

преподавательская деятельность в вузе предполагает постоянные научные контакты со специалистами-коллегами, знакомство с текущей отечественной и зарубежной литературой, изданием своих работ и т.п. Поставленные же в условия строжайшей экономии педвузы не имели возможности предоставить необходимые условия для повышения профессиональной квалификации и творческого роста своим кадрам.

Сложившийся недокомплект научно-педагогического состава вынуждал привлекать к работе в вузах лиц, не имеющих соответствующей квалификации. Из общего числа преподавателей Томского, Тюменского и Омского пединститутов в 1934 г. лишь половина имели специальную подготовку т.е. защитили диссертации, либо закончили аспирантуру и прошли курсовую подготовку или научную стажировку [311;70;9250;15]. В составе заведующих кафедрами педагогических и учительских институтов в 1935 г. наиболее укомплектованным являлся Томский педагогический институт, где из 10 заведующих кафедрами четверо имели звание профессора или и.о. профессора, трое являлись доцентами и лишь трое не имели ученых званий. Девятью кафедрами Омского педагогического института руководили 4 профессора, 2 доцента и трое лиц без ученых званий. В Тюменском пединституте имелось 3 заведующих кафедрами, которые состояли на должностях: один профессор, один преподаватель, защитивший кандидатскую диссертацию и одного, не имевшего ученой степени и звания. В Барнаульском учительском институте из 6 заведующих кафедрами лишь один имел ученое звание доцента [311;70;3568;3,9,14,20]. Таким образом, из 28 заведующих кафедрами высших педагогических учреждений Западной Сибири 9 человек имели звание профессора, 6 доцента, а остальные, почти половина, не имели ни ученых степеней, ни званий. По политической принадлежности среди заведующих кафедрами было 8 членов ВКП(б), 1 член ВЛКСМ, а остальные – беспартийные.

В таблице 11 указаны сведения об уровне научной квалификации преподавательского состава педвузов к середине 30-х гг. XX века [317;10;1092;60-61].

Таблица 11.

**Качественный состав научно-педагогических кадров педагогических и
учительского институтов Западной Сибири в 1936 г.
(по данным на начало учебного года)**

Институт	Имелось Кафедр	В них состояло в штате	В том числе			
			Профес соров	Доцен тов	Ассистен тов	Препода вателей
Томский	10	32	2	12	13	5
Омский	9	37	6	7	16	8
Тюменский	6	25	2	-	16	7
Барнаульский	6	25	-	3	13	9
ИТОГО	31	119	10	22	58	29

Из приведенной таблицы следует, что число профессоров и доцентов в пединститутах составляло немногим более четверти от общего числа штатных преподавательских кадров. Почти половина из них являлись ассистентами. Из-за недостатка кадров некоторая часть ассистентов назначалась на должности исполняющих обязанности доцентов. Из таблицы также следует, что соотношение количества штатных работников в педвузах и общего числа внештатных сотрудников колебалось примерно как 2:1, а в Томском пединституте, где возможностей для привлечения совместителей было больше, это соотношение составляло 4:3 [311;70;3568;3,9,14,20]. Для большинства преподавателей характерен низкий стаж педагогической работы в вузе. В Томском пединституте 84% состоящих в штате педагогических работников имели вузовский стаж работы до 5 лет. Это свидетельствовало о том, что в вузе шла интенсивная работа по комплектованию кадрами, главным образом, из числа своих выпускников. В этих условиях от руководства вузов требовалось уделять особое внимание вопросам профессионального становления и повышения квалификации педагогов. Между

тем, даже относительно обеспеченный научно-педагогическими кадрами Томский пединститут не мог соперничать, например, с Томским университетом, где в 1935 г. в штате состояло 30 профессоров и 71 доцент [317;9;1050;31], а в Томском пединституте ни один профессор не имел ученой степени. Недостаточная подготовка научных кадров являлась одной из причин низкого уровня преподавания некоторых учебных дисциплин в вузе, что в конечном итоге влияло на качество подготовки выпускников [317;10;1092;8-9].

В 1937 г. в педвузах Западной Сибири сложился невиданный ранее кадровый дефицит. Если до этого проблема необеспеченности преподавателями в какой-то мере разрешалась путем привлечения совместителей из других учебных заведений, то теперь такой возможности не было. Причиной этому стали развернувшиеся репрессии в отношении кадров высшей школы. Расстраивался учебный процесс, на многих кафедрах оставалось по 4-6 человек, некоторые вообще из-за малочисленности ликвидировались. В 1938 г. вузам Новосибирской области недоставало 162 профессоров, 213 доцентов, 111 ассистентов [318;2;298;120]. Аналогичное положение с обеспечением научными кадрами сложилось в целом по стране. По данным Всесоюзного Комитета по делам высшей школы к началу 1940 г. в вузах системы просвещения СССР недоставало 2777 профессоров и 11536 доцентов, что составляло 47,9% их общей потребности. Накануне 1940/41 учебного года в результате мер по перераспределению учебной нагрузки, повторной аттестации, продвижению для исполнения обязанностей профессоров и доцентов без соответствующих ученых званий часть вакантных должностей была «закрыта». Однако и после этого в вузах страны 1569 профессорских и 6501 доцентское место оставались незаполненными [312;2;369;20]. В Томском пединституте из-за недостатка преподавательских кадров в 1937/38 учебном году не проводились занятия по девяти дисциплинам, в том числе по таким важным, как педагогика, история СССР, новая история, западная литература [318;2;298;127].

Для преодоления недостатка преподавателей в педвузах управление педобразования наркомпроса вынуждено было направлять в подведомственные

учебные заведения не только выпускников аспирантур, как ранее, но и лиц без соответствующей подготовки, просто выпускников, закончивших столичные высшие учебные заведения. Большинству из них сразу же пришлось вести лекционные курсы. В 1937 г. для работы в Томском, Омском, Тюменском педагогических и в Барнаульском учительском институтах прибыли из Москвы и Ленинграда двадцать семь выпускников вузов [311;70;3639;28-30], [311;70;3604;24]. Однако эти меры не покрывали потребностей. По итогам первого семестра 1939/40 учебного года в Томском пединституте из установленных по штатному расписанию 147 преподавательских мест было занято лишь 67. В таблице 12 отражено состояние обеспеченности преподавательскими кадрами Томского пединститута, лучшего педвуза в регионе, на начало 1940 года [311;70;6983;106], [318;4;306;12].

Общую картину необеспеченности кадрами усугублял их низкий качественный состав. В Омском пединституте в 1940 г. при потребности в 94 преподавателях фактически работали 78, из них профессоров – 4, доцентов – 11, в Тюменском из 56 человек, определённых штатным расписанием, имелось лишь 38 человек преподавательского состава, из них с учеными званиями – 2 доцента [311;69;2707;65], [311;70;8936;17]. Во вновь открывшемся в 1940 г. дневном Новосибирском пединституте из 45 преподавательских единиц по штатному расписанию фактически преподавательскую работу вели 34 человека, в том числе 2 доцента, 26 старших преподавателей и 3 ассистента. В Барнаульском учительском институте работало 26 преподавателей, до полной укомплектованности штатов недоставало еще 19 человек [311;70;8936;41,59].

Таблица 12.

**Обеспеченность преподавательскими кадрами Томского пединститута
(январь 1940 г.)**

Должность	Определено по штатному расписанию (чел.)	Фактически работало (чел.)
Профессор	30	4

Доцент	72	26
Ст. преподаватель	14	43
Преподаватель	12	5
Ассистент	19	10
Всего	147	88 (штатных – 67)

Таким образом, в педвузах Западной Сибири из общей потребности в 387 штатных единиц научно-педагогического состава реально обеспечивалось лишь 262 или 67,7%. Такое положение с кадрами крайне затрудняло учебный процесс, приводило к чрезмерной перегрузке преподавателей учебными занятиями. С большим трудом вузы осуществляли подбор руководителей кафедр. Нередко эти должности занимали ассистенты. Так, в 1937 г. в Томском пединституте из 30 действовавших кафедр 10 возглавляли лица, не имевшие учёных званий [318;2;260;10]. Партийное требование «обеспечить стахановские методы работы в вузах» на деле обрело своеобразную реализацию. Так, в стремлении охватить «широкий фронт работы» директор Томского пединститута А.М. Ремов, имея полную учебную нагрузку на кафедре основ ленинизма, одновременно являлся заведующим кафедрой политэкономии другого вуза – электротехнического института инженеров транспорта. Уместно предположить, что качественно обеспечивать все три ответственных участка работы было вряд ли невозможно.

Значительную роль в деле повышения научной квалификации преподавательского состава сыграло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» от 23 июня 1936 г. Важнейшей задачей всех сотрудников кафедр, указывалось в постановлении, должна была стать «систематическая работа по повышению научной квалификации». В этом направлении вводилась конкурсная система замещения вакантных должностей, причём право участия в конкурсе на замещение должности заведующего кафедрой предоставлялось только лицам, имеющим звание профессора или ученую степень доктора наук, вакантная должность доцента

кафедры могла быть замещена лишь лицом, имеющим звание доцента, либо ученую степень кандидата наук[158;431]. Как отмечал в своих воспоминаниях Ф.Ф. Шамахов, работавший в те годы заместителем директора Томского пединститута: «... до 1936 года в нашем институте мало кто из преподавателей думал о научно-исследовательской работе. Всё внимание сосредоточивалось на учебной и общественной работе.... Теперь же постановление заставило «неостепененных» научных работников крепко задуматься. Начались усиленные поиски тем для кандидатских диссертаций» [289;215].

Росту уровня научной квалификации педагогических кадров способствовало постановление СНК РСФСР «О подготовке научных и научно-педагогических работников» от 1934 г. и СНК СССР от 20 марта 1937 г. «Об ученых степенях и званиях», которые вводили новый порядок присуждения ученых степеней и званий. До 1934 г. звание профессора присуждалось на основании имеющихся у автора печатных работ, стажа преподавательской деятельности, положительной характеристики руководства вуза и общественных организаций. Решение о присуждении профессорского звания принималось президиумом Государственного учёного совета (ГУСа), а после его упразднения в 1934 году – квалификационной комиссией наркомата по просвещению РСФСР. В том же году было установлено требование публичной защиты кандидатских и докторских диссертаций. Звание ассистента присваивалось постановлением совета вуза. Звание доцента – также постановлением совета вуза, но с обязательным утверждением этого постановления в наркомате по просвещению. Аналогичной устанавливалась процедура утверждения степени кандидата наук. Профессорское звание и ученая степень доктора наук присуждалась постановлением Высшей аттестационной комиссии ВКВШ при СНК СССР и квалификационной комиссией наркомпроса РСФСР. Все ранее присвоенные ученые степени и звания оставались в силе. В том же 1937 г. правила получения ученых степеней и званий были уточнены: для получения степени кандидата наук было необходимо окончить курс аспирантуры или сдать соответствующие испытания, а также пройти публичную

защиту диссертации. Соответственно, для получения степени доктора наук было необходимо иметь диплом кандидата наук и успешно публично защитить докторскую диссертацию. Были определены отличия между кандидатской и докторской диссертацией. Если в первой были необходимы общие теоретические знания в области данной дисциплины, специальные знания по вопросам диссертации и способность к самостоятельным научным исследованиям, то докторская диссертация являлась самостоятельной исследовательской работой, в результате которой давалось решение или теоретическое обобщение научных проблем или научно обоснованная постановка новых проблем, представлявших научный интерес. К защите докторской диссертации могли быть допущены лица, не имеющие степени кандидата наук, но известные своими трудами или носящие звание профессора. Наконец, степень доктора наук могла присуждаться без защиты диссертации лицам, имевшим выдающиеся научные труды.

Присвоение степени доктора наук осуществлялось диссертационными советами учебных заведений или научно-исследовательских институтов АН СССР. Отдельно отмечалось, что действительные члены АН СССР автоматически становились докторами наук с момента своего избрания. Присвоение степени кандидата наук производилось советом и утверждалось, аналогично, как и докторская, Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР, который имел право отмены присуждения степени. Также определялся порядок «причисления» к ученым званиям. Звание ассистента (младшего научного сотрудника) присваивалось выпускникам вузов, ведущим преподавательскую и исследовательскую работу под руководством профессоров или доцентов. Звание доцента (старшего научного сотрудника) могли получить те, кто имел степень кандидата наук, а звание профессора – доктора наук. Также на два высших звания могли претендовать высококвалифицированные специалисты с большим производственным стажем, но не имевшие ученых степеней. Звание профессора и доцента присваивалось Всероссийской аттестационной комиссией, а старшего научного сотрудника – соответствующим наркоматом или президиумом Академии

наук СССР. Для рассмотрения вопросов о присуждении ученых степеней при наркоматах создавались особые квалификационные комиссии, но вскоре постановлением СНК СССР от 26 апреля 1938 г. «Об ученых степенях и званиях» такие комиссии были упразднены и ученые степени с этого времени присуждались только Высшей аттестационной комиссией на основании решений советов вузов[61;243,244]. Устанавливалось, что кафедры в вузах могут быть организованы при наличии не менее одного состоящего в её штате профессора или двух доцентов. В практике же западносибирских педвузов это требование часто не выдерживалось. Более того, значительная часть профессоров и доцентов не были утверждены в соответствующих инстанциях, т.е. состояли в составе кафедр в качестве исполняющих обязанности. С 1937 г., по мере роста научной квалификации преподавателей педвузов, ситуация начинает постепенно меняться к лучшему.

Постановлением СНК СССР от 20 марта 1937 г. определялся перечень учебных заведений, получающих право приема кандидатских и докторских диссертаций, в их число вошел и Томский государственный университет. Ранее таким правом не обладал ни один вуз Западной Сибири. Эта мера способствовала активизации и результативности соискательской деятельности преподавателей вузов, педагоги Западной Сибири также получили возможность защиты диссертаций.

До 1937 г. в штате западносибирских педвузов не было ни одного специалиста с ученой степенью. Однако в течение четырех последующих лет (1937-1940 гг.) шесть человек успешно защитили кандидатские диссертации. В их числе Л.А. Чуич и Г.Н. Блинков из Томского, В.С. Михайличенко из Тюменского, И.А. Агафонов из Омского, А.А. Богданова из Новосибирского и Г.Т. Костылев из Барнаульского пединститутов. К началу 1940 г. в педвузах Западной Сибири работали над диссертациями сорок девять человек (около 20%) из числа преподавателей, в том числе один – над докторской [311;70;3870;152-153].

Таким образом, отсутствие достаточного числа подготовленных кадров, а также непростые материальные условия существования стали основной причиной

кадрового дефицита вузовских педагогов. В решении этого вопроса прилагались большие усилия со стороны руководства вузов, местных общественных организаций путём создания бытовых коммун педагогов, специальных столовых для научных работников, продаже по низким ценам продукции подсобных хозяйств учебных заведений. В Томске был организован дом отдыха для преподавателей вузов города.

Но, несмотря на некоторое улучшение условий труда и быта, численность преподавателей по-прежнему не обеспечивала возросшую в них потребность в связи с развивающейся сетью учреждений профессионального образования. Если в 1932 г. в штате Омского педагогического института состояло 22 преподавателя и 120 студентов, т.е. на одного преподавателя приходилось по 5,4 студента, то в начале 1941 г. на 100 преподавателей уже приходилось 2000 студентов, т.е. педагогическая нагрузка возросла почти в 4 раза.

Таким образом, увеличение числа высших педагогических учебных заведений не было подкреплено соответствующей подготовкой кадров профессорско-преподавательского состава. Это неизбежно влекло за собой увеличение педагогической нагрузки, вынуждало привлекать к преподавательской работе в вузах недостаточно подготовленных лиц и не способствовало повышению академического и методического уровня учебного процесса.

В педагогических техникумах уровень подготовки преподавательского состава также был очень низок. В 1931/32 учебном году свыше 60% преподавателей педтехникумов края не имели высшего образования. По социальному составу и партийной принадлежности состав также не мог устраивать партийное руководство, поскольку «среди них были чуждые и враждебные элементы» [317;3;446;388].

Особенно сложными были условия деятельности педтехникумов, расположенных в отдалённых районах, где были постоянными явления, связанные с задержкой зарплаты преподавательскому составу, не выполнялись условия по обеспечению продовольственными и промышленными товарами. В результате

имелись случаи массовых увольнений из педтехникумов, иногда вместе с их руководством. Так, в 1931/32 учебном году из Каменского агропедтехникума уволилось сразу 13 преподавателей во главе с директором [311;5;486;36]. Усугубляли сложности постоянные привлечения администрации и преподавателей педтехникумов к выполнению всевозможных общественных поручений.

Важной задачей государственной политики являлась забота о пополнении преподавательского состава педтехникумов педагогами, политически лояльными официальной идеологии. Поскольку основным источником новых кадров для преподавательского корпуса педтехникумов оставались курсы повышения квалификации, на них возлагалась главная задача политической подготовки педагогов. Такие курсы переподготовки преподавателей социально-экономических дисциплин вузов и техникумов Западной Сибири действовали круглогодично на базе курорта «Озеро Шира». К середине 30-х гг. XX века образовательный уровень преподавателей педучилищ несколько вырос. В докладной записке завкрайОНО В.П. Теряева в Запсибкрайком ВКП(б) «О состоянии педагогических техникумов Западно-Сибирского края» за 1934 г. указывалось, что преподавательский состав педтехникумов в значительной мере пополнился выпускниками педагогических институтов [317;2;619;56-59]. Из 457 педагогов, работавших в педтехникумах, 30 человек (0,7%) имели общее высшее и 188 человек (41,1%) – специальное высшее образование, 96 преподавателей (21,0%) имели среднее образование. На начало 1934 г. в педтехникумах края работали 233 преподавателя со средним образованием: 143 (31,3%) – со средним специальным и 52% с общим средним образованием. Это было несколько ниже, чем в начале 30-х гг. Низкий уровень квалификации порождал «текучесть» кадров, значительный недокомплект преподавателей: «студенты начинают разбегаться из техникума, потому что нет преподавателей» [317;7;652;80]. Незначительной оставалась и политическая прослойка среди педагогов педтехникумов Западной Сибири, составлявшая 23,8%: из 457 человек членами ВКП (б) являлось 65 человек, комсомольцами – 44 человека. Сохранялась частая сменяемость руководящих кадров: с 1 января 1933 г.

по 20 марта 1934 г. в 28 педтехникумах Западной Сибири сменилось 19 директоров и 16 завучей.

Начавшийся в 1933 г. процесс укрупнения педтехникумов привел к уменьшению потребности в преподавателях и стабилизации педагогических коллективов. На 1 января 1935 г. в педтехникумах Западной Сибири работало 232 человека (211 педагогов, 6 завучей и 15 директоров), т.е. вдвое меньше, чем год назад. Из общего их числа лишь у 28 (12,1%) имелось полное высшее образование, у 136 (58,6%) – имелось незаконченное высшее и среднее специальное образование, 59 преподавателей (25,4%) имели общее среднее и 9 человек – низшее образование.

Таким образом, уменьшение общего количества преподавателей привело к повышению общего уровня квалификации педагогов, доля лиц с высшим образованием в педтехникумах в течение 1934-1935 гг. возросла почти в полтора раза. К началу 1935-36 учебного года в педтехникумах высшее педагогическое образование имели 120 человек [317;9;1089;11]. Поскольку сохранялась относительно невысокая численность преподавателей педтехникумов, в течение 1934-1936 гг. произошло довольно быстрое повышение уровня их квалификации. К концу исследуемого периода не менее двух третей педагогов имели высшее или неполное высшее образование, постепенно увеличивался их средний педагогический стаж, но оставалась довольно высокой, от 30 до 40%, доля внешних совместителей[322;1;1313;1-4].

Для середины 1930-х гг. стала характерна относительная стабилизация преподавательского состава педагогических техникумов. Процесс укрупнения педтехникумов привел к увольнению из преподавательского состава малоквалифицированных кадров. Новая волна роста числа педтехникумов, начавшаяся с конца 2-й пятилетки, сохранила благоприятные тенденции роста образовательного уровня преподавательских кадров. На начало 1937 г. в 25 педтехникумах Западной Сибири работало 427 педагогов, из которых 207 имели высшее педагогическое образование, 66 человек – высшее и 11 человек – неполное

высшее образование. В итоге 284 преподавателя имели высшее и неполное высшее образование, что составляло 66,5% от общего числа педагогов.

Таким образом, к началу 3-й пятилетки в преподавательском составе педтехникумов преобладали лица с высшим и неполным высшим образованием, 118 человек имели среднее образование, в том числе 51 – среднее педагогическое образование. Лишь 25 человек не имели среднего образования [311;70;9340;4,23-24, 57, 76-77].

Наряду с этим, большой проблемой оставалась задача комплектования средних педагогических учебных заведений руководящими кадрами. В докладной записке заведующего сектором подготовки учителей заведующему ЗапсибкрайОНО сообщалось, что на 1 января 1936 г. наркомпросом РСФСР не было утверждено в должности директоров педтехникумов 7 человек в связи с отсутствием у них специального образования, навыков руководящей работы и наличием партийных взысканий. Проблему усугубляла порочная практика партийных организаций, когда директоров педтехникумов освобождали от должности и переводили на другую работу без ведома КрайОНО [322;1;1329;69-69 об]. Частая сменяемость руководящих кадров педтехникумов объяснялась также установленными условиями персональной ответственности директоров за выполнение часто завышенных планов, в том числе, приема учащихся, срыв которых грозил судом. При этом не давало ожидаемого эффекта даже материальное стимулирование труда директоров, чья зарплата по постановлению от 9 апреля 1936 г. была в пределах 325-600 руб., т.е. в 1,5-2 раза выше, чем у преподавателей педтехникумов, чья зарплата составляла 230-400 руб.

Предпринятые в середине 1930-х гг. меры по наращиванию объёма подготовки учителей через систему педагогического образования Западной Сибири привели к достаточно быстрому росту контингента обучающихся. Однако этот процесс не был синхронизирован с соответствующим увеличением численности преподавательского корпуса педагогических техникумов (училищ), что привело к дисбалансу численности учащихся и преподавателей техникумов и хроническому

недостатку последних. Даже с учетом совместительства, педагогические кадры педтехникумов не справлялись с увеличившимся контингентом. В докладной записке директора Томского русского педучилища от 19 июля 1938 г. отмечалось, что за 1935-1938 гг. состав учащихся педучилища вырос в два раза [318;2;297;65]. По данным из 8 педучилищ Новосибирской области на 1 марта 1938 г. в них работало 143 преподавателя при действующей норме в 226, т.е. всего 63,3% от необходимого [323;1;1;22].

Таким образом, в педучилищах, как и в педвузах, наблюдался острый недостаток подготовленных кадров преподавателей, сложились непростые материальные условия их деятельности. В отличие от преподавательского состава педвузов, в педучилищах преподавательский корпус и администрация в гораздо большей степени оказались загружены общественными поручениями. С середины 30-х гг. общая численность преподавательского состава стабилизировалась, а подавляющая его часть имела квалификационный уровень выше среднего образования. Однако резкий прирост числа учащихся педучилищ в годы 3-й пятилетки вновь обострил вопрос о кадрах. Это неизбежно влекло за собой рост педагогической нагрузки и дестабилизации учебной деятельности.

В исследуемый период государственная политика в области подготовки кадров для высших учебных заведений осуществлялась в соответствии с партийными установками на необходимость быстрого, в течение нескольких лет, обеспечения требуемого количества профессорско-преподавательских кадров для учебных заведений страны. При этом особое внимание обращалось на важность обеспечения их «качественного уровня». Последнее предполагало формирование такого педагога, в котором и его социальная принадлежность, и политические взгляды в полной мере соответствовали бы официальной идеологии, и вузовские работники являлись бы надежными «проводниками» и «приводными ремнями» политики партии. Одновременно с этим открыто насаждалось недоверие и подозрительность к тем, кто пришел на вузовскую работу в дореволюционную эпоху и, якобы, тем самым являл собой противника советской власти.

Периодически организуемые кампании, проводимые под видом общественных смотров учебных заведений, на деле преследовали цель «чисток», борьбы с «засоренностью» в преподавательской среде, превращались в тотальную проверку кадров на политическую лояльность. Например, в записке о состоянии омских вузов по материалам работы бригады крайкома ВКП(б) в феврале 1932 г. были выработаны критерии оценки преподавателей, по которым все преподаватели и научные работники были разделены на три группы: «реакционно настроенные», «колеблющиеся» и «советски настроенные». Как непримиримое квалифицировалось отношение к первой группе, от которой исходило «прямое вредительство в научной и педагогической работе, открытая и тайная пропаганда враждебных и чуждых идей, озлобленное недовольство, борьба против реформы методики преподавания и консерватизм, оттирание научной советски настроенной молодежи» [317;5;490;485-490]. Фактически к этой категории были отнесены все те представители старой научной школы, которые высказывались против политики «протаскивания» в науку «пролетарской молодежи».

Как отмечалось в постановлении Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), в результате проведенного в 1932 г. общественного смотра учебных заведений «удалось избавиться от многих открыто враждебных элементов в институтах и техникумах. Однако, констатировалось далее, в ряде вузов еще сохраняется обстановка либерализма и притупленного классового чутья» [317;5;490;485-486]. В представленной бригадой по проверке вузов записке указывалось на ряд «политических ошибок», обнаруженных в работе Томского пединститута: «Письмо И.В. Сталина в журнал «Пролетарская революция» проработано формально, с опозданием и не явилось опорой для повышения классовой бдительности и непримиримости к вылазкам классовых врагов: бюро партколлектива проявило гнилой либерализм в отношении оппортунистических извращений в преподавании ряда дисциплин. Так, отмечалось далее в записке, ассистент кафедры математики Мейтуз проповедовал на занятиях внеклассовость математики. В отношении

строительства социализма заявлял, что коммунисты одерживают только временные победы. Вообще же коммунистам не победить» [317;6;678;11,45].

Работа партийных комитетов по «очистке» преподавательского состава педучреждений особенно проявлялась в выявлении «замаскировавшихся врагов». В докладной записке заведующего культпропом Тарского райкома ВКП(б) «Об обследовании работ Тарского педтехникума» от 19 февраля 1932 г. указывалось на «засоренность» педагогического состава антисоветскими элементами. Отмечалось, что преподаватель Протопопов вел открытую агитацию против соцсоревнования среди деревенской крестьянской молодежи, которой он пояснял, что «соревнование в отсталой группе проводить нельзя, его можно проводить только тогда, когда они получают некоторую подготовку, ориентировку, отвечающую требованиям программного материала». Ему были предъявлены также обвинения в неправильном ведении занятий, выливавшиеся в рассказы о прошлой жизни, а также он высказывал недовольство заработной платой [317;5;486;1]. В записке обращалось внимание на то, что преподаватель педагогики Лаптев «характеризуется как люмпен-пролетарий и пьяница, а обществовед, кандидат в члены ВКП(б) Иванов служил в белой армии, где руководил оркестром». В результате проверки поименованные лица, а также преподаватель естествознания Бобровская и инструктор по труду Терентьев подлежали увольнению.

Сложившийся «разночинный» состав преподавателей педтехникумов способствовал, как утверждалось партийными органами, «проникновению классово чуждой идеологии и влиянию на среду преподавательского состава». В постановлении Запсибкрайкома ВКП(б) от 4 июня 1934 г. отмечалась большая «засоренность чуждыми элементами» педсостава Томского русского педтехникума: двое являлись выходцами из среды духовенства, двое – из бывших белых офицеров. «Преподавательница Сасова заявляет, что женщина в СССР в результате Октябрьской революции не раскрепощена, а получила еще добавочную нагрузку, подразумевая под добавочной нагрузкой экономическое раскрепощение

женщины и втягивание ее в производство. Также выступает против того, чтобы кто-то «копался» в социальном прошлом людей» [317;1;563;32,34].

Наряду с официальным декларированием недопустимости так называемого «спецеинства», ежегодно увольнялись по «политическим» мотивам десятки специалистов, в том числе и столь необходимых для вузов профессоров. Только за 1932 г. из 405 профессоров педагогических институтов РСФСР 18 человек было уволено за так называемую «идеологическую невыдержанность» [311;70;3413;6].

С начала тридцатых годов партийно-государственная машина активно развернула борьбу за «перековку» сознания старых специалистов, их приобщение к большевистской идеологии. Для этого повсеместно в вузах создавались кружки политического просвещения, проводилась энергичная работа по организации помощи тем, кто приступил к самостоятельному изучению произведений классиков марксизма и современной политики партии. Для преподавателей высших учебных заведений вводилось, как обязательное условие, участие в общественной работе, в том числе систематические выступления перед населением с лекциями просветительского характера.

Особое значение в утверждении в умах людей официальной идеологии отводилось изучению в учебных заведениях общественно-политических дисциплин: истории ВКП(б), политэкономии, диалектического и исторического материализма, отечественной и зарубежной истории. При этом главная цель заключалась не столько в реализации образовательных задач, сколько в воспитании идейно подкованных, убеждённых специалистов. Подбор преподавателей общественных наук западносибирских вузов осуществлялся особенно тщательно. Их прием на работу обуславливался соответствующим решением горкома партии, а с февраля 1933 г. – только после утверждения секретариатом крайкома ВКП(б). Преподаватели общественных дисциплин вузов включались в учетную номенклатуру крайкома партии, их подбор и расстановка становились особой, исключительной прерогативой партийных комитетов. Действовавший таким образом своеобразный «отбор» приводил к частой сменяемости преподавательских

кадров, «переброске» их на другую работу, существенно осложнял задачу по комплектованию кафедр общественных дисциплин, не позволял создать условия для стабилизации кафедральных коллективов и профессионального роста преподавателей. Поэтому уровень научной квалификации преподавательского состава педвузов вплоть до конца исследуемого периода оставался недостаточным. Придавая особую роль поддержанию на должном теоретическом уровне преподавания общественных дисциплин, крайком ВКП(б) организовывал систематические целевые рейдовые проверки. Главное внимание сосредоточивалось на выявлении «замаскировавшихся врагов и их приспешников» в профессорской среде. Так в ходе очередной проверки, проведенной бригадой Запсибкрайкома ВКП(б) в августе 1936 г., было выявлено, что из 79 требующихся для вузов края преподавателей социально-экономических дисциплин, фактически имелось лишь 53, недоставало 26, в том числе в Томском пединституте – 6, Барнаульском учительском – 2 специалистов [317;1;766;246-247]. Между тем, как отмечалось в докладной записке по этому вопросу, в 1936 году в крае «за контрреволюционную троцкистскую деятельность выявлено и уволено 14 преподавателей общественных дисциплин вузов, особенно много из томских, где изъята подпольная террористическая организация, работавшая совместно с фашистско-диверсионными элементами». В завершающей части записки её авторы с особой тревогой констатировали, что из оставшихся 53 преподавателей-общественников 19 также относятся к числу «колеблющихся и неблагонадёжных». Под влиянием идеологических установок в кадровом составе западносибирской профессиональной школы произошли перемены, вызвавшие радикальное обновление преподавательского корпуса. К середине тридцатых годов в вузах практически не осталось представителей старой дореволюционной профессуры, разрушалась преемственность в преподавании, утрачивались многие традиции российской высшей школы. Всё это нашло отражение в снижении качественных показателей преподавательского состава. Например, к концу второй пятилетки среди преподавателей общественных дисциплин западносибирских вузов не было

ни одного профессора-доктора наук, из 12 доцентов кандидатом наук был лишь один, лекционные занятия вели 12 ассистентов, 29 человек вообще не имели никакой специальной подготовки. Состав преподавателей-обществоведов вузов Западной Сибири по образованию и стажу работы по состоянию на 1 ноября 1936 г. был следующим (таблица 13) [317;1;766;247-248].

Из приведенной таблицы следует, что абсолютное большинство преподавателей общественных дисциплин (почти 85%) работали в вузах не более шести лет, а квалификация двух третей их числа не соответствовала требуемому вузовскому уровню. Между тем, этому недостатку придавалось подчиненное значение. Главное внимание было сосредоточено на задаче укомплектования обществоведческих кафедр кадрами из числа коммунистически убеждённых работников. Так, в 1936 г. из 53 сотрудников этих кафедр членами партии

Таблица 13.

**Качественный состав преподавателей-обществоведов
западносибирских вузов на 1 ноября 1936 г.**

Всего преподава телей обществен ных дисциплин	В том числе по образованию				В том числе по стажу работы			
	Оконч. Институт Красной Профессуры	Оконч. аспира нтуру	Оконч. вузы	Не имели высшего образова ния	1-3 года	4-6 Лет	7-10 лет	Более 11 лет
53	8	11	31	3	13	32	5	3
В %	15,0	20,8	58,5	5,7	24,5	60,4	9,4	5,7

являлись 37, состояли в ВЛКСМ 10, были беспартийными 6 человек, что составляло соответственно 69,8, 18,9 и 11,3%. Крайком ВКП(б), сосредоточив в своих руках всю работу по подбору кадров преподавателей общественных дисциплин, не допускал в этом вопросе «самотека», т.е. проявления

самостоятельности со стороны руководства вузов в подборе специалистов-обществоведов. На деле этим фактически сдерживалось разрешение кадрового дефицита. Так, в письме в крайком ВКП(б) осенью 1936 г. директор Томского университета Б.П. Токин, сообщая об исключительно тяжелом положении, сложившемся в вузе с обеспечением кадрами преподавателей социально-экономического цикла, сетовал: «...в то же время работники по этим дисциплинам распределяются по вузам в партийном порядке, поэтому проявить инициативу не возможно» [317;10;1086;61], [317;2;258;171-172].

По мере роста сети педвузов, увеличения студенческих контингентов потребность в научно-педагогических кадрах неуклонно возрастала. Однако к середине 30-х годов положение, связанное с их недостатком, резко обострилось. Во многом причиной этому явился развернувшийся очередной виток политических репрессий в стране. По справедливому утверждению большинства отечественных и зарубежных историков, к этому времени в СССР были уже изжиты имевшие ранее место в профессорской среде вузов проявления негативизма и колебаний по отношению к новой власти. Более выраженным в 1930-е гг. являлось их стремление не доводить отношения с властью до открытого противостояния, достичь компромисса, с тем, чтобы активно включиться в созидательную деятельность на просвещенческой ниве. Тем более нелепыми и безосновательными оказались последовавшие в адрес многих из них обвинения в измене Родине, политическая травля и аресты. Волна репрессий обрушилась также и на молодые так называемые «новые» кадры, в их адрес следовали обвинения в приверженности троцкизму, правому уклону и т.п.

Установить точные цифры общей численности подвергшихся репрессиям кадров педагогических учебных заведений, к сожалению, не представляется возможным. Лишь некоторые косвенные данные могут свидетельствовать о масштабах гонений в отношении работников сферы образования, в том числе в Западной Сибири. В 1935-1937 гг. не без влияния развернувшихся репрессий, почти полностью сменились аппараты отдела школ Западносибирского крайкома ВКП(б),

краевого отдела образования. Так, в 1935 г. было исключено из партии 15 заведующих районными и городскими отделами народного образования и несколько директоров вузов края. Были репрессированы и осуждены как «враги народа» директор Томского русского педтехникума Л.П. Карнаушевский, директор Томской совпартшколы И.А. Быстревской, заместитель директора Томского татарского педтехникума К. Хамиддулина, председатель Томского союза средних школ Г.П. Романчук, группы их «сообщников» и многие другие [318;2;297;67], [317;1;678;16-17].

В результате кампании по проверке партийных документов 1935-37 гг. многие честные коммунисты, преподаватели педвузов и техникумов, были подвергнуты унижительным процедурам приведения доказательств, подтверждающих их политическую лояльность власти. К сожалению, не всем эти доказательства своевременно удавалось мобилизовать в своё оправдание. В 1936 г. исключены из партии и сняты с работы «за связь с троцкистами» преподаватели Томского пединститута Р.А. Озерская, прибывшая в Томск в 1934 г. после окончания Ленинградского отделения Комакадемии, Б.С. Лурье, «имевшая связь с Озерской и являющаяся дочерью предпринимателя». За поддержку связи с сыном, «врагом народа», исключен из партии и морально раздавлен профессор, первый директор Томского педагогического института Г.Т. Чуич [311;70;3798;18-19]. Профессор кафедры педагогики того же вуза М.В. Крупенина была снята с работы и отправлена в десятилетнюю ссылку «на Колыму за извращения в педагогике», суть которых состояла в приписываемой ей приверженности к так называемой антимарксистской «теории отмирания школы». Бывший директор Томского пединститута А.Ф. Поляков, назначенный накануне заведующим городским отделом народного образования, также был исключен из партии и снят с должности, репрессирован «за связь с врагом народа» [318;1;678;17]. В том же году были исключены из партии и сняты с работы еще 13 преподавателей вузов Западносибирского края, в том числе профессора Томского государственного университета Мишин и Загорский, преподаватель университета Шубин,

преподаватель Барнаульского учительского института Комочков с формулировкой «за отсталость» [317;10;1092;195]. Репрессиям подверглись и множество рядовых учителей школ. Решением райкома ВКП(б) от 2 сентября 1936 г. из партии был исключен С.П. Михайлов, учитель-ударник образцовой школы Ребрихинского района за высказывания, что «декрет партии и правительства о повышении зарплаты учителям есть то же самое, что декрет 1861 года об освобождении крестьян» [317;10;1087;4].

В докладной записке по итогам проверки преподавания социально-экономических наук в вузах Запсибкрая от 27 ноября 1936 г. отмечалось, что за контрреволюционную троцкистскую деятельность уволено значительное количество преподавателей, особенно в томских вузах, где была вскрыта «подпольная террористическая организация, работавшая совместно с фашистско-диверсионными элементами». В результате было исключено из партии и снято с педагогической работы 14 преподавателей социально-экономических дисциплин, в том числе 10 человек было обвинено в троцкистской деятельности. Из оставшихся 53 преподавателей социально-экономических дисциплин 10 человек уже имели партвызыскания и замечания за ошибки троцкистского порядка, а по 9 человекам выявлено, что они служили в белой армии [317;1;766;247]. Из общего числа в 67 преподавателей социально-экономических дисциплин подверглись репрессиями и попали под подозрение 33 человека, т.е. половина из их общего состава.

Новая волна репрессий в учебных заведениях произошла в начале 3-й пятилетки вследствие «хронического невыполнения плановых контингентов приема учащихся». В докладной записке заведующего Новосибирским облОНО в наркомпрос РСФСР от 7 августа 1938 г. «Об открытии в 1938 г. педагогического училища в г. Новосибирске» одной из причин такого решения указывался недостаток выпускников. Причиной этого явилась «вредительская практика» бывшего руководства крайОНО, которое, несмотря на недостаток в учителях в 1932-1934 гг. закрыло 4 педтехникума, в том числе в Новосибирске [323;1;23;13]. Таким образом, политика сокращения «карликовых» педтехникумов, приведшая к

сокращению ученического и преподавательского состава средних педагогических учреждений, возводилась в ранг преднамеренного «вредительства» и сопровождалась шумной кампанией по выявлению «замаскировавшихся врагов народа». Весной 1938 г. в письме в ЦК ВКП(б) заведующий отделом школ Новосибирского обкома партии так характеризовал мотивы и масштабы репрессий в отношении научно-педагогических кадров: «Старые кадры оказались сильно засоренными и не менее половины из них были разоблачены и репрессированы» [318;2;249;8]. Результатом репрессий стал кадровый дефицит в педагогических учреждениях Западной Сибири, нанеший огромный вред развитию педагогического образования.

Тотальная перетряска руководящих кадров в полной мере проявилась в отношении руководителей учебных заведений. Только за 1937 г. по РСФСР органами НКВД было «разоблачено» и осуждено тринадцать директоров педвузов, девятнадцать были сняты с работы «как не обеспечивавшие руководства с политической стороны» [311;70;3577а;46]. Подверглись необоснованным репрессиям как «враги народа» нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов, его заместитель М.С. Эпштейн, начальник управления подготовки учителей наркомпроса М.П. Орахелашвили и другие. В этом же году были смещены с директорских должностей руководители Омского (С.А. Сливко) и Тюменского (С.В. Сорокин) пединститутов, возглавлявшие эти вузы со дня их основания. Репрессированы и расстреляны как «враги народа» директор Барнаульского учительского института А.П. Юферов, его заместитель Р.Т. Костылев. В начале 1941 г. за необеспечение надлежащей постановки учебной и хозяйственной работы был уволен назначенный тремя годами ранее директор Омского педагогического института М.П. Русаков [311;69;2707;30]. За четырехлетний период, с 1937 по 1940 год, в Томском пединституте сменилось пять директоров. На протяжении почти года не было директора в Барнаульском учительском институте [317;2;258;172]. Безусловно, эти явления крайне отрицательно сказывались на уровне руководства

педвузами, всей их учебной, научной и административно - хозяйственной деятельности.

Характерным проявлением партийно-государственной политики в области народного образования в период тридцатых годов явилось её часто некомпетентное вмешательство в учебно-научную жизнь вузов. Все более обиденными становились акции по «выявлению и разоблачению» «антинаучных» методов обучения, «чуждых взглядов» и т.п. В ходе проводимых кампаний не обходилось без открытого шельмования всего того, что попадало под подозрение с точки зрения официальной идеологии. Наиболее шумной «проработочной» кампанией этого периода явилась акция по «разгрому» педологии. Она стала мрачным примером расправы не только с учеными, но и с целым научным направлением.

5 июля 1936 г. было опубликовано в печати постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов». «ЦК осуждает теорию и практику педологии, считает, что она базируется на лженаучных, антимарксистских положениях, – гласило постановление. – Эта теория – перенесение в советскую педагогику... буржуазных воззрений, ставящих своей задачей... доказать особую одаренность и особые права эксплуататорских классов и «высших рас» и с другой – физическую и духовную обреченность трудящихся классов и «низших рас» [115;366-367]. ЦК требовал изъять педологию как науку, все созданные по педологии учебники, ликвидировать звено педологов во всей системе образования, «полностью восстановить в правах педагогику и педагога». «Восстановление» в правах учителя по сути предполагало нарушение этих прав, их забвение. Но правильно ли было считать, что учитель советской школы в середине 30-х годов был «оттеснен на задворки», а всем педагогическим процессом «заправляли» педологи, как утверждалось в печати того времени? Анализ учебных программ, документов наркомпроса, периодической печати свидетельствует, что педологи отнюдь не «направляли все стороны» жизни школы, в центре учебно-воспитательной работы всегда оставался учитель. Поскольку педологов готовили лишь три педагогических вуза страны, то можно предполагать, что их выпускники

«растворялись» в несопоставимо большей армии педагогов. Однако чрезмерно преувеличенная и в общем необоснованная «опасность» педологии создавала видимость страшного врага советской школы, без борьбы с которым якобы было невозможно поднять уровень советской педагогики, всего дела народного образования. Спущенная сверху команда «раскритиковать» педологию и педологов выполнялась с невероятной тщательностью. Безоговорочно осуждался метод анкет, тестов, вопросников, попытки разработать шкалу умственного развития ребенка, изучение его психологии и тем более наследственности. Организационно «уничтожение» педологии выразилось в ликвидации кафедр педологии и педологических кабинетов, полного упразднения звена педологов в школах, а также в изъятии всех учебников, книг и статей по этой дисциплине. На многочисленных собраниях и в печати подверглись резкой критике труды выдающихся ученых: П.П. Блонского, А.Б. Залкинда, Л.С. Выготского, М.Я. Басова и других. В течение месяца был подготовлен к печати и издан сборник статей с критикой педологических взглядов этих ученых. Авторами сборника, к сожалению, оказались многие из тех, кто длительное время тесно сотрудничал с теперь опальными теоретиками: А.П. Пинкевич, П.Н. Шимбирев, А.С. Залужный, С.А. Каменев и др.

Помимо устроенного погрома в центральных институтах развернулась «очистительная» работа и на местах. В принятом 14 июля 1936 г. постановлении бюро Западносибирского крайкома партии «О реализации решений ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» горкомам, райкомам партии, органам народного образования поручалось, наряду со «всесторонним изучением постановления ЦК, широко осветить в печати те (педологические) извращения, которые имели место в крае» [317;10;1053;21]. Согласно постановлению бюро, вместе с прекращением дальнейшего преподавания педологии в вузах и техникумах ликвидировались педологический сектор в составе краевой педагогической лаборатории, а также педологическая группа при дефектологической лаборатории. Предписывалось немедленно изъять из всех

библиотек педологические учебники и труды, пересмотреть состав учащихся вспомогательных школ и классов, «обеспечив перевод их основной массы в нормальные школы». В развернувшемся погроме были уничтожены исключительно интересные методики исследования личности, а их авторы подверглись огульной критике. Несмотря на известные ошибки и заблуждения ученых-педологов, это научное направление еще только складывалось, поэтому ничем нельзя было оправдать предпринятый ее «разгром». В результате наука лишилась крупных ученых, которые были отстранены от дальнейшей работы в области педологии. Из педагогической практики надолго исчезли уникальные методики, обобщения и инструментарий, выработанные педологической наукой.

Всё содержание научной деятельности педагогических вузов в области педагогики в тридцатые годы было подчинено политике государства, направленной на борьбу «за утверждение марксистской педагогики», «искоренение классово чуждых воззрений», против «правых ревизионистов» и «левых загибщиков». Всё в большей мере проявляется стремление придать научным исследованиям исключительно прагматическую, директивно заданную направленность и подчинить её нуждам «классовой борьбы пролетариата».

Активизация работы по подготовке преподавательских кадров для системы педагогического образования Западной Сибири в 30-е годы XX века была обусловлена возрастающими потребностями школьного всеобуча и развитием сети педагогических вузов и техникумов. Наиболее сложными на пути формирования преподавательского состава были задачи подбора и включения в научно-педагогическую работу лиц из нового поколения способной молодёжи, создания условий для их творческого роста и приобретения практических навыков преподавательской деятельности. Открытие при вузах на рубеже 20-30-х гг. сети аспирантур и последовательная забота власти о росте научного и профессионального уровня кадрового состава вузов и техникумов обеспечивала необходимые условия для поступательного количественного и качественного

преобразования преподавательского корпуса. В таких условиях закладывался фундамент преподавательской школы Западной Сибири.

Вместе с тем эта работа значительно сдерживалась недостатком финансовых ресурсов, материальных возможностей для повышения квалификации кадров высшей и средней специальной школы. Недостаток подготовленных кадров, вызванный систематическими «чистками» преподавательского состава и администрации педучреждений края стал причиной разразившегося во второй половине 1930-х годов кадрового кризиса в педагогических вузах и педучилищах.

Для действующей системы отбора и воспитания научно-педагогических специалистов были характерны внутренние противоречия, проявившиеся в опоре на партийно-классовый подход при выдвижении на преподавательскую работу, неоправданном в 30-е гг. пренебрежении в использовании научных сил «старых» специалистов из дооктябрьской эпохи, игнорировании их опыта и знаний. Огромный вред формированию кадрового потенциала вузов и техникумов был нанесён происходившими в исследуемый период необоснованными репрессиями в отношении руководящего состава и профессорско-преподавательских кадров.

2.3. Организация научно-исследовательской работы в педагогических вузах

Середина 20-х – начало 30-х гг. XX века стали временем острых научных дискуссий в педагогике, в том числе о предмете советской педагогики как науки, о путях ее развития. Это был период, когда закладывались основы научно-исследовательской деятельности, концептуальные проработки и подходы в организации педагогических исследований во вновь создаваемых педагогических учреждениях страны.

Острая полемика, развернувшаяся в ходе «педагогической дискуссии», касалась не только предмета педагогики, но и роли учителя, места школы в

воспитании и развитии ребенка и роли в этом всевозможных внешкольных общественных институтов, призванных заниматься воспитанием молодёжи. Итогом дискуссии явился доклад директора Научно-исследовательского института методов школьной работы (г. Москва) В.Н. Шульгина «Основные проблемы советской педагогики, требующие своего разрешения и являющиеся спорными в педагогической среде» на коллегии наркомпроса РСФСР 3 декабря 1928 г. Автор определял предметом педагогической науки изучение не только школьных детских коллективов, личности ребенка, но и всей окружающей детей общественной среды: внешкольных, культурно-просветительных учреждений, неорганизованных групп, участвующих в различной мере в формировании человеческой личности. В докладе также была озвучена новая роль педагога: «новый учитель – это учитель-наставник, который помогает ребенку в учении и воспитании, учитель-помощник ребятам. Старый учитель продолжает быть просто учителем» [311;69;1714;12].

Оппоненты докладчика, не соглашаясь с таким расширительным толкованием предмета педагогики и недооценки при этом воспитательной роли школы, стали именовать концепцию В.Н. Шульгина «теорией отмирания школы». В 1931 г. в статье Н.К. Крупской В. Н. Шульгин и его сторонники были обвинены в преклонении перед стихийностью в воспитательном процессе, якобы «естественной нравственности ребенка» и недооценке организующей роли школы [315;1;315;2-3]. Государственную позицию в этом вопросе выразил педагог-исследователь П.Н. Груздев, который в ответном докладе «Об итогах педагогической дискуссии» на пленуме научно-педагогической сессии ГУСа 26 марта 1931 г. подверг резкой критике «правые» взгляды тех, кто доказывал неизменность предмета педагогики как при капитализме, так и при социализме, так и «левые» во главе с Шульгиным, сводившие дело к «отмиранию школы»[306;1;43;1-12].

Соответствующее решение по педагогической дискуссии было утверждено на заседании коллегии наркомпроса РСФСР 25 апреля 1931 г., на котором были декларированы основные принципы новой педагогики советского общества,

осуждены, как ошибочные, взгляды на предмет науки педагогики правых и «левых» «загибщиков» [311;69;2118;1-87]. Окончательная точка в дискуссии была поставлена вышедшим в печати 5 сентября 1931 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе», где в числе причин недостатков в работе учебных заведений указывалось на вредное влияние «антиленинской теории отмирания школы».

Педагогическая общественность Западной Сибири также принимала участие в «педагогической дискуссии». По воспоминаниям Ф.Ф. Шамахова, в Томском педтехникуме и в Томском пединституте были сильны «левые настроения»[44;211]. Такие же настроения нашли свою поддержку в деятельности краевого научно-исследовательского учреждения – «Института коммунистического воспитания» (И.К.В.) в Новосибирске. В марте 1931 г. ученый секретарь И.К.В. Д.И. Устиновщиков в своей статье указывал: «Школа прежде всего теряет лицо искусственно сделанного учреждения, становится лабораторией производства... Школа теряет также свои установленные традиции: класс, парты, поучающего учителя, слушающего ученика». Кроме этого, в статье активно поддерживался «метод проектов», который по мнению автора «будет служить основным новым принципом организации образовательной работы школы». Сотрудники института широко пропагандировали тезис о том, что школа должна стать цехом завода, поэтому его администрация должна соответствующим образом заботиться ещё об одном из своих цехов – школе. Описывался быт колхоза, где 8-летние дети работали столько же, сколько и взрослые, без выходных дней в летнюю пору, что расценивалось как приобщение детей к труду. Директор института И.С. Воробьев, анализируя ошибки «правых» и «левых», предложил учительству края ориентироваться на труды В.Н. Шульгина.

Итоги педагогической дискуссии и решение коллегии наркомпроса по этому вопросу и последовавшее постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» стали разгромными для Института методов школьной работы и его

руководителей В.Н. Шульгина и М.В. Крупениной. Была также прекращена деятельность Института коммунистического воспитания в Новосибирске.

Помимо дискуссий о путях развития отечественной педагогики, 30-е гг. XX века стали временем определения направлений научно-исследовательской работы, которые в конце концов сосредоточились на исследовании путей формирования марксистского мировоззрения, политехнизма в педагогике, практическому изучению проблем школьной работы.

Документом, ставшим этапом к «новому состоянию научных исследований», явилось постановление ЦК ВКП(б) от 15 марта 1931 г. «О работе Комакадемии». Согласно постановлению, вся научная деятельность в стране перестраивалась на основе «строгой плановости», координации и контроля со стороны единого для всех органа – президиума Коммунистической академии и её секретариата. Академия обязывалась «осуществлять методологический контроль над работой наиболее крупных исследовательских учреждений, на деле взяться за возложенную на них ЦК ВКП(б) задачу планирования и проверки работы всех марксистско-ленинских научных учреждений и организаций. Особое внимание должно уделяться помощи в постановке научно-исследовательского дела на местах, в нацреспубликах, в областях и районах»[115;269]. При этом, согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе», обращалось внимание на допущенный значительный отрыв научно-исследовательских педагогических учреждений от практических задач школы. Вследствие этого наркомпросу РСФСР предлагалось сосредоточить научную работу на изучении и обобщении опыта, накопленного школьными учителями [61;151-159]. Данное требование было конкретизировано в постановлении коллегии наркомпроса РСФСР «О мероприятиях по улучшению научно-исследовательской работы педагогических институтов» от 7 декабря 1931 г. Несмотря на некоторые достигнутые успехи, коллегия отмечала, что многие печатные работы «очень часто отражают враждебную, классово-чуждую идеологию. На борьбу с этими явлениями в педагогических институтах крайне

слабо мобилизовано внимание». Также указывалось, что научно-исследовательская работа оказалась оторвана от практических задач школы, планы по науке в педвузах страдают схематичностью и неконкретностью, к их обсуждению не привлекается общественность. Отмечалась чрезвычайно низкая материальная база для исследовательской работы в педвузах. В качестве основных задач коллегия наркомпроса постановила утвердить три основные направления научно-исследовательской работы в педвузах. Ими должны стать: разработка общетеоретических проблем, разработка проблем в рамках плана местных учреждений и организаций и изучение проблем школьной работы.

Помимо этого, коллегия наркомпроса потребовала устранить параллелизм в тематике исследуемых проблем, а также ввести строгий учет научной работы. Журнал «Коммунистическое воспитание» в передовой статье «О перестройке научно-исследовательской работы» призвал к организации массовой коллективной работы в области исследований по педагогике. «Все педагогические силы должны быть брошены на большевистское овладение марксистско-ленинской теорией и марксистско-ленинским педагогическим наследством, а также должна не прекращаться непримиримая борьба как с правыми, так и левыми течениями» [165;11-14].

Западносибирские педвузы в пору их возникновения и формирования профессорско-преподавательского состава не осуществляли сколько-нибудь значительной научной деятельности, она была представлена эпизодически в виде статей в сибирских журналах, еще реже – в центральной печати. Помимо недостатка квалифицированных кадров в педвузах региона, этой работе препятствовало отсутствие необходимой экспериментальной и исследовательской базы, соответствующего финансирования, а также большая загруженность людей в учебном процессе и в общественной работе. К числу причин такого состояния научной работы следует, видимо, отнести и то обстоятельство, что в период становления вузов все внимание сосредоточивалось на организационной, количественной стороне дела – комплектовании кадрового корпуса и

регулировании учебного процесса. Среди преподавателей вузов было мнение, что научно-исследовательская деятельность – прерогатива научных учреждений, вузов Москвы и Ленинграда, а участь периферии – исключительно образовательная, обучающая. Из анализа отчетов кафедр педагогики педагогических вузов РСФСР за 1933 г. Томский пединститут по уровню организации науки попал во вторую группу педвузов, чьи научно-исследовательские работы были представлены в виде брошюр и журнальных статей. Омский педвуз попал в третью группу, в которой научная работа велась беспланово, представленная отдельными лицами, а научная продукция была невелика по количеству и общему объему. В пятую, низшую, группу попал Тюменский пединститут, где никакой научной работы не проводилось вообще [121;6-8].

Важным стимулирующим фактором активизации научной деятельности в высших учебных заведениях стали уже упомянутые выше постановление СНК СССР «Об ученых степенях и званиях» (1934 г.) и особенно совместное постановление правительства страны и ЦК ВПК(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» (1936 г.). В последнем указывалось, что «без научно-исследовательской работы не может осуществляться высшими учебными заведениями подготовка специалистов на уровне требований современной науки и немыслима подготовка научно-преподавательских кадров и повышение их квалификации» [115;360]. Категорично осуждались взгляды о том, что кафедры высших учебных заведений не должны заниматься научно-исследовательской работой, а ограничиваться только учебно-педагогической деятельностью.

Однако для западносибирских педвузов организация исследовательской работы в важнейшей для них учебной дисциплине – педагогике – осложнялась отсутствием квалифицированных научных кадров. Прибывшая в 1934 г. на работу в Томский пединститут после «московской опалы» М.В. Крупенина была единственным профессором педагогики в крае. Однако и она вскоре (в 1937 г.) была повторно «разоблачена» органами НКВД и отправлена в Колымский край.

Преподавателей педагогики не доставало даже для проведения академических занятий, а склонная к научной деятельности молодежь редко отдавала свои предпочтения педагогике.

Своеобразной «кузницей» научных кадров по педагогике мог бы стать упоминавшийся выше Институт коммунистического воспитания (ИКВ). Созданный осенью 1930 г. в пору еще не утихших отголосков педагогических дискуссий 20-х годов, он был призван, по определению его директора И.С. Воробьева, «изучить и обобщить огромный живой опыт десятилетия (деятельности) советского школьного строительства и дать научную проработку основных направлений деятельности школ и общественности по вопросам единой системы коммунистического воспитания, последовательного революционного воспитания и перевоспитания масс» [41;87].

В составе вновь организованного НИИ работали 21 научный сотрудник, собрана хорошая педагогическая библиотека, финансирование осуществлялось из средств краевого бюджета. Постепенно в структуре института сформировались три сектора: политехнизма, теории марксистско-ленинской педагогики, детского коммунистического движения. Вновь созданный научный коллектив института активно включился в исследовательскую работу. Только в течение первого года его деятельности была опубликована в печати 21 статья, прочитано 73 лекции и доклада на педагогические темы, разработана целевая программа педагогической помощи Кузбассу, подготовлено два сборника научных статей [313;17;489;47-48]. Сотрудники института часто выступали в местной периодической печати, особенно в журнале сибирского учительства «Просвещение Сибири» по вопросам политехнизма и развития пионерского движения в крае (Д.И. Устиновщиков), о результатах педологических обследований детей (Т.Н. Бек и В.Я. Бейн). Научные сотрудники института приняли активное участие в подготовке и проведении в мае 1931 г. краевой научной конференции по педагогическому образованию. На ней с докладом о платформе ИКВ в педагогической дискуссии выступил директор

института И.С. Воробьев. В дальнейшем планировалось подготовить к выпуску сборник статей сибирских педагогов об их взглядах на сущность дискуссии.

Однако этого сделать не удалось, 1931 год завершал период педагогических дискуссий. В соответствии с духом постановления ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 г. институт был закрыт. Следующим шагом стало «очищение» учебных заведений от сторонников «вредных» взглядов. Поскольку В.Н. Шульгин до 1931 г. неоднократно бывал в Новосибирске, встречался с научными работниками ИКВ, выступал перед учительством, в Запсибкрай была направлена бригада наркомпроса. Итогом ее работы стала пространная справка и разгромная статья в журнале «Коммунистическое просвещение» – органе наркомпроса и цекапроса РСФСР. Директор, сотрудники Института коммунистического воспитания огульно обвинялись в бездумной приверженности «принципам Шульгина», они якобы «стремились ликвидировать и школу, и учителя, и программы». Финалом этой истории стало публичное «покаяние» и «признание собственных ошибок» сибирскими «левыми загибщиками». На базе института коммунистического воспитания был создан Программно-методический институт (ПМИ). Он был отнесен в число структурных подразделений краевого отдела народного образования, а его функции теперь сводились к оказанию программно-методической помощи школам, в первую очередь образцово-показательным. В 1934 г. на основании распоряжения наркома А.С. Бубнова и с целью «превращения ПМИ в оперативно-методический центр» институт был очередной раз «реорганизован». На этот раз он преобразовывался в Научно-педагогическую лабораторию (НПЛ) при Западно-Сибирском крайОНО. Задачей лаборатории становилось «консультирование учителей, изучение и обобщение лучшего опыта, оперативный контроль над учебной работой в школах» и т.п. Количество сотрудников сокращалось до пятнадцати.

Новый статус учреждения уже не предполагал организацию каких-либо научных исследований. Продукция лаборатории, выходившая в печати, в большей

мере содержала всевозможные методические рекомендации, наставления и другие материалы по большей части прикладного характера.

Дальнейшая судьба научно-педагогической лаборатории была связана с уже упомянутой акцией 1936 г. по ликвидации ее в составе педологического сектора и соответствующим новым сокращением штатов. В 1935-1936 гг. директор лаборатории И.С. Воробьев в период кампании по проверке партийных документов был исключен из партии, а затем арестован и репрессирован [317;17;716;1-13]. В 1938 г. лаборатория была окончательно расформирована, часть ее сотрудников перешла в состав вновь организуемого областного института усовершенствования учителей [318;2;6;182]. Этим завершился нереализованный шанс создания педагогического научно-исследовательского учреждения в Западной Сибири в 30-е годы XX века.

Во второй половине 30-х годов XX века стало заметно снижение научной активности учёных-педагогов по сравнению с предшествующим десятилетием, переход их к локальным, более мелким темам. Причины этого, видимо, следует искать в итогах педагогической дискуссии рубежа 20-30-х годов, когда в процессе разоблачения «левых» и «правых уклонов» в педагогической науке взгляды многих ученых-педагогов подверглись уничтожающей и часто несправедливой публичной критике. Участвовать в дискуссиях стало небезопасно. С этого времени количество научных публикаций стало заметно сокращаться, а характерный для раннего этапа критичный их тон теперь сменился на бравурно-победный. Полностью исчезли из печати материалы по фундаментальным исследованиям. Такое положение в науке не могло не беспокоить педагогическую общественность, равно как и руководство наркомата по просвещению. Выступая в декабре 1935 г. на Всероссийском совещании профессоров и преподавателей педагогических наук М.П. Орахелашвили, начальник управления педагогического образования наркомпроса РСФСР, констатировала, что педагогическая наука «переживает тяжелый период, почти не ведется глубокая исследовательская работа в этой области». Несмотря на

предпринимаемые усилия существенно наладить научную работу по педагогике в тридцатые годы так и не удалось.

Состоявшаяся в июле 1936 г. коллегия наркомата по просвещению РСФСР обязала руководителей педвузов «развернуть энергичную научную работу в вузах с тем, чтобы охватить ею весь преподавательский состав». Предписывалось в срок до 1 января 1937 г. предоставить в наркомпрос списки преподавателей педвузов с указанием тематики разрабатываемых ими научных проблем [48;2-21].

Такая постановка вопроса для многих преподавателей педвузов оказалась неожиданной и трудноразрешимой. Опыта исследовательской работы у большинства их них не было, поэтому часто выбор темы исследования происходил стихийно, без достаточного знакомства с научной проблемой, степенью её востребованности и т.п. «Трудности выбора темы исследования, – вспоминал впоследствии Ф.Ф. Шамахов, – заключались в том, что не с кем было посоветоваться, особенно нам, «гуманитарам»: ни в одном томском вузе не было не только профессоров, но и доцентов по гуманитарным наукам»[44;211].

По состоянию на начало 1937 г. в педагогических учреждениях Западной Сибири научной деятельностью занималось 92 преподавателя, главным образом доценты и исполняющие обязанности доцентов, занимающиеся подготовкой кандидатских диссертаций. В Тюменском пединституте в научной работе принимали участие 23 человека, в Томском пединституте – 33 человека, в Омском пединституте – 26 человек и в Барнаульском учительском институте – 10 человек.

Наблюдалась и некоторая специализация в направлениях научных исследований. Так, в Томском пединституте научная деятельность была сосредоточена преимущественно на изучении теории и истории педагогики, на психологии, ботанике, анализе и теории функций, методике и истории математики, теоретической и экспериментальной физики. Особо отмечалась успешная научная деятельность профессора Г.Т. Чуича и ассистента, впоследствии доцента кафедры русского языка и славистики Л.А. Чуич.

В Тюменском пединституте большое внимание уделялось исследованиям по теории педагогики, по биологии, ботанике и зоологии, географии, методике и истории математики, теоретической и экспериментальной физике. Особо отмечались успехи в научной деятельности в области геометрии доцента Э. К. Хилькевича.

В Омском пединституте внимание исследователей было сосредоточено на изучении фольклора, русского языка и литературы, теоретической и экспериментальной физики, методике физики, алгебре и теории чисел, геометрии, анализу и теории функций, методике и истории математики, астрономии. Преподаватели Барнаульского учительского института исследовали отдельные темы истории педагогики, русского языка, русской литературы и литературы народов СССР, математики, ботаники [311;70;3603;1-276].

В связи с тем, что постановлением «Об ученых степенях и званиях» устанавливался порядок, по которому должности научно-педагогических работников вузов стали устанавливаться в зависимости от квалификации, т.е. ученой степени и звания, для многих актуализировалась задача подготовки и защиты диссертаций.

Однако осуществить научное соискательство оказывалось очень непростым делом. «Непрофильные», т.е. неподведомственные наркомпросу вузы, по ряду причин, особенно из-за перегруженности штатного профессорского состава, отказывали в прикреплении к своим кафедрам представителей «сторонних» учреждений. Поэтому «подключенность» преподавателей высших педагогических учебных заведений Западной Сибири к научно-исследовательской работе, несмотря на некоторое ее оживление после 1936 г., оставалась невелика и охватывала по-прежнему не более трети от общего количества преподавателей. Об этом свидетельствуют данные по западносибирским педвузам по состоянию на начало 1938 г. (Таблица 14) [311;70;3603;1-276].

Таблица 14.

Участие преподавателей западносибирских педвузов в научно-исследовательской работе (январь 1938 г.)

Институты	Всего преподавателей	Из них занимались научной работой			
		Профессора	Доценты	И.о. доцентов	Ассистенты
Томский	78	4	7	14	8
Омский	61	2	4	6	6
Тюменский	47	1	5	15	1
Барнаульский	29	-	4	-	1
ИТОГО	215	7	20	35	16

В значительной мере развитие исследовательской деятельности в педвузах сдерживалось отсутствием на кафедрах оборудованных лабораторий и кабинетов, недостатком или полным отсутствием необходимой научной литературы и ограниченностью финансовых средств, выделяемых на исследовательскую работу. Существенным препятствием оставалась крайняя загруженность преподавательского состава учебными занятиями, а также «общественно-партийными» поручениями. В справке о работе Омского пединститута от 17 февраля 1941 г. отмечалось, что «большинство научных работников института, работая по совместительству в других учебных заведениях, набрали столько учебной нагрузки, что научной работой совсем не занимаются»[311;69;2707;65].

В начале 3-й пятилетки вновь встал вопрос об организации единого центра по руководству учебными заведениями в регионе. В октябре 1938 г. в записке в наркомпрос РСФСР заведующего отделом школ Новосибирского обкома ВКП (б) отмечалось, что только в Новосибирской области имеется 14 вузов, 38 техникумов и 26 научно-исследовательских институтов, и для координации их действий целесообразно учредить представительство Всесоюзного комитета по делам

высшей школы в Новосибирске [318;2;249;8], однако решение этого вопроса затянулось и не получило развития.

На многие из перечисленных причин низкой постановки исследовательской работы было обращено внимание Первого Всесоюзного совещания работников высшей школы, состоявшегося в мае 1938 г. в Москве. Совещание обратилось к правительству страны «поддержать устремления советских ученых в создании передовой социалистической науки». В 1939 г. западносибирские педагогические вузы впервые получили фонды на бумагу для осуществления издательской деятельности, были увеличены бюджетные ассигнования на научную работу. В том же году вышел в свет первый выпуск «Учёных записок» Томского пединститута. Одиннадцать помещённых в сборнике статей были посвящены естественнонаучной и физико-математической проблематике. Подготовленный в 1940 г. к печати второй выпуск «Ученых записок» содержал 22 статьи по проблемам педагогики, истории, литературы и русского языка.

К концу 30-х годов относится начало проведению в западно-сибирских педвузах научных конференций и первого опыта привлечения студентов к самостоятельной исследовательской деятельности. С 1936 г. в Тюменском педагогическом институте начали регулярно проходить научно-практические конференции по математике [260;9]. В 1937 г. прошла первая научная конференция в Томском пединституте, на которой были заслушаны два доклада: доцента Г.Н. Блинкова «Взаимоотношение между высшими растениями и азобактером» и доцента Ф.Ф. Шамахова «Средняя школа Сибири в период русской революции 1905-1907 годов». Там же с большим успехом состоялась в 1940 г. 2-я научная конференция с участием студентов [257;11]. В 1936-1939 гг. по согласованию с Академией наук СССР была проведена научная экспедиция преподавателей Тюменского педагогического института – ботаников, геологов, зоологов в район рек Надым и Тори-Яун. После экспедиции преподаватель А.Д. Шаронов подготовил кандидатскую диссертацию об орнитофауне Сургутского района, ботаник В.С. Михайличенко – о лесной растительности бассейна реки Тори-Яун,

геолог М.М. Фрадкин – работу об оледенениях в Западносибирской низменности. В 1939-1940 гг. профессор кафедры географии Ю.П. Иорданский и доцент кафедры биологии В.С. Михайличенко организовали студенческую экспедицию по изучению природных условий Западной Сибири. Обработка полученных результатов, научный отчет об экспедиции явились для студентов хорошей исследовательской школой. Профессора Омского пединститута В.Ф. Семенов, Л.К. Долматов, занимаясь экспериментальной работой с членами студенческого естественнонаучного кружка, выступили с ее обобщением в печати в соавторстве со студентами [311;70;8936;1956].

В содержании научной работы педагогические вузы все более ориентировались на оказание практической помощи школьным учителям, вооружению их новейшими достижениями педагогической науки. Мерам по реализации этой задачи, а также активизации исследований в области общей педагогики и частных методик способствовала подготовка и проведение в Новосибирске в январе 1941 г. Первой областной научно-педагогической конференции [323;1;68;]. Активное участие в ней приняли преподаватели Томского и Новосибирского пединститутов, Томского университета. Конференция проходила с участием трехсот делегатов от общеобразовательных школ области. По темам: «Методы воспитания сознательной дисциплины в советской школе» и «Успешное преподавание физики, химии, естествознания, математики и географии в связи с необходимостью дать учащимся практические навыки» на пленарных заседаниях и в работе секций было заслушано 66 докладов и сообщений учителей с обобщением своего педагогического опыта. На конференции было представлено также 12 научных докладов преподавателей педвузов области и института усовершенствования учителей. Их выступления касались роли совершенствования методики преподавания в школе, а также значения экскурсий, практических наблюдений в успешном преподавании географии и естествознания, методики анализа уровня знаний учащихся по математике при поступлении в вузы.

Таким образом, в течение 30-х гг. XX века проблема обеспеченности педвузов научными кадрами в полной мере не была решена. Причинами этого являлись узость базы для подготовки научных кадров в Сибири, отсутствие до 1940 г. аспирантур в педагогических вузах, а также слабый приток аспирантов и преподавателей из Европейской части России. Политика «подстегивания» научных кадров не приводила к «прорыву» в научной активности и лишь к концу 30-х гг. можно констатировать появление первых значимых результатов в исследовательской деятельности педвузов.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

1. Процесс комплектования студенческого состава педагогических учебных заведений Западной Сибири в 30-е годы проходил в условиях его глубокой противоречивости. Формирование состава учащихся и студентов с акцентом на усиление пролетарско-партийного ядра студенчества педвузов и педтехникумов без учёта требований к уровню академической готовности поступающих в совокупности с «чистками» студенческого состава приводило к ускоренному наполнению ученического контингента без создания при этом необходимых материальных и организационно-технических условий для их обучения. Это, в свою очередь, вызывало большой отсев, замедляло процесс укомплектования школ педагогическими кадрами.

2. Недостаток преподавательских и научно - педагогических кадров педагогических учебных заведений приводил к массовому совместительству, перегрузке учебной и общественной работой и, как следствие, невозможности систематически заниматься научной работой.

3. Большой урон делу народного образования нанесли политические репрессии 30-х годов, в результате которых значительная часть преподавателей и научных работников была утрачена. В результате произошедших в 1937-38 гг. репрессий значительно снизился уровень обеспеченности педвузов и училищ преподавательскими кадрами. Чрезмерная учебная нагрузка на работавших профессоров и доцентов не позволяла заниматься научной деятельностью. В связи с создавшимся дефицитом научно - педагогических кадров, массовый характер приобрело совместительство, а также привлечение к преподавательской деятельности теоретически и методически неподготовленных «вчерашних» студентов-выпускников.

4. Рост сети учреждений педобразования привёл к значительному увеличению численности преподавательского корпуса. В педагогические коллективы влились молодые научные кадры, главным образом, из числа вчерашних аспирантов, студентов-выдвиженцев. В связи с завершением процесса

«пролетаризации» студенческого состава и «чистки» профессорско-преподавательского корпуса, государственная власть переходит к единому принципу комплектования учебных заведений на основе конкурсных испытаний, а также к существенному расширению системы вечернего и заочного обучения.

5. В период 30-е гг. XX века были заложены основы новой, советской, педагогической науки и сохранена преемственность с научными исследованиями в области педагогики в XIX веке. В учебных заведениях восстанавливался приоритет образовательного процесса над общественно-политической деятельностью, повышалась роль учителя, преподавателя и научного работника.

6. Политика активного формирования армии педагогических работников была подчинена общим задачам модернизации страны. Задачей, которая была обозначена И.В. Сталиным как стратегическая: «мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет, либо нас сомнут»¹. Вполне вероятно, что в создавшихся условиях вариант постепенного, размеренного и сбалансированного развития системы педагогического образования для СССР оказывался невозможным. Шанс «догнать и перегнать» мог быть реализован лишь всемерным вовлечением широких масс населения в социалистическое строительство. Вся деятельность педагогических учреждений эпохи 30-х годов была подчинена главной задаче - подготовке достаточного количества учителей как базового звена подготовки кадров, необходимого для успешной модернизации страны.

7. К началу Великой Отечественной войны была выстроена советская система педагогического образования. В известной мере выполнение этой задачи происходило методами «военного коммунизма», государственная власть полностью регламентировала весь комплекс вопросов по реализации всеобщего обучения от ученической скамьи до профессорской кафедры. Тем самым была сформулирована и реализована модель педагогического образования, которая действовала на протяжении всей последующей советской эпохи.

8. В ответ на энтузиазм и лояльность, ставшими неотъемлемыми качествами советского педагога, государственная власть создавала величественный образ советского учителя и учительской профессии. В 30-е гг. XX века были выработаны основные направления развития советской педагогики и системы образования, эффективность которых была доказана в последующие годы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение истории педагогического образования в Западной Сибири в 1930-1941 гг. актуально как с точки зрения исследования процесса культурного строительства в регионе, так и с точки зрения потребности современного образования. На основе анализа научных и архивных материалов, освещающих опыт развития педагогического образования в Западной Сибири в 1930-1941 гг., обоснована важность изучения и использования исторического опыта для развития современной педагогической науки и практики.

В процессе исследования истории педагогического образования в Западной Сибири в период 1930-х гг. решались следующие задачи: были исследованы социально-экономические предпосылки организации сети педагогических вузов и техникумов (училищ); проанализированы основные компоненты и структура педагогического образования: организация набора студентов в педагогические учебные заведения, кадровое обеспечение учреждений педагогического образования, повышение профессиональной квалификации преподавательского состава, постановка научной работы в педагогических вузах и состояние учебно-материальной базы учреждений педагогического образования.

В результате теоретического анализа проблем, связанных с форсированным преобразованием системы образования в 30-е гг. XX века, было выявлено, что реформа образования явилась одной из ключевых в деле успешного осуществления социально-экономической модернизации СССР, ликвидации культурной отсталости страны и подготовки кадров специалистов в исторически сжатые сроки.

В ходе радикальных преобразований в период 1930-х гг. в стране сложилась цепь взаимообусловленных задач: глобальная реконструкция в экономической сфере вызвала потребность в новых специалистах, которая, в свою очередь, могла быть решена посредством их ускоренной подготовки в вузах и техникумах.

В процессе исследования выявлено, что учреждения профессионального образования, на которые возлагалась задача насыщения народного хозяйства

необходимым количеством специалистов, оказались не готовы обеспечить требуемые объёмы подготовки специалистов вследствие узости базы набора – недостатка молодежи с соответствующим уровнем образования, выпускников общеобразовательных школ. Выход из создавшегося положения виделся в скорейшем введении в стране всеобщего обязательного обучения детей, которое бы радикально увеличивало ученические контингенты школ. Сжатость сроков выполнения задачи подготовки квалифицированных кадров диктовала необходимость введения всеобуча не только в объёме начальной, но и семилетней, и средней школы. Для решения этой проблемы, наряду с мобилизацией дополнительных финансовых и материальных ресурсов, строительством школ, требовалось многократное увеличение численности школьных учителей.

Этот императив, в свою очередь, вызывал необходимость ускоренного развития сети учреждений педагогического образования. Таким образом, реформа в области образования явилась важнейшей частью программы глобальной модернизации страны в годы первых пятилеток, а подготовка педагогических кадров – одним из главных условий успешной реализации реформ в образовании.

Введение в СССР закона о всеобщем начальном обучении в 1930 г. стимулировало развитие системы подготовки педагогических кадров и организацию в стране десятков новых педагогических вузов, в том числе появление высшего педагогического образования в Западной Сибири. В исследуемый период начали свою деятельность Томский, Тюменский, Омский, Новосибирский, Барнаульский педагогические институты. Несмотря на многочисленные трудности и лишения первых лет существования, ни один из них не прекратил своей деятельности. Сеть педагогических техникумов (училищ), пройдя сложный эволюционный путь, увеличилась за период 1930 -1941 гг. более чем в два раза. В период 1930-х гг. получила развитие система подготовки специалистов общественного дошкольного воспитания. К концу исследуемого периода сложившаяся система педагогического образования в Западной Сибири обрела

устойчивую внутреннюю структуру, позволившую обеспечивать выполнение возложенных на неё задач по подготовке кадров народного образования.

В результате исследования была выявлена специфика деятельности сети сибирских учреждений педагогического образования. Она заключалась в сложившихся трудностях, вызванных малограмотностью и многонациональностью населения региона, территориальной разобщённостью населённых пунктов, отдаленностью от крупных культурных центров страны, суровыми природно-климатическими условиями, низкой материальной обеспеченностью педвузов и техникумов, тяжелыми материально - бытовыми условиями преподавателей и студентов.

В процессе изучения проблемы исследования установлено, что важнейшей и наиболее сложной задачей по обеспечению успешной деятельности учреждений педагогического образования в период 1930-х годов являлось формирование штатного преподавательского состава педвузов и педучилищ. Для её успешного разрешения предпринимались меры по направлению в Западную Сибирь для постоянной работы выпускников аспирантур вузов городов Москвы и Ленинграда, а также наиболее способных выпускников Томского университета, к середине 1930-х гг. получила развитие подготовка специалистов в аспирантурах сибирских вузов. Большое значение по закреплению научно-педагогических кадров, повышению их профессиональной квалификации и стимулированию научной деятельности сыграли принятые постановления СНК СССР «Об учёных степенях и званиях» (1934 г.), СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» (1936 г.). Приведенные в диссертации статистические данные наглядно свидетельствуют об устойчивой тенденции к росту численности и уровня квалификации преподавательского состава учреждений педагогического образования Западной Сибири к концу исследуемого периода.

В ходе исследования выявлено, что в содержании государственной политики в области формирования контингента студентов и учащихся, отбора для

поступления в педвузы и техникумы сохранялось характерное доминирование, особенно в первой половине 1930-х гг., приоритетов при зачислении в пользу лиц рабоче-крестьянского происхождения, партийно-комсомольской принадлежности и «идеологической выдержанности». Эта политика создавала искусственные препятствия на пути в вузы и техникумы способной молодёжи из не рабоче-крестьянской среды, чем наносился вред делу подготовки педагогических кадров. С другой стороны, государством создавались условия для реального доступа к профессиональному образованию представителей ранее угнетаемых категорий населения.

Установлено, что содержание научной деятельности педагогических вузов в области педагогики в тридцатые годы было подчинено политике государства, всё в большей мере проявлялось стремление придать научным исследованиям исключительно прагматическую направленность. Партийный диктат в содержании научных исследований привёл к ликвидации перспективных научных направлений в области педагогики, педологии, теории воспитания, выработке концепции советской школы. В Западной Сибири с введением всеобуча процесс становления педагогического Исторически прогрессивные задачи культурного строительства: введение всеобуча, обеспечение доступности для населения профессионального образования, стремление следовать лучшим традициям отечественной педагогики входили в глубокое противоречие с методами, характерными для эпохи тридцатых годов. Если в дооктябрьский период, согласно проектам Лиги образования, необходимость разрешения проблемы неграмотности населения России обосновывалась потребностями в первую очередь общегуманитарного порядка, как фактора культурного прогресса общества, то в тридцатые годы задача введения всеобуча рассматривалась, прежде всего, как средство радикальных хозяйственных преобразований в стране.

Таким образом, к началу 1940-х годов в Западной Сибири была выстроена стройная вертикаль системы педагогического образования. Правильность

выбранных форм педагогического образования прошла испытание временем и действовала на протяжении всей советской эпохи. Это доказывает, что педвузы, педагогические училища были рождены реальными потребностями и историческими условиями общественной жизни. Государственная власть высоко ценила энтузиазм и лояльность советского педагога, активно поддерживала престижность учительской профессии и создавала возможности для повышения педагогической квалификации. При всех своих недостатках, государственная политика в сфере образования имела широкую поддержку населения и социальную опору в педагогических коллективах страны и массах талантливой молодежи, для которой был открыт путь к знаниям и профессии. В 30-е гг. XX века в СССР были заложены основы одной из лучших, как покажет время, систем образования в мире, эффективность которой была доказана в военный период и в последующие годы.

Выявлено, что реконструируя систему образования, руководство страны во многом вернулось к лучшим образцам дореволюционной российской школы, взяв ее лучшие черты и уже на этой основе были сформированы основные принципы деятельности советской образовательной системы, которая успешно работала на протяжении многих последующих лет.

Проведенное исследование позволяет резюмировать следующее:

1) серия реформ в сфере образования в 30-х гг. XX века являлась составной частью глобальной модернизации страны и важнейшим условием «борьбы за кадры», а также процесса формирования советского человека нового индустриального общества;

2) в 1930-е гг. задача введения всеобуча рассматривалась руководством страны, в первую очередь, как средство радикальных хозяйственных преобразований в стране;

3) проявления волонтаризма и репрессий в государственной политике в сфере высшей и средней профессиональной школы приводили к неоправданным политическим издержкам, нанеся тяжелый урон в деле становления и развития

вновь организованных учебных заведений педагогического образования Западной Сибири;

4) период 1930-х годов стал важной вехой, заложившей прочный фундамент развития советской системы высшего педагогического образования;

5) к концу исследуемого периода в Западной Сибири действовали все типы педагогических учебных заведений, что послужило основой формирования единой системы учреждений педагогического образования. Созданные при этом учебные заведения явились необходимой базой, на которой впоследствии реализовалась возможность наполнения школьных учреждений квалифицированными специалистами народного образования;

6) народный комиссариат по просвещению РСФСР, взяв за основу лучшие традиции отечественной школы, несмотря на сложность перипетий становления, смог выстроить эффективную структуру советской образовательной системы и преемственных линий от начальной до высшей школы, от ученика до академика;

7) эффективность использования опыта модернизации педагогического образования в Западно-Сибирском регионе России в годы первых пятилеток будет предопределяться с условием учёта таких факторов как:

- обязательное общественное признание приоритетности педагогического образования и его государственная поддержка;

- понимание модернизации педагогического образования как процесса программирования развития личности;

- повышение компетентности педагогов в области современных образовательных технологий;

- развитие информационно-образовательной среды учебных заведений;

- улучшение технологического и учебно-методического насыщения образовательного процесса.

На основе анализа научных и архивных материалов, отражающих опыт педагогического образования в Западной Сибири в 1930 - 1941 гг., в свете

современной педагогической теории и практики обоснована важность использования педагогического наследия для современного образования.

Таким образом, задачи, поставленные в диссертации, решены. Материалы настоящего исследования не претендуют на исчерпывающее исследование проблем истории развития отечественного педагогического образования в 1930-е годы. Перспективы его изучения видятся в дальнейшем развитии научно-педагогических исследований, направленных на выявление механизмов организации и содержания деятельности органов государственной, региональных властей, опыта отдельных педагогических коллективов по развитию системы педагогического образования, обеспечению подготовки специалистов сферы образования с высокой гражданской ответственностью и профессиональной подготовкой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. – сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.). Справочник. – Новосибирск: Западно-Сибирское книж. изд. 1966. – 220 с.
2. Аитов, Н.Х. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по решению проблемы педагогических кадров в предвоенные годы / Н.Х. Аитов // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и дальнего Востока. – Новосибирск: НГПУ, 1968. – С. 176-183.
3. Аитов, Н.Х. Партийное руководство набором студентов в высшие учебные заведения Сибири в предвоенные годы / Н.Х. Аитов // Партийные организации во главе культурного строительства. – Новосибирск: НГПУ, 1982. – 160 с.
4. Алексинский, М. На боевые темпы / М. Алексинский // За педагогические кадры. – 1931. – №1. – С.1-4.
5. Анашкин, Э.Н. Становление и развитие системы подготовки кадров для педагогических вузов и средней школы на Урале (1920-1941 гг.): автореф. дисс. канд. ист. наук (Текст) / Э. Н. Анашкин; Челябинский государственный педагогический университет: Челябинск, 2010. – 26 с.
6. Арсланов, В.Г. Ответы культуры на вызов времени. СССР, 30-е годы: Очерки / В.Г. Арсланов. – М.: НИИ теории и истории изобр. искусств, 1995. – 257 с.
7. Арсланов, В.Г. Становление и развитие системы подготовки кадров для педагогических вузов и средней школы на Урале (1920-1941): автореф. дисс. канд. ист. наук. (Текст) / В.Г. Арсланов; Уральский гос. ун-т: Екатеринбург, 2010. – 30 с.
8. Базанов, А.Г. Узкие места всеобуча в Западно-Сибирском крае / А.Г. Базанов // Просвещение Сибири. – 1930. – № 9-10. – С. 69-70.
9. Балбеко, А.М. Формирование профессорско-преподавательских кадров высшей школы Западной Сибири в годы переходного периода от капитализма к социализму (1917-1936) / А.М. Балбеко // Вопросы формирования и развития

- советской социалистической интеллигенции: Сб. статей. – Кемерово, 1974. – С. 45-65.
10. Барнаульский государственный педагогический институт (1933-1983 гг.). – Барнаул: Барнаульский государственный педагогический институт, 1983. – 180 с.
11. Бейлинсон, Д.Б. О всеобщем дошкольном воспитании / Д.Б. Бейлинсон. – М-Л.: Гос. учебно-педагогич. изд-во, 1932. – 156 с.
12. Бейман, Л. Педагогические учебные заведения Западно-Сибирского края на новых путях / Л. Бейман // Просвещение Сибири. Новосибирск. – 1930. – № 9-10. – С. 20-26.
13. Бим-Бад, Б.М. Что такое философия истории педагогики ?/ Б.М. Бим-Бад // Историко-педагогическое знание в начале третьего тысячелетия: истоки, проблемы, перспективы (Текст): материалы Всеросс. науч. конф. 5-6 декабря 2005 года. – М., 2005. – 214 с.
14. Богданов, А. Дошкольное воспитание в Кузбассе / А. Богданов // Просвещение Сибири. – 1931. – № 7-8. – С. 30-37.
15. Богуславский, М.В. Методология, содержание и технологии образования (историко-педагогический контекст) (Текст): монография / М.В. Богуславский. – М.: Научная книга, 2011. – 222 с.
16. Богуславский, М.В. Разработка и реализация вариативных стратегий модернизации системы советского образования (1917-1930) (Текст) / М.В. Богуславский // Проблемы современного образования. – 2015. – № 4. – С. 52-62.
17. Богуславский, М.В. Стратегии модернизаций отечественного образования XX века: методологические аспекты (Текст) / М.В. Богуславский // Непрерывное образование. – 2014. – вып. 2. – С. 6-10.
18. Богуславский, М.В. XX век российского образования (Текст) / М.В. Богуславский. – М.: ПЕР СЭ. 2002. – 336 с.
19. Богуславский, М.В. Кудряшёв А.В., Милованов К.Ю. Стратегии реформирования и модернизации российского образования в первой трети XX века: монография (Текст) / М.В. Богуславский, А.В. Кудряшёв, К.Ю. Милованов. –

ред. М.В. Богуславский. – М.: ФБГНУ ИСРО РАО, 2017. – 170 с.

20. Бозиев, Р.С. Отечественная педагогика и образование: между прошлым и будущим (Текст) / Р.С. Бозиев, А.И. Донцов // Педагогика. – 2016. – № 1. – С. 3-11.
21. Бордюгов, Г.А., Диалектика теории и практики социалистического строительства. К вопросу о деформациях социализма (Текст) / Г.А. Бордюгов, В.А. Козлов // История СССР. – 1989. – № 6. – С. 87-90.
22. Бордюгов, Г.А., Козлов, В.А. История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества (Текст) / Г.А. Бордюгов, В.А. Козлов. – М.: Политиздат, 1992. – 352 с.
23. Борисова, И.Б. Становление и развития системы педагогического образования в Западной Сибири в 1920-1941 гг. / автореф. канд. ист. наук(Текст)/ И.Б. Борисова; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2001. – 25 с.
24. Борткевич, М. На фронте подготовки кадров (итоги ноябрьского совещания завпедтехникумами Запсибкрая) / М. Борткевич // Просвещение Сибири. – 1930. – № 11. – С. 98-123.
25. Борьба за культуру – борьба за социализм. Материалы Крайсовнарпроса к 1(4) съезду Советов Западно-Сибирского края. – Новосибирск, 1931. – 31 с.
26. Бубнов, А.С. О реформе высшей школы / А.С. Бубнов // Профтехническое образование. – 1930. – №1. – С. 5-13.
27. Бубнов, А.С. О системе народного образования. Речь на II Всесоюзном партийном совещании по народному образованию (Текст) / А.С. Бубнов // Педагогическое образование. – 1930. – № 5. – С.6-30.
28. Бубнов, А.С. Основные направления борьбы за подъем советской школы и педагогического образования (Текст) / А.С. Бубнов // Педагогическое образование. – 1936. – № 4. – С. 90-104.
29. Бубнов, А.С. Статьи и речи о народном образовании (Текст) / А.С. Бубнов. – М.: Акад. пед. наук РСФСР, 1959. – 416 с.
30. Булыкин, А.М. Эволюция ценностей высшего педагогического образования:

историко-теоретический аспект (Текст) / А.М. Булыкин. – М., 1998. – 266 с.

31. Бюллетень народного комиссариата по просвещению РСФСР. 1930 - 1934 гг.

32. Васильев, К.И. Очерки по истории высшего педагогического образования в РСФСР (1918-1932 гг.) (Текст) / К.И. Васильев. – Воронеж: Центр.-Черноземное кн.изд., 1966. – 294 с.

33. Васильев, К.И. Подготовка учителя широкого профиля в истории высшего педагогического образования (Текст) / К.И. Васильев // Высшая педагогическая школа на новых путях. – 1961. – С. 65-78.

34. Вихирев, Н.В. Борьба за культуру. Пятилетка советского просвещения в Сибкрае / Н.В. Вихирев. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. – 62 с.

35. Вихирев, Н.В. На подъеме культурной революции / Н.В. Вихирев. – Новосибирск: Огиз Зап-Сиб. отделение, 1931. – 26 с.

36. Вихирев, Н.В. О состоянии народного просвещения в крае / Н.В. Вихирев // Просвещение Сибири. – 1929. – № 2. – С.18-23.

37. Вихирев, Н.В. Среднее профессиональное образование Сибирского края / Н.В. Вихирев // Массовое профессиональное образование. – 1928. – № 7-8. – 6-10.

38. Вихирев, Н.В., Глебов М. На новом этапе культурного строительства / Н.В. Вихирев, М. Глебов. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. – 28 с.

39. Войтеховская, М.П. История развития педагогического образования в Сибири (Текст) / М.П. Войтеховская // Педагогика. – 2002. – № 10. – С. 79-84.

40. Войтик, П.Д. Крупская в Сибири (Текст) / П.Д. Войтик // Народное образование. – 1965. – № 2. – С. 91-93.

41. Воробьев, И. На фронте педагогической науки / И. Воробьев // Просвещение Сибири. – 1930. – №9-10. – С.13-15.

42. Всеобщее обучение, ликвидация неграмотности и подготовка кадров (Текст). Стат. очерк. - М.: Гос. план.-хоз. изд. Планхозгиз, 1930. –164 с.

43. Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 года. В 2 томах. – М.: Гос. план.-хоз. изд-во, 1930. – Т. 1. – 727 с.

44. Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917 - 1941) /

(Текст). Наука. Сибирское отделение. – 1980. – 368 с.

45. Гайдамакин, А.В. Власть и реорганизация высшей и средней сельскохозяйственной школы Западной Сибири (середина 20-х – 30-е годы XX столетия) (Текст) / А.В. Гайдамакин. – Омск: ОмГПУ, 2005. – 189 с.

46. Галкин, К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР / Под ред. Н.А. Константинова. – М.: Советская наука, 1958. – 176 с.

47. Гараевская, И.А. «Мы будем штамповать интеллигентов». (Из истории образовательной политики в годы первых пятилеток) (Текст) / И.А. Гараевская // Высшее образование в России. – 1994. – № 2. – С. 147-153.

48. Гинтовт, А.С. Научно-исследовательская работа педагогических институтов / А.С. Гинтовт // Педагогическое образование. – 1936. – № 6. – С. 2-21.

49. Гончаров, Л.Н. Школа и педагогика США до второй мировой войны. Исторический очерк (Текст) / Л.Н. Гончаров. – М.: Педагогика, 1972. – 320 с.

50. Григорьев, П. Проблема всеобщего начального обучения в РСФСР (Текст) / П. Григорьев // Народное просвещение. – 1928. – №6. – С. 2-21.

51. Гришаев, В. «Дело» барнаульских учителей. 30-е годы (Текст) / В. Гришаев // Алтайская правда. – 1993. – 16 января. – С.10.

52. Гришанов, П.В. Партийное руководство развитием высшего педагогического образования в 1927-1937 гг. (Текст) / П.В. Гришанов // Партийное руководство высшей школой СССР. Межвузовский сборник научных трудов. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1982. – 144 с.

53. Груздев, П.Н. О новой системе и структуре педобразования (Текст) / П.Н. Груздев // Народное просвещение. – 1930. – № 7-8. – С. 28-31.

54. Гузеева, В. Эйхе: фанатизм и трагедия (Текст) / В. Гузеева // Советская Сибирь. – 1989. – 25 августа. С. 3.

55. Данилова, Л.Н. История непрерывного педагогического образования в России (конец XIX – начало XX века) (Текст) / Л.Н. Данилова // Ученые записки Забайкальского гос. ун-та. Серия: Педагогические науки. – 2017. – Т.12. – № 5. – С. 134-142.

56. Данилюк, А.Я. Принципы модернизации педагогического образования (Текст) / А.Я. Данилюк // Проблемы современного образования. – 2010. – № 3. – С. 13-21.
57. Дедюшина, Н.А. Подготовка научно-педагогических кадров в сибирских вузах (1920-1941 гг.) (Текст) / Н.А. Дедюшина // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917-1941 гг.). – Новосибирск, 1980. – С. 336-359.
58. Дезен, А. Положение с кадрами в Сибири в 1929-1930 гг. (Текст) / А. Дезен // Жизнь Сибири. – 1930. – № 1. – С. 23-29.
59. Дейнеко, М.М. 40 лет народного образования в СССР (Текст) / под ред. М.Ф. Шабаровой. – М.: Учпедгиз, 1957. – 276 с.
60. Джурицкий, А.Н. Педагогика: история педагогических идей: уч. пособие (Текст) / А.Н. Джурицкий. – М.: Педобщество России, 2000. – 352 с.
61. Директивы ВКП(б) и постановления советского правительства о народном образовании. Сборник док. за 1917-1947 гг. (Текст) / сост. Н.И. Болдырев. – М.-Л.: Академия пед. наук РСФСР, 1947. – 342 с.
62. Директивы ВКП(б) и постановления советского правительства по вопросам просвещения. (Текст) / Народный комиссариат просвещения РСФСР. – М.-Л., 1931. – 479 с.
63. Днепров, Э.Д. Новейшая политическая история российского образования: опыт и уроки (Текст) / Э.Д. Днепров. – М.: Мариос, 2011. – 456 с.
64. Доброхотов, С. Педтехникумы – на службу социалистическому строительству (Текст) / С. Доброхотов // Коммунистическое просвещение. – 1931. – №5. С. 26-28.
65. Дроздов, С. Высшая педагогическая школа на рубеже двух пятилеток (Текст) / С. Дроздов // Коммунистическое просвещение. – 1933. – № 4. – С. 32-34.
66. Дроздов, С. Итоги первой пятилетки высшего педагогического образования в РСФСР (Текст) / С. Дроздов // За педагогические кадры. – 1932. – № 4-5. – С. 98-123.
67. Духовный, И.М. Высшая педагогическая школа РСФСР (Текст) / И.М.

Духовный // Советская педагогика. – М., 1937. – № 4. – С. 65-87.

68. Дымент, М.Е. Государственные экзамены в педагогических институтах (Текст) / М.Е. Дымент // Педагогическое образование. – 1936. – № 3. – С. 11-13.

69. Дымент, М.Е. Неотложные задачи педагогических институтов (Текст) / М.Е. Дымент // Педагогическое образование. – 1936. – №1. – С. 34-54.

70. Ефременко, Л.М. О подготовке научно-педагогических кадров (Текст) / Л.М. Ефременко // Профтехническое образование. – 1930. – № 11. – С. 34-37.

71. Ефременко, Л.М. Реорганизация педагогического образования (Текст) / Л.М. Ефременко // Народное просвещение. – 1930. – № 3. – С. 76-89.

72. Жданов, В. Боевые задачи педпрактики и квалификации учителя (Текст) / В.Жданов // Просвещение Сибири. – 1930. – № 2. – С. 9-12.

73. Журавлёва, Г.И. Комсомол – активный помощник партии в подготовке учительских кадров в период строительства фундамента социализма 1926-1932 гг. (На материалах РСФСР): автореф. дисс. канд. ист. Наук (Текст) / Г.И. Журавлёва; Московский государственный педагогический институт им. Ленина. – М., 1973. – 26 с.

74. Журавлёва, Г.И. Роль ленинского комсомола в подготовке учительских кадров в период строительства социализма (1926-1937 гг.) (Текст) / Г.И. Журавлева // Молодая гвардия. – 1973. – № 3. – С. 43-55.

75. За перестройку научной работы (Текст) // Педагогическое образование. – 1936. – № 2. – С.5-8.

76. Завацкая, М.А. Средняя педагогическая школа в РСФСР за 30 лет Советской власти: автореф. дисс. канд. пед. наук (Текст) / М.А. Завацкая; Академия педагогических наук. Научно-исследовательский институт теории и истории педагогики. – М., 1949. – 28 с.

77. Загорский, Н. Классовая борьба в сибирских вузах. (Очерки) (Текст) / Н. Загорский. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. – 104 с.

78. Зайченко, П.А. Томский университет им. В.В Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880-1955) (Текст) / П.А. Зайченко. – Томск: Томский государственный университет, 1960. – 478 с.
79. Зак, Л.М. Строительство социалистической культуры в СССР (1933-1937 гг.). автореф. докт. ист. наук (Текст)/ Л.М.Зак; Институт истории АН СССР. – М., 1967. – 44 с.
80. Зак, Л.М. Строительство социализма в СССР. Историографический очерк (Текст) / Л.М. Зак. – М.: Мысль, 1971. – 318 с.
81. Западно-Сибирский край в новых границах и цифрах. Краткий статистический справочник. – Новосибирск: Зап.-Сиб. КУНХУ, 1935. – 185 с.
82. Западно-Сибирский край к VIII чрезвычайному Всесоюзному съезду Советов. – Новосибирск, Запсбкрайиздат. 1936. 36 с.
83. Западно-Сибирский край. Города и районы. Основные показатели / Под ред. В.Ф. Тиунова. – Новосибирск: Запсибкрайиздат, 1936. – 376 с.
84. Западно-Сибирский край. Материалы по экономике края. – Новосибирск: Огиз, 1932. – 541 с.
85. Иванов, А.Е. Учёное достоинство Российской империи. XV111 – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы (Текст) / А.Е. Иванов. – М.: Новый хронограф, 2016. – 656 с.
86. Из истории культурного строительства в Тюменской области: Сб. документов. 1918-1975 гг. (Текст) / сост. Д.И. Копылов и др. – Свердловск: Сред. урал. кн. изд., 1980. – 391 с.
87. Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1930. – №6.
88. Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова. Краткий исторический очерк. (Текст) – Иркутск: Б.и, 1978. – 171 с.
89. Исаева, М.Н. Развитие высшего педагогического образования в Германии в XX веке (Текст) / М.Н. Исаева. – М., 1989. – 195 с.
90. Историография культуры и интеллигенции советской Сибири. (Текст) / Новосибирск: Изд. Наука, 1978. –346 с.

91. История Сибири. В 5 т. Т.4. Сибирь эпоху социализма (Текст) / Под ред. И.М. Разгона. –Новосибирск, 1965. – 825 с.
92. Итоги Всесоюзной школьной переписи 15 декабря 1927 года и текущего обследования народного образования 1 декабря 1928 года в Сибирском крае (Текст) / Барнаул: Изд. «Красный Алтай», 1929. – 187 с.
93. Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Западной Сибири за первое пятилетие (1928-1932 гг.) (Текст) / Новосибирск: ЗСКИК, 1934. – 175 с.
94. К вопросу о всеобщем обучении в Сибирском крае. Сибирская краевая комиссия по введению всеобщего обучения. (Текст)– Новосибирск, 1927. – 80 с.
95. Кадры науки советской Сибири: проблемы истории. (Текст) – Новосибирск: Наука, 1991. – 220 с.
93. Кайгородова, О.Л. К вопросу о реформе вузов в начале 30-х годов (Текст) / О.Л. Кайгородова // Образование и наука в Сибири. Тезисы докладов и сообщений конференции 19-20 января 1983 г. – Новосибирск, 1983. – 177 с.
96. Калининкова, Н.Г. Педагогическое образование в России: уроки истории (Текст) / Н.Г. Калининкова // Вопросы образования. – 2005. – №4. – С. 304-318.
97. Кафтанов, С.В. Высшее образование в СССР (Текст) / С.В. Кафтанов. – М.: Молодая гвардия, 1950. – 119 с.
98. Кириллова, С.А. Руководство партийных организаций Дальнего Востока развитием высшего образования (1936 – июнь 1941): автореф. дисс. канд. ист. наук (Текст) / Кириллова; Уральский государственный университет им. А.М. Горького. – Свердловск, 1980. – 18 с.
99. Клейменов, В.И., Слостенин, В.А. Становление и развитие высшей школы (Текст) / В.И. Клейменов, В.А. Слостенин // Научные труды Тюменского пединститута. Вып. 8. Школа Тюменской области. – Тюмень, 1968. – С. 9-17.
100. Кликушин, М.В. Формирование научной интеллигенции Сибири в годы первых пятилеток (1928-1941): автореф. дисс. канд. ист. наук: (Текст) / Новосибирский государственный университет им. Ленинского комсомола. –

Новосибирск, 1991. – 20 с.

101. Климина, А.В., Лельчицкий, И.Д. Тенденции поиска образа школы будущего в отечественной педагогике начала XX века (Текст) / А.В. Климина, И.Д. Лельчицкий, // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2013. № 2. С. 209-217.

102. Ковчegov, Е.И., Макаренко, Д.Н. Первые шаги нашего вуза (Текст) / Е.И. Ковчegov, Д.Н. Макаренко // Вестник Тюменского гос. университета. – 1998. – № 1. – С. 227-228.

103. Козлова, А.Ф. Развитие системы педагогического образования в Красноярском крае за годы Советской власти (1917-1967) (Текст) / А.Ф. Козлова // Народное образование в Красноярском крае за годы Советской власти: Сб. статей. – Красноярск, 1970. – С. 44-48.

104. Колесова, А.К. Вопросы педагогического образования в периодике 30-х гг. (Текст) / А.К. Колесова // Теория и практика высшего педагогического образования: Сб. статей. – М., 1986. – 178 с.

105. Коллегов, А.К. Диверсификация как основная тенденция развития высшего педагогического образования в России (Текст) / А.К. Коллегов // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2010. – № 4. – С.12-16.

106. Кольцов, А.В. Культурное строительство в РСФСР в годы первой пятилетки (1928-1932) (Текст) / А.В. Кольцов. – М.-Л.: АН СССР, 1960. – 208 с.

107. Кондратьев, А. В борьбе за кадры (Текст) / А. Кондратьев // Просвещение Сибири. – 1930. – №7-8. – С. 27-40.

108. Кондратьев, А. Очередные задачи культурного строительства (Текст) / А. Кондратьев // Просвещение Сибири. – 1930. – № 1. – С.13-15.

109. Коновалова, Н.В. Вопросы идейно-политического воспитания студентов западносибирских вузов в 1920-1937 гг. (Текст) / Н.В. Коновалова // Вопросы историографии и источниковедения истории партийных организаций Сибири: Сб. научных трудов / ред. Б.М. Шерешевский. – Новосибирск, 1975. – С. 84-92.

110. Контрольные цифры Наркомпроса РСФСР на 1930-31 год (Текст). – М.-Л.,

1930. – 38 с.

111. Контрольные цифры пятилетнего плана народного хозяйства и социально-культурного строительства РСФСР (1928/29-1932/33 гг.) (Текст) – М.: Мосполиграф, 1929. – Т.1-2. – 1360 с.

112. Королёв, Ф.Ф. Советская школа в период социалистической индустриализации (Текст) / Ф.Ф. Королев. – М.: Учпедгиз, 1959. – 320 с.

113. Косцова, Л.В. Динамика состава Сибирского студенчества в 1920-е гг. (Текст) / В. Косцова // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917-1941 гг.). – Новосибирск, 1980. – С. 219-248.

114. Кочурина, С.А. Проблемы историографии истории профессионально-педагогического образования в России (Текст) / С.А. Кочурина // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2000. – № 4. – 28-30.

115. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Издание девятое. В 8 т. Т. 5. М., – 1984. – 342 с.

116. КПСС во главе культурной революции СССР. – М.: Политиздат. – 1972. – 381 с.

117. Красильников, С.А., Сергеевых, Г.П. Ученые и политический режим в 30-е годы (по материалам Западной Сибири) (Текст) / С.А. Красильников, Г.П. Сергеевых // Кадры науки советской Сибири: проблемы истории. – Новосибирск: Наука, 1991. – 220 с.

118. Красовицкая, Т.Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века – начало (20-30 годы) XX века) (Текст) / Т.Ю. Красовицкая. – М.: Новый хронограф, 2011. – 680 с.

114. Крупская, Н.К. Педагогические сочинения: в 6 т. Т.5 – М.: Педагогика, 1980.

119. Кузнецов, И.Н. Массовые репрессии на территории Западной Сибири в 1930-е годы и реабилитация жертв террора: автореф. дисс. канд. ист. наук (Текст) / Томский государственный университет. – Томск, 1992. – 19 с.

120. Кузьмин, Н.Н. Учительские институты в России: (Лекции по истории педагогики) (Текст) / Н.Н. Кузьмин. – Челябинск: Челябинский пединститут, 1975.

– 41 с.

121. Кузюпа, Д. Педвузам повысить качество научно-исследовательской работы (Текст) / Д. Кузюпа // Педагогическое образование. – 1933. – № 6. – С. 8.
122. Культура и власть в СССР. 1920 – 1950-е годы: Мат-лы IX межд. науч. конф. Санкт-Петербург, 24-26 октября 2016 г.(Текст) – М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2017. – 741 с.
123. Культурная жизнь в СССР. Хроника (Текст) – М.: Наука, 1976. – 415 с.
124. Культурная революция и сталинизм (Текст) // Известия СО АН СССР. Серия «История, филология, философия». – Новосибирск, 1990. – № 1. – С. 3-24.
125. Культурное строительство в РСФСР. Документы и материалы (Текст) В 2 т. Т.2 (1928-1941). Часть 1. – М.: Сов. Россия, 1985. – 396 с.
126. Культурное строительство в РСФСР. (Текст) / Статистический сборник. – М.: Госстатиздат. – 1958. – 459 с.
127. Культурное строительство в Сибири. 1917-1941 гг. Сб. документов (Текст) / Под ред. В.Л. Соскина. – Новосибирск, 1979. – 367 с.
128. Культурное строительство в Сибирском крае (Текст) – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1928. – 109 с.
129. Культурное строительство на Алтае. 1917-1941. Документы и материалы (Текст) / сост. П.А. Бородкин. – Барнаул, 1980. – 360 с.
130. Культурное строительство в СССР. Стат. Сборник (Текст)/ – М. Изд. Госстатиздат, 1956. – 326 с.
131. Куманев, В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции (Очерки) (Текст) / В.А. Куманев. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
132. Куманев, В.А. Судьбы советской интеллигенции (30-е годы) (Текст) / В.А. Куманев // История СССР. – 1990. – № 1. – С.87-102.
133. Куманев, В.А., Куликова И.С. Противостояние: Крупская – Сталин (Текст) / В.А. Куманев, И.С. Куликова. – М.: Наука, 1994. – 253 с.
134. Куприянова, О.Б. Свёртывание перспективной подготовки научных кадров для системы образования в Сибири в 20-е годы (Текст) / О.Б. Куприянова // Кадры

- науки советской Сибири: Проблемы истории. – Новосибирск, 1991. – С. 71-75.
135. Лельчицкий И.Д. Школьное образование и образ учителя в России (вторая половина XIX – начало XX века): учебное пособие (Текст) / И.Д. Лельчицкий, В.М. Лобзаров - Тверь, 2014. – 155 с.
136. Локтин, А. Народное просвещение в 1929-1930 учебном году (Текст) / А. Локтин // Статистика Сибири. – 1930. – № 2. – С. 112-116.
137. Локтин, А. Подготовка кадров. Предварительные итоги обследования (Текст) / А.Локтин // Статистика Сибири. –1931. – №5. – С. 79-95.
138. Ломоносов, М.В. Для пользы общества (Текст) / М.В. Ломоносов. – М.: Сов. Россия, 1990. – 384 с.
139. Лукинский, Ф.А. Изменение численности и состава педагогических кадров школ Сибири и дальнего Востока в годы довоенных пятилеток (Текст) / Ф.А. Лукинский // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. – Новосибирск, 1976. – С. 15-31.
140. Лукинский, Ф.А. Народное образование в Сибири (1928-1941 гг.) (Текст) /Ф.А. Лукинский. –Новосибирск: Наука, 1982. – 223 с.
141. Лукинский, Ф.А. Народное образование в Сибири в период строительства социализма (Текст) / Ф.А. Лукинский // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Часть 1. – Новосибирск,1970. – С. 141-190.
142. Лукинский, Ф.А. Формирование сибирского отряда социалистической интеллигенции, подготовка кадров специалистов в Сибири в период строительства социализма (Текст) / Ф.А. Лукинский // Вопросы истории социально-экономической жизни Сибири. Часть 1. – Новосибирск, 1971. – С.190-235.
143. Луначарский, А.В. Месяц по Сибири (Текст) / А.В. Луначарский. – Л.: Тип. им. Володарского, 1929. – 94 с.
144. Луначарский, А.В. О педагогическом образовании (Текст)/ А.В. Луначарский // Народное просвещение. – 1926. – № 9. – С.3-6.
145. Луначарский, А.В., Халатов, А.Н. Вопросы культурного строительства

- РСФСР. Доклад на XIV Всероссийском съезде Советов (15 мая 1929 г.) (Текст) / А.В. Луначарский, А. Н. Халатов. – М.-Л.: Госиздат, 1929. – 143 с.
146. М. Я. О первом краевом совещании дошкольных штабов (Текст) // Просвещение Сибири. – 1930. – №3. – С.99-102.
147. Малаховский, В. Иркутский педагогический факультет (Текст) / В. Малаховский // Просвещение Сибири. – 1928. – № 10. – С. 30-32.
148. Матвеева, М.А. Деятельность Наркомпроса РСФСР по руководству подготовкой педагогических кадров в педвузах РСФСР, 1917-1931 гг.: автореф. дисс. канд. пед. наук (Текст) / М.А. Матвеева/ Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. – М., 1984. – 16 с.
149. Материалы к пятилетнему плану развития народного хозяйства и культурного строительства Сибирского края (Текст) / – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. – 777 с.
150. Медведева, Г.А. Становление и развитие общественного дошкольного воспитания в РСФСР с 1917 по 1932 гг. (по материалам Алтайского края): автореф. дисс. канд. пед. наук (Текст) Г.А. Медведева; Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. – М., 1992. – 16 с.
151. Медынский, Е.Н. Народное образование в СССР (Текст) / Е.Н. Медынский. – М.: Акад. пед. наук РСФСР, 1952. – 260 с.
152. Медынский, Е.Н. Просвещение в СССР (Текст) / Е.Н. Медынский. – М: Учпедгиз, 1955. – 239 с.
153. Мельников, А. Перспективы развития советского просвещения в Запсибкрае в 1931 г. (Текст) / А. Мельников // Просвещение Сибири. – 1930. – № 11. – С. 14-17.
154. Менделеев, Д.И. Заветные мысли. Полное издание (Текст) / Д.И. Менделеев. – М. Изд. Мысль, 1995. – 413 с.
155. Модернизация российского образования: вызовы нового десятилетия (Текст) / Галкин В.В. и др. – М.: Дело, 2016. – 98 с.
156. Моносзон, Э.И. Становление и развитие советской педагогики, 1917-1987:

- Книга для учителя (Текст) / Э.И. Монозон. – М.: Просвещение, 1987. – 223 с.
157. Москвин, В.В., и др. Московский педагогический государственный университет. 125 лет (Текст) / В.В. Москвин, А.В. Баранов. – М.: Флинта, 1997. – 560 с.
158. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сб. документов. 1917-1973 гг. (Текст) / – М.: Педагогика, 1974. – 559 с.
159. Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. (Текст) – М.: Статистика, 1977. – 448 с.
160. Наша малая родина. Хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921-1991. (Текст) / – Новосибирск: Экор, 1997. – 768 с.
161. Новиков, А. Н. Российское образование в новой эпохе: парадоксы наследия, векторы развития (Текст) / А. Н. Новиков. – М. – 2000. – 272 с.
162. Новосибирскому педагогическому – 60 лет: История и современность (Текст) / – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 1995. – 160 с.
163. О Коннор, Т.Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры (Текст) / Т.Э. О Коннор. – М.: Прогресс, 1992. – 223 с.
164. О новой структуре пединститутов. (Текст) / Приказ по наркомпросу РСФСР от 19 августа 1934г. // Бюллетень наркомпроса РСФСР. – 1934. – №29. – С. 13-14.
165. О перестройке научно - исследовательской работы // Коммунистическое воспитание. -1931. - №9-10. - С. 2 - 16.
166. О подготовке педагогических кадров (Текст) / Резолюция 2-й сессии Государственного ученого совета НКП РСФСР. – М.: Работник просвещения, 1930. – 36 с.
167. О расширении сети дошкольных учреждений и работе детсадов. Республиканское совещание 15-17 ноября 1938 г. (Текст) // Дошкольное воспитание. – 1939. – № 1. – С. 98-123.
168. О состоянии педагогических кадров, их подготовке и задачах педагогического образования (Текст) / Постановление коллегии наркомпроса

- РСФСР от 06 мая 1933 г. // Бюллетень наркомпроса РСФСР. – 1933. – №11. – С.7-12.
169. Об учебных программах и режиме в педагогических вузах, университетах и педтехникумах (Текст) / Постановление коллегии наркомпроса РСФСР от 10 ноября 1932 г. // Коммунистическое просвещение. – 1932. – С. 10-15.
170. Орахелашвили, М.П. Выведем из загона педагогические учебные заведения (Текст) / М.П. Орахелашвили // Педагогическое образование. – 1934. – № 6. – С. 1-3.
171. Орахелашвили, М.П. За перестройку научной работы (Текст) / М.П. Орахелашвили // Педагогическое образование. – 1936. – № 2. – С. 7.
172. Орахелашвили, М.П. Речь на совещании директоров педтехникумов (Текст) / М.П. Орахелашвили // Педагогическое образование. – 1934. – №4. – С. 20-23.
173. Очерки истории высшего и среднего специального образования в Сибири (1917-1980) (Текст) / – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический институт, 1986. – 236 с.
174. Очерки истории высшей школы Новосибирска (Текст) / – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 1994. – 157 с.
175. Очерки истории педагогической науки в СССР (1917-1980) (Текст) / Ред. Н.П. Кузина, М.Н. Колмаковой. – М.: Педагогика, 1986. – 288 с.
176. Павлова, Т.Л. Подготовка кадров высшей квалификации в России: интеграционные механизмы толерантности в межкультурном взаимодействии (Текст) / Т.Л. Павлова //Современные проблемы науки и образования. – 2008. – №4. – С. 88-96.
177. Паначин, Ф.Г. Педагогическое образование в СССР: Важнейшие этапы истории и современное состояние (Текст) / Ф.Г. Паначин. – М.: Педагогика, 1975. – 218 с.
178. Паначин, Ф.Г. Управление просвещением в СССР: Организационно-педагогические аспекты руководства и управления системой народного образования (Текст) / Ф.Г. Паначин. – М.: Просвещение, 1977. – 208 с.

179. Панфилов, В.Н. К вопросу об основных установках второй пятилетки культстроительства (Текст) / В.Н. Панфилов // Коммунистическое просвещение. – 1932. – № 5. – С. 54-57.
180. Панфилов, В.Н. Руководящие и научно-педагогические кадры (Текст) / В.Н. Панфилов // Коммунистическое просвещение. – 1931. – №8. – С. 21.
181. Парфёнов, Г.С., Бударин, М.Е. Омский педагогический институт им. А.М. Горького (К 30-летию со дня основания). 1932-1962 гг. (Текст) / Г.С. Парфёнов, М.Е. Бударин. – Омск: Омский педагогический институт, 1962. – 41 с.
182. Педагогическое образование в России: становление и развитие (Текст) / общ. ред. Л.Л. Редько. Изд-во СГПИ. – Ставрополь, 2008. – 279 с.
183. Педагогическое образование: опыт, проблемы, перспективы (Текст) / Сб. науч. трудов. Ред. В.Б. Новичков. Изд-во АПН СССР. – М., 1989. – 106 с.
184. Пискунов, А.И. Педагогическое образование: концепция, содержание, структура (Текст) / А.И. Пискунов // Педагогика. – 2001. – № 3. – С. 41-48.
185. План пятилетки и контрольные цифры (Текст) // Профтехобразование. – 1930. – №1. – С.3-9.
186. Платонова, Л.Н. Руководство Коммунистической партией Советского Союза подготовкой педагогических кадров в РСФСР в годы первой пятилетки (1928-1932 гг.): автореф. дисс. канд. ист. наук (Текст) / Л.Н.Платонова; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – М., 1968. – 20 с.
187. Платонова, Л.Н. Руководство Коммунистической партии перестройкой системы подготовки педагогических кадров в годы первой пятилетки (Текст) // Тезисы докладов 2-й внутривузовской научно-теоретической конференции. – Калинин, 1967. – С. 48-56.
188. Подружин, Г.И. Подготовка педагогических кадров Западной Сибири в годы первой пятилетки (1928-1932 гг.) (Текст) / Г.И. Подружин // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и дальнего Востока. – Новосибирск, 1968. – С. 168-177.

189. Пономарёв, С.А. Научно-педагогические учреждения Западной Сибири в 30-е гг. XX века (организация и подготовка кадров) (Текст) / С.А. Пономарёв // Роль науки в освоении восточных районов страны. Тезисы докладов и сообщений всероссийской науч. конференции / отв. ред. Л.М. Горюшкин. – Новосибирск: СО РАН, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего востока, 1992. – С. 253-255.
190. Пономарёв, С.А. «Апории» развития научно-исследовательской деятельности работников в сфере образования Западной Сибири в 1930-е гг. (Текст) / С.А. Пономарёв // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 4. – С. 75-78.
191. Пономарев, С.А. Западносибирские вузы накануне Великой Отечественной войны (Текст) / С.А. Пономарёв // 50 лет Победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне. Материалы региональной науч. конференции / отв. ред. А.Т. Москаленко. – Новосибирск: СО РАН, 1995. – С. 196-199.
192. Пономарёв, С.А. Из истории становления педагогического образования в Сибири (Текст) / С.А. Пономарёв // Педагогическое образование в современных условиях: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Новосибирск: НГПУ, 2013. – С. 63-71.
193. Пономарев, С.А. Модернизация педагогического образования и исторический опыт развития российской высшей школы (Текст) / С.А. Пономарёв // Проблемы гуманитарного образования: материалы региональной научно-практической конференции (16-17 сентября 2010 г.) / под ред. А.А. Курулёнка. – Куйбышев: НГПУ, 2010. – С. 68-69.
194. Пономарёв, С.А. Новосибирский государственный педагогический институт в годы Великой Отечественной войны (Текст) / С.А. Пономарёв // Сибиряки в борьбе за власть Советов, за защиту социалистического Отечества. Тезисы, докл. и сообщ. на всесоюзной науч. конф., посвящённой 70-летию освобождения Сибири от колчаковщины и 45-летию Победы в Великой Отечественной войне (3-7 июня 1990 года) / отв. ред. Н.П. Шуранов. – Кемерово: КГУ, 1990. – С. 50-52.

195. Пономарев, С.А. Организация педагогических учебных заведений в Западной Сибири (Текст) / С.А. Пономарёв // Куйбышев (Каинск): исторический опыт социально-экономического и культурного развития: Тезисы региональной научно-практической конференции (5-6 декабря 1997 г.) / ред.: В.И. Баяндин (отв. ред.), С.А. Пономарев, А.Г. Петров [и др.]. – Куйбышев-Новосибирск: НГПУ, 1997. – С. 77-79.
196. Пономарёв, С.А. Педагогическое образование в Западной Сибири в 1930-1990-е гг. (Текст) / С.А. Пономарев // Педагогическое образование и наука. – 2007. – № 4. – С. 56-59.
197. Пономарёв, С.А. Педагогическое образование в Западной Сибири: опыт советской модернизации (30-е годы XX столетия): монография (Текст) / С.А. Пономарёв. – Новосибирск: Немо-Пресс, НГПУ, 2017. – 258 с.
198. Пономарев, С.А. Проявление политического протеста в учебных заведениях Западной Сибири в 1930-е годы (Текст) / С.А. Пономарёв // Годы, события, люди (Новосибирская область 20-50-х гг. XX в.): Отдел культуры территориальной администрации г. Куйбышева Новосибирской области, Городской краеведческий музей / ред. И.И. Быков. – Куйбышев, 2002. – С. 25-27.
199. Пономарёв, С.А. Развитие направлений научных исследований в педагогических вузах Западной Сибири в 1930-е годы (электронный ресурс) / С.А. Пономарев // Современные исследования социальных проблем. Серия Педагогические науки. – 2017. – Т. 8. – № 10 – С.157-170. Режим доступа: <http://ej.soc-journal.ru/archive/2017.html> .
200. Пономарёв, С.А. Ретроспективный обзор архивных источников о становлении педагогического образования в западносибирском регионе / С.А. Пономарев // Конструктивные педагогические заметки. – 2017. – Т. 3.– № 5(8). – С. 82-100.
201. Пономарёв, С.А., Томилин, А.Н. Состояние учебно-материальной базы педагогических вузов и техникумов в Западно-Сибирском регионе в начале второй пятилетки: проблемы и решения (Текст) / С.А. Пономарёв, А.Н. Томилин //

- European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2017. – № 7. – С. 295-301.
202. Пономарёв, С.А., Томилин, А.Н. Формирование материальной базы западносибирских педагогических вузов в 1930-х гг.: проблемы и решения // Современные проблемы науки и образования (Электрон. ресурс / С.А. Пономарев, А.Н. Томилин. – 2017. – № 5. – С. 236 - 245. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/issue>
203. Потапчук, О.М. Партийное руководство развитием народного образования 1917-1937 гг. (На материалах Алтайской партийной организации): автореф. дисс. канд. ист. наук (Текст) / О.М. Потапчук; Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. – М., 1989. – 16 с.
204. Потёмкин, Н. Перспективы развёртывания сети педтехникумов (Текст) / Н. Потемкин // Народное просвещение. – 1927. – № 11-12. – С. 81-85.
205. Проблема всеобщего начального обучения в РСФСР (Текст) // Народное просвещение. – 1928. – № 2. – С. 40-41.
206. Проблемы истории советской школы и педагогики: В 3-х частях. (Текст). Ред. З.И. Равкин. – М., 1990-1991. – 648 с.
207. Прозоровский, Н.Г. 20 лет Иркутского государственного педагогического института (Текст) / Н.Г. Прозоровский // Учёные записки иркутского пединститута. Вып. 5. – Иркутск, 1940. – С. 46-53.
208. Пудалова, О.М. Деятельность партийных организации Восточной Сибири по развитию народного образования в 1930-1937 гг.: автореф. дисс. канд. ист. наук (Текст) / О.М. Пудалова; Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова. – Иркутск, 1971. – 25 с.
209. Пузин, А.А. Высшая школа и техникумы Западной Сибири. (Справочник для поступающих) (Текст) / А.А. Пузин. – Новосибирск: Запсибкрайиздат, 1934. – 128 с.
210. Пыльнев, М.И. Педагогические институты РСФСР (Историко-педагогические очерки 1930-1950 гг.): автореф. дисс. канд. пед. наук (Текст) / М.И.

Пыльнев; Академия педагогических наук РСФСР, Научно-исследовательский институт теории и истории педагогики. – М., 1952. – 16 с.

211. Рабичев. Основные вопросы педагогического образования (Текст) / Рабичев // Педагогическое образование. – 1934. – №2. – С. 6-12.

212. Равкин, З.И. Актуальные проблемы методологии историко-педагогических исследований (Текст) / З.И. Равкин. – М.: РАО, 1993. – 98 с.

213. Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы) (Текст). – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 896 с.

214. Родин, А.М. Подготовка педагогических кадров в РСФСР в 30-е годы: проблемы и трудности (Текст) / А.М. Родин // Педагогика. – 1996. – №6. – С. 93-97.

215. Романов, В.В. Становление педагогического образования в Приамурье. Страницы истории. В 2 кн. Кн. 1 (конец XIX в. – 1955г.) (Текст) / В.В. Романов. – Хабаровск: Изд. ГОУ ВПО ДВГГУ, 2006. – 192 с.

216. Рыжов А.Н. Генезис педагогических понятий в России в XI – XX вв. (Текст). Монография. – М.: МПГУ, 2012. – 300 с.

217. Рыжов А.Н. История образования и педагогической мысли: учебник для студентов бакалавриата колледжей и вузов, обучающихся по направлению «Педагогическое образование» (Текст) / Под ред. А.И. Пискунова, А.Н. Джуринского, М.Г. Плоховой. 4-е изд. перераб. — М.: ИД Юрайт, 2015. – 575 с.

218. Рябова, Е.Д. Деятельность партийной организации Западной Сибири по подготовке педагогических кадров в 1930-1937 гг. (Текст) / Е.Д. Рябова // Вопросы историографии и источниковедения истории партийных организаций Сибири. – Новосибирск, 1975. – С. 103-111.

219. Рябова, Е.Д. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по подготовке педагогических кадров в процессе осуществления всеобщего начального и введения семилетнего образования (1930-1937 гг.): автореф. дисс. канд. ист. наук (Текст) / Е.Д. Рябова; АН СССР, Сибирское отделение, Институт истории, филологии и философии. – Новосибирск, 1977. – 19 с.

220. Рябова, Е.Д. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по укреплению учебно-материальной базы педагогических учебных заведений (Текст) / Е.Д. Рябова // Деятельность партийных организаций Западной Сибири по развитию общеобразовательной школы в период строительства и упрочения социализма. – Новосибирск, 1982. – С. 14-23.
221. Рябова, Е.Д. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по развитию и укреплению системы подготовки педагогических кадров в годы второй пятилетки (1933-1937 гг.) (Текст) / Е.Д. Рябова // КПСС в борьбе за осуществление ленинского плана построения социализма. – Новосибирск, 1976. – С. 79-82.
222. Рябова, Е.Д. Деятельность партийных организаций по формированию марксистско-ленинского мировоззрения студентов педагогических учебных заведений в годы первых пятилеток (1928-1937) (Текст) / Е.Д. Рябова // Партийное руководство культурным строительством в Сибири. – Новосибирск, 1984. – С. 57-62.
223. Савина, Н.Н. Общепедагогическая подготовка учителя в системе высшего педагогического образования (1931-1941): автореф. дисс. канд. пед. наук (Текст) / Н.Н. Савина; Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. – М., 1990. – 16 с.
224. Сагирова, Ф.М. Из опыта партийного руководства подготовкой педагогических кадров в РСФСР (1933-1937) (Текст) / Ф.М. Сагирова // Страницы великого пути. Вып. 3. – М.: МГУ, 1970. – С. 31-40.
225. Сагирова, Ф.М. Коммунистическая партия – организатор подготовки педагогических кадров в годы второй пятилетки (по материалам РСФСР): автореф. дисс. канд. ист. наук / Ф.М. Сагирова; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – М., 1971. – 19 с.
226. Сафронов, К.В. Задачи педагогического образования в свете решений XVII съезда ВКП (б) (Текст) / К.В. Сафронов // Педагогическое образование. – 1934. – № 2. – С. 13-16.
227. Сборник постановлений и распоряжений Президиума Западносибирского

- крайисполкома, его отделов и управлений (Текст) – Новосибирск: Запсибкрайиздат, 1936. – 219 с.
228. Селеверстова, Н. Студенчество эпохи сталинизма (Текст) / Н. Селеверстова // Вестник высшей школы. – 1991. – № 11. – С. 61-66.
229. Семашко, В.Ф. Роль и значение учительских институтов в подготовке учителей советской школы: автореф. дисс. канд. пед. наук(Текст)/ Московский областной педагогический институт. – М., 1955. – 16 с.
230. Сергеевых, Г.П. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по укреплению высшей школы в предвоенные (1938 – июнь 1941) годы: автореф. дисс. канд. ист. наук (Текст) / Г.П. Сергеевых; Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева. – Томск, 1977. – 24 с.
231. Сергеевых, Г.П. Партийное руководство томскими вузами в 1938-1941 гг. (Текст) / Г.П. Сергеевых // Томская областная партийная организация – боевой отряд КПСС. – Томск, 1985. –С. 36-38.
232. Сибирская краевая плановая комиссия. Материалы к пятилетнему плану развития народного хозяйства и культурного строительства Сибирского края (Текст) / – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. – 777 с.
233. Сибирская советская энциклопедия / Под ред. Б.З. Шумяцкого, А.А. Ансона, М.М. Басова. В 3 т. Тома 2-3. – Новосибирск: Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, 1929-1932.
234. Смирнова, Н.Г. К вопросу о развитии и становлении дошкольного воспитания (Текст) / Н.Г. Смирнова // Социально-экономические проблемы перестройки в Сибири. Материалы Всесоюзной конференции 18-20 января 1989 г. в г. Кемерово, Часть 2. – Кемерово, 1989. – С. 207-211.
235. Смятских, А.Л. История развития среднего специального педагогического образования в России. Спецкурс. Часть 1 (Текст) / А.Л. Смятских. – М.: Исслед. центр гособразования СССР, 1991. – 56 с.
236. Советская культура в реконструктивный период, 1928-1941. Сб. статей (Текст) / Отв. ред. М.П. Ким. – М.: Наука, 1988. – 605 с.
237. Соколов, В.В. Партийно-государственная политика в области

- профессионального образования (20-30 гг. XX века): автореф. дисс. канд. ист. наук (Текст). – М., 1995. – 18 с.
238. Соколов, М.В. Что побуждает нашу молодежь идти на учебу в педтехникум (Текст) / М.В. Соколов // Педагогическое образование. – 1934. – № 3. – С.30-37.
239. Сопьяниченко, Н.С. Партийное руководство высшей школой в 1936-1941 гг. автореф. дисс. канд. ист. наук / Н.С. Сопьяниченко; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – М., 1975. – 22 с.
240. Соскин, В.Л. Высшая школа Сибири в период социализма: этапы и историография (Текст) / В.Л. Соскин // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917-1941). – Новосибирск, 1980. – 368 с.
241. Соскин, В.Л. Культурная революция: так что же у нас было? (Текст) / В.Л. Соскин // Советская история: проблемы и уроки. – Новосибирск: Наука, 1992. – 225 с.
242. Соскин, В.Л. Формирование системы народного образования в Сибири в период социализма (1917-1941) (Текст) / В.Л. Соскин // Историография культуры и интеллигенции Советской Сибири. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978. – С. 6-75.
243. Социальное развитие СССР. Стат. сб.(Текст) – М.: Финансы и статистика, 1990. – 398 с.
244. Спорные вопросы марксистской педагогики. / Стенограмма расширенного заседания коллегии Наркомпроса РСФСР 03. 12. 1928 г. - М.: Работник просвещения. -1929. - 19 с.
245. Сталин, И.В. Речь тов. Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы (Текст) / И.В. Сталин. – Сталинград, 1938. – 12 с.
246. Сталин И. В. Приветствие 1 съезду учителей (Текст) / И.В. Сталин //Учительская газета. 10 января 1925 г. - №2.
247. Степашко, Л.А. Вопросы теории содержания общего образования в советской педагогике (1917-1937). Учебное пособие по спецкурсу (Текст) / Л.А. Степашко. – Челябинск, 1980. –76 с.

248. Степашко, Л.А. Историко-педагогическое теоретическое исследование: научный аппарат (Текст) / Л.А. Степашко. – Изд-во ХГПУ. Хабаровск, 2005. – 60 с.
249. Степашко, Л.А. Отечественная педагогика советского периода: попытка осмысливания (Текст) / Л.А. Степашко // Педагогика. – 1993. – №6. – С. 54-57.
250. Степашко, Л.А. Социалистическая концепция содержания общего образования: историко-педагогический очерк (1917-1941) (Текст) / Л.А. Степашко. – Владивосток: Изд. Д-Восточного ун-та. – 1988. – 168 с.
251. Стратегия для России: образование (Текст) / Т.Л. Клячко, С.Г. Синельников-Муфылёв. – М.: Дело, 2018. – 118 с.
252. Струмилин, С.Г. Хозяйственное значение народного образования (Текст) / С.Г. Струмилин. – М.-Л.: Экон. жизнь, 1924. – 63 с.
253. Сулимов, В.С. Очерки по истории народного образования Западной Сибири (Текст) / В.С. Сулимов. – Тюмень, Тюменский государственный университет, 1995. – 56 с.
254. Таскаев, Н.Е. Мероприятия партийных организаций Западной Сибири по расширению в крае сети высших и средних специальных учебных заведений (1928-1937) (Текст) / Н.Е. Таскаев // Партийные организации Западной Сибири в период строительства социализма и коммунизма. – Кемерово: Кемеровский госпединститут, 1974. – С. 65-70.
255. Татарникова, О.Л. Высшая школа Западной Сибири в 1917-1941 гг.: автореф. дисс. канд. ист. Наук (Текст) / О.Л. Татарникова; Новосибирский государственный университет. – Новосибирск, 1996. – 16 с.
256. Томский государственный педагогический институт. (Текст) – Томск: ИНТЭК, - 1995. – 208 с.
257. Томский университет, 1880-1980. (Очерк истории и деятельности) (Текст) / отв. ред. М. Е. Плотникова. – Томск: Томский государственный университет, 1980. – 432 с.
258. Трофимов, П.Л. К истории введения всеобщего начального обучения в Западной Сибири (1930-1933 гг.) (Текст) / П.Л. Трофимов // Культурное

- строительство в Сибири в 1917-1960 гг. Вып. 1. – Новосибирск, 1962. – С. 21-30.
259. Трофимов, П.Л. К истории народного образования в Сибири во второй пятилетке (1933-1937 гг.) (Текст) / П.Л. Трофимов // Культурное строительство в Сибири. – Новосибирск, 1965. – С. 57-68.
260. Тюменский государственный педагогический институт. 1930-1960 (Текст) / под ред. В.А. Сластенина. – Тюмень: Министерство просвещения РСФСР, 1961. – 95 с.
261. Учёные записки Томского государственного педагогического института (Текст) – Томск, – 1939. Вып. 1. – 179 с.
262. Ушинский, К.Д. Избранные педагогические произведения (Текст) – М., Просвещение, 1968. – 557 с.
263. Фальборк, Г.А. Всеобщее образование в России (Текст) / Г.А. Фальборк. – М.: тип. И.Д. Сытина, 1908. – 212 с.
264. Фарская, С. Квалификационные кадры дошкольным учреждениям (Текст) / С. Фарская // Педагогическое образование. – 1934. – № 2. – С. 65-67.
265. Федоров, В.Ф. Подготовка кадров в вузах Томска за годы социалистического строительства (Текст) / В.Ф. Федоров // Социалистическое и коммунистическое строительство в Сибири. Вып. 5. – Томск, 1967. – С. 121-125.
266. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город (Текст) / Ш. Фицпатрик / пер. с англ, Л.Ю. Пантина. – 2-е изд. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2008. – 336 с.
267. Фицпатрик, Ш. Русская революция (Текст) / Ш. Фицпатрик / пер. с англ Н. Эдельмана. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 320 с.
268. Фрадкин, Ф.А. Педология: мифы и действительность (Текст) / Ф.А. Фрадкин. – М.: Педагогика, 1991. – 178 с.
269. Френкель. Решение ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе в действии. (По материалам бригады Наркомпроса) (Текст) / Френкель // Коммунистическое просвещение. – 1932. – № 2. – С. 36-37.
270. Фридман, С.М. Какие нужны педагоги и как их готовить (Текст) / С.М.

Фридман. – М.: Работник просвещения, 1930. – 54 с.

271. Хильченко, Н. Из практики введения всеобщего начального обучения (Текст) / Н. Хильченко // Просвещение Сибири. – 1930. – № 5. – С. 19-20.

272. Хлевнюк, О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография (Текст) / О.В. Хлевнюк. – М.: Изд. АСТ: CORPUS, 2017. – 464 с.

273. Ходанович, И.Д. Деятельность Коммунистической партии по подготовке учительских кадров в период упрочения и развития социалистического общества (1936-1941 гг.): автореф. канд. ист. Наук (Текст) / И.Д. Ходанович; Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена. – Л., 1966. – 23 с.

274. Ходоровский, И.И. Народное образование в советской республике (Текст) / И.И. Ходоровский. – М.: Госиздат, 1925. – 40 с.

275. Хроменкова, Н.И. Партийное руководство культурным строительством в Западной Сибири в 1928-1937 гг. и его освещение в современной историографии (Текст) / Н.И. Хроменкова // Вопросы историографии и общественно-политической истории Сибири. Тезисы докладов научной конференции 17 апреля 1990 г. – Омск, 1990. – С. 164-166.

276. Хроника Новосибирской организации КПСС. В 2 ч. Часть 1. 1891-1941 (Текст). Сб. документов. – Новосибирск, 1988. – 352 с.

277. Худоминский, П.В. Развитие системы повышения квалификации педагогических кадров советской общеобразовательной школы (1917-1981 гг.) / (Текст) П.В. Худоминский. – М.: Педагогика, 1986. – 182 с.

278. Худяков, А.А. История Алтайского края (Текст) / А.А. Худяков. – Барнаул: Алтайское книж. изд., 1973. – 96 с.

279. Цивнюк, К.Д. Развитие дошкольного воспитания в г. Красноярске за 50 лет (Текст) / К.Д. Цивнюк // Народное образование в Красноярском крае за годы советской власти. – Красноярск, 1970. – С. 91-96.

280. Цирульников, А.М. Модернизация и развитие образования: социокультурная альтернатива (Текст) / А.М. Цирульников // Педагогика. – 2016. – № 8. – С. 18-31.

281. Черемисина, Т.А. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по

- развитию среднего педагогического образования в годы первой пятилетки (Текст) / Т.А. Черемисина // Из истории партийных организаций Сибири. Научные труды Новосибирского государственного педагогического института. Вып. 83. – Новосибирск, 1972. – С. 59-70.
282. Чернявский, А.Г. др. История образования и педагогической мысли (Текст) / А.Г. Чернявский. – Т.1. История. – М.: Изд. Инфра-М, 2018. – 264 с.
283. Чуркина, Н.И. История общего и педагогического образования в Омской области: монография (Текст) / Н.И. Чуркина. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. – 144 с.
284. Чуркина Н.И. Педагогическое образование как социокультурный феномен: история становления (Текст): монография / Н.И. Чуркина. - СПб. : Книжный дом, 2010. - 236 с.
285. Чуркина, Н.И. Становление педагогического образования в Западной Сибири (вторая половина XIX века – 1919 год): автореф. докт. пед. наук. – Омск, 2012. – 40 с.
286. Чуткерашвили, Е.В. Развитие высшего образования в СССР (Текст) / Е.В. Чуткерашвили. – М.: Высшая школа, 1961. – 240 с.
287. Шадрина, Е.В. Кадровое обеспечение Западносибирских общеобразовательных учебных заведений 30-х гг. XX в. (историко-педагогический аспект) (Текст) / Е.В. Шадрина // Психология и педагогика. – 2011. – №5. – С.168-171.
288. Шамахов, Ф.Ф. Народное образование в Томской области за сорок лет Советской власти (Текст) / Ф.Ф. Шамахов, М.Я. Гиро, Т.Ф. Зайцева. – Томск: Томское обл. отделение Общества по распространению полит. и научн. знаний РСФСР, 1957. – 68 с.
289. Шамахов, Ф.Ф. Страницы истории Томского пединститута (Текст) / Ф.Ф. Шамахов // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917-1941 гг.). – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 204-218.
290. Шамахов, Ф.Ф. Томскому пединституту 20 лет (Текст) / Ф.Ф. Шамахов //

Высшая школа. – 1951. – №3. – С. 75-79.

291. Шамахов, Ф.Ф. Старейшее учебное заведение Сибири (Текст) / Ф.Ф. Шамахов, П.Л. Трофимов // Народное образование. – 1973. – № 5. – С. 72-74.

292. Шимбирев, П.Н. 30 лет советского высшего педагогического образования (Текст) / П.Н. Шимбирев // Вестник высшей школы. – 1947.– № 11. – С. 28-46.

293. Шимбирев, П.Н. Педагогические кадры и всеобщее обучение (Текст) / П.Н. Шимбирев // Вестник высшей школы. – 1929. – № 4. – С. 22-31.

294. Шимбирев, П.Н. Работу педтехникумов на новую ступень (Текст)/ П.Н. Шимбирев // За педагогические кадры. – 1931. – № 5. – С.14-18.

295. Школа и учительство Сибири: 20 -е -нач. 30-х гг. Сб. статей (Текст) / отв. ред. В.Л. Соскин. – Новосибирск: Наука, 1978. – 190 с.

296. Школа Сибири за 60 лет Советской власти (Текст) / под ред. Ф.Ф. Шамахова, П.Л. Трофимова, Р.И. Валова. Отв.ред. П.П. Костенков. – Барнаул, 1982. – 255 с.

297. Штамм, С.В. Управление народным образованием в СССР (1917-1936) (Текст) / С.В. Штамм. – М.: Педагогика, 1985. – 284 с.

298. Шульгин, В.Н. Основные вопросы социального воспитания (Текст) / В.Н. Шульгин. – М.: Изд. Ин-тут методов школьной работы 1925. – 127 с.

299. Эйхе, Р.И. Большевики ликвидируют культурную отсталость Сибири. Речь на краевом съезде учителей-ударников Зап.-Сиб.края 13 мая 1936 г. (Текст) / Р.И. Эйхе. – Новосибирск: Запсибкрайиздат, – 1936. – 22 с.

300. Эйхе, Р.И. Новый этап и задачи Сибпарторганизации. (Доклад и заключительное слово на V Сибпартконференции) (Текст) / Р.И. Эйхе. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. – 96 с.

301. Элькина, Д.Ю. Единый план культурного строительства (Текст) / Д.Ю. Элькина. – М-Л. Госиздат, 1930. – 93 с.

302. Эпштейн, М.С. Основные проблемы педобразования (Текст) / М.С. Эпштейн // Педагогическая квалификация. – 1930. – № 3. – С. 4-11.

303. Эпштейн, М.С. Очередные задачи педтехникумов (речь на совещании директоров педтехникумов) (Текст) / М.С. Эпштейн // Педагогическое

образование. – 1934. – № 4. – С. 3-12.

304. Юинг, Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. (Текст) / Е.Т. Юинг; (пер. с англ. Д.А. Благова). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСССПЭН); фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 359 с.

305. Юмашев, А.С. Из истории партийной организации Новосибирского пединститута (Текст) / А.С. Юмашев // Руководство партийных организаций Сибири культурным строительством в период развёрнутого строительства социализма. Научные труды НГПУ. – Новосибирск, 1974. – С. 56-62.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

306. Фонд А-298. Государственный ученый совет наркомата просвещения РСФСР.

307. Фонд А-374. Центральное статистическое управление РСФСР (ЦСУ РСФСР).

308. Фонд А- 262. Центральная плановая комиссия СНК РСФСР.

309. Фонд А -1562. Центральное статистическое управление СССР (ЦСУ СССР)

310. Фонд А-1565. Главное управление профессионального образования (Главпрофобр).

311. Фонд А-2306. Наркомат по просвещению РСФСР.

312. Фонд Р-8080. Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ) при Совете народных комиссаров СССР.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

313. Фонд 1562 Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР).

314. Фонд 4372. Государственный плановый комитет СССР (Госплан СССР) Совета Министров СССР.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

315. Фонд 12. Личный фонд Н. К. Крупской.

Государственный архив Новосибирской области (ГАО)

316. Фонд П-2. Сибирский краевой комитет ВКП (б).

Опись 4; Опись 7.

317. Фонд П-3. Западно-Сибирский краевой комитет ВКП (б).

318. Фонд П-4. Новосибирский областной комитет КПСС.

319. Фонд П-22. Новосибирский городской комитет ВКП(б).

320. Фонд Р 12. Плановая комиссия Запсибкрайисполкома.

321. Фонд Р-47. Исполнительный комитет Западносибирского краевого совета депутатов трудящихся.

322. Фонд Р-61 Отдел народного образования Запсибкрайисполкома (Запсибкрайон).

323. Фонд Р-1366. Главное управление народного образования администрации Новосибирской области.

324. Фонд Р-1596. Новосибирский государственный педагогический институт.

325. Фонд Р-1935. Куйбышевское педагогическое училище.

Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО)

326. Фонд 80. Томский городской комитет ВКП(б).

327. Фонд 321. Партийная организация Томского педагогического института.

Государственный архив Томской области.

328. Фонд 566. Томский государственный педагогический институт.

329. Фонд 815. Томский государственный университет

Государственный архив города Новосибирска (ГАГН)

330. Фонд 382. Новосибирский городской отдел народного образования

Текущий архив Новосибирского государственного педагогического университета (ФГБОУ ВО «НГПУ»).

331. Приказы по институту за 1939-1941 гг.

332. Личные дела преподавателей НГПИ.

333. Личные дела студентов НГПИ.